ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 2 (14) 2023

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 2 (14)

2023

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 2 (14) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный редактор номера
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2023
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2023

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 2 (14)

2023

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 2 (14) 2023
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editor of the issue
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu.Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2023
© Orel State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции..... 7

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Ли Юймин. Изучение языковой жизни и задачи китайского языкознания 9

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Кириленко С.В. Языковое планирование 42

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

Алпатов В.М. Американские синонимы в японском языке 56
Будажапова Л.Б., Харанутова Д.Ш. Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках 64
Hasan Berkcan Simsek. The contested legacy of borrowing: attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords in Turkish. 79

ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ

Nguyen Van Hiep. Conflicts of writing system among ethnic minority communities in Vietnam: a case of Hmong, Katu, and Raglai 98

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

Duong Thu Hang, Nguyen Thu Quynh. Current state of endangered ethnic minority languages in Vietnam 112
Хилханова Э.В., Иванов В.В. Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии 129

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Ма Лина. Языковое законодательство в отношении национальных меньшинств в КНР 154

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия: *Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова В.А.* Языки Южной Монография Сибири в динамике социального контекста. Абакан, 2022 (***Хилханова Э.В.***) 174

Рецензия: *Ретинская Т.И.* Региональный вариант французского языка: социолингвистический и лингвостилистический анализ: Уч. пособие. Орёл: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2021 (***Бахвалова Т.В., Попова А.Р.***). 177

Требования и рекомендации к оформлению статей 183

CONTENTS

Editorial preface. 7

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

Li Yuming. The study of language life and goals of Chinese linguistics 9

LANGUAGE POLICY

Kirilenko S.V. Language planning. 42

LANGUAGE CONTACTS

Alpatov V.M. American loan-words in Japan. 56
Kharanutova D.Sh., Budazhapova L.B. Borrowed Buddhist vocabulary in Mongolian languages . .64
Hasan Berkcan Simsek. The contested legacy of borrowing: attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords in Turkish. 79

LANGUAGE CONFLICT

Nguyen Van Hiep. Conflicts of writing system among ethnic minority communities in Vietnam: a case of Hmong, Katu, and Raglai 98

LANGUAGE SITUATION

Duong Thu Hang, Nguyen Thu Quynh. Current state of endangered ethnic minority languages in Vietnam. 112
Khilkhanova E.V., Ivanov V.V. The commodification of languages and linguistic landscape of the capital of Mongolia. 129

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

***Ma Lina*.** Language legislation in relation to national minorities in the People's Republic of China.154

CRITICS AND REVIEWS

Review on the book by *Borgoyakova T.G., Guseinova A.V., Pokoyakova V.A.* Languages of Southern Siberia in the dynamics of social context (***E.V. Khilkhanova***) 174

Review on the textbook by *Retinskaya T.I.* Regional variant of French: sociolinguistic and linguo-stylistic analysis (***T.V. Bakhvalova, A.R. Popova***) 177

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Перед Вами четырнадцатый выпуск журнала «Социолингвистика», продолжающий освещать социолингвистические вопросы и темы равития языков в разных регионах мира. Номер посвящен языковым проблемам восточных ареалов мира – Китая, Вьетнама, Монголии, Турции, Японии – в социолингвистическом аспекте.

Традиционную рубрику журнала, посвященную теоретическим вопросам социолингвистики, открывает статья Ли Юймина о задачах китайской социолингвистики. Изучение языковой жизни в Китае помимо теоретического осмысления получает практическую реализацию в жизни китайского общества. Автор анализирует новые труды в области социолингвистической теории, посвященные вопросам языковой жизни, языковой политики, в том числе, в отношении малых языков, новым задачам и методам в китайской социолингвистике. Опыт китайских социолингвистов позволяет по-новому взглянуть на мировой опыт решения социолингвистических вопросов.

Рубрика, посвященная языковой политике, представляет материал С.В. Кириленко о новых теоретических и практических подходах в понимании и, соответственно реализации языкового планирования. Помимо рассмотрения динамики развития основных сегментов языкового планирования, анализируется деятельность различных акторов на макро-, мезо- и микроуровнях планирования, дается оценка существующим сценариям языкового планирования.

Объектом исследования в этом номере стали также и языковые контакты. В статьях В.М. Алпатова, Д.Ш. Харанутовой и Л.Б. Будажаповой, Хасана Беркджана Шимшека подробно рассматриваются результаты языковых контактов – языковые заимствования в японском, турецком и монгольских языках. Авторы анализируют пути проникновения и функционирования заимствованной лексики в указанных языках на фоне исторических эпох. Интересным является исследовательский аспект оценки носителями языка заимствованной лексики: по мнению Хасана Беркджана Шимшека, преднамеренное использование заимствований вместо «чистых» слов сигнализирует о различных коннотациях идентичности.

Анализу языковой ситуации, языковой политики и языкового законодательства современного Вьетнама и Китая посвящены исследования Э.В. Хилхановой и молодых авторов В.В. Иванова и Ма Лины. В статьях указанных авторов отражены актуальные тенденции

развития этих стран, изучение различных аспектов языковой ситуации и языковой политики, что является одной из ключевых тем социолингвистов, и шире – одной из стратегических задач мирового сообщества на ближайшие десятилетия. Особый акцент в статьях данного номера сделан на языки малочисленных народов исследуемых стран.

В одном номере журнала представляется возможным отразить лишь часть как территориальных, так и сугубо научных аспектов социолингвистики восточных ареалов. Надеемся на обмен мнениями в рамках рубрики «Дискуссии» по широкому спектру социолингвистических проблем, связанных с изучением теоретико-методологических аспектов современной социолингвистики, практических аспектов реализации языковой политики и языкового планирования в странах мира.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ
THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-9-41

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЖИЗНИ И ЗАДАЧИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Ли Юймин
Пекинский университет языка и культуры,
Китайская Народная Республика

В статье обсуждаются концепции и достижения в области исследования языковой жизни в Китае. Утверждается, что решение языковых проблем в социальном развитии должно быть отправной точкой гипотез и целью лингвистических исследований. Для изучения и решения языковых проблем рекомендуется изучать языковые явления в рамках полевых исследований, в сообществах, лабораториях и интернете. Лингвистика должна интегрировать результаты исследования языка в смежных дисциплинах, внося вклад в научное сообщество. Общество способствует развитию этих научных направлений для наиболее эффективного решения проблем социального развития. Общественная оценка научных дисциплин является мощным регулятором, однако ненаучные оценки, основанные лишь на внешних атрибутах, приведут к серьезным побочным эффектам в развитии дисциплин, заставив людей заниматься исключительно оценкой «ВВП научных исследований», забыв истинное значение науки. Оценивая науку и ученых, мы должны в основном смотреть на проблемы, которые они поднимают и решают, а также на академическую силу их исследований для продвижения той или иной дисциплины, академическую силу интеграции со смежными дисциплинами и академический импульс для социального развития. Языковая жизнь в Китае имеет свои уникальные особенности, а китайское языкознание выполняет важную историческую миссию. Мы уже находимся в авангарде в некоторых областях исследования. Принимая языковую жизнь в качестве объекта исследования и улучшение языковой жизни в Китае в качестве цели исследования, мы считаем, что можно разработать более оригинальные концепции, теории и исследовательские парадигмы для процветания китайского языкознания и содействия социальному прогрессу.

Ключевые слова: *Китай, исследование языковой жизни, историческая миссия китайской лингвистики, оценка научной дисциплины, подлинность науки*

THE STUDY OF LANGUAGE LIFE AND GOALS OF CHINESE LINGUISTICS

Li Yuming
Beijing Language and Culture University,
People’s Republic of China

The article deals with the concepts and achievements of research on language life in China. It is argued that the solution of language problems in social development should be treated as the starting point, the point of hypothesis testing and the goal of linguistic research. To study and solve language problems, it is recommended to study language phenomena in the framework of field research, in

communities, laboratories and the Internet. Linguistics should integrate language research in related disciplines, contributing to the scientific community. The society promotes the development of these disciplines for the most effective solution of social development problems. The public assessment of disciplines is a powerful regulator, but unscientific assessments based only on the external attributes will lead to serious side effects in the development of disciplines, forcing people to engage exclusively in the assessment of the "GDP of scientific research", forgetting the true meaning of science. When evaluating scientific disciplines and scientists, we should mainly look at the problems they raise and solve, as well as the academic power of their research to promote a particular discipline, the academic power of integration with related disciplines and the academic impetus for social development. Language life in China has its own unique Chinese characteristics, and Chinese linguistics has an important historical mission. We are already at the forefront of the world in some areas. By taking language life as an object of research and improving language life in China as a research goal, we believe that more original concepts, theories and research paradigms can be developed for the prosperity of Chinese linguistics and the promotion of social progress.

Keywords: *China, language life research; the historical mission of Chinese linguistics; subject evaluation, academic authenticity*

1. Языковая жизнь

Термин «языковая жизнь» (кит. 语言生活) восходит к Японии времен до и после Второй мировой войны. В частности, к 1951 г., когда Национальный институт японского языка и культуры Японии учредил ежемесячный журнал «Языковая жизнь» (яп. 言语生活)[1] и начал публиковать отчеты о языковых исследованиях под заголовком «Реальность языковой жизни»[2]. Слово 言语 в японском эквивалентно слову 语言 (рус. «язык») в китайском, и, согласно представлениям японских ученых того времени, «языковая жизнь» может относиться ко всем проблемам человеческого языкового общения. В повседневной жизни человеку необходимы еда, одежда, жилье и транспорт, но кроме того он нуждается в языковом общении в разных жизненных ситуациях, которые и формируют языковую жизнь.

Обзор изучения языковой жизни в Китае

По свидетельствам автора статьи, самым ранним документом в Китае, в котором используется термин «языковая жизнь», является труд «Вопросы стандартизации современного китайского языка», написанный Ло Чанпэем и Люй Шусяном в 1955 г. [Ло Чанпэй, Люй Шусян, 1956]. В то время данный термин использовался в кавычках, что указывало на то, что «языковая жизнь» все еще употреблялась метафорически, и это был временный новый термин. Впоследствии он редко встречался и, как правило, употреблялся попеременно с термином 语文

[1] Издавался до 1988 г.
[2] Автор благодарит профессора Лю Хайянь за предоставление соответствующих материалов из Японии.

生活[3]. В 1997 г. Моу Цзы опубликовал труд «Языковая жизнь и духовная цивилизация» («语言生活与精神文明»), в котором было задано базовое определение языковой жизни [Го Си, 2015].

И только с 2005 г. термин «языковая жизнь» получил широкое применение, став базовой концепцией языкового планирования в Китае. В 2005 г. Государственная комиссия по языку начала выпускать «Отчет о языковой жизни в Китае» (широко известный как «Зеленая книга»), который ежегодно издается уже на протяжении 17 лет. Принимая «Зеленую книгу» за «академический плацдарм», китайские исследователи последовательно подготовили девять «книг», отражающих языковую жизнь Китая[4]: с 2015 по 2017 г. были изданы «Отчет об исследовании языковой политики Китая» (широко известный как «Синяя книга»), «Отчет о языковой жизни в мире» («Желтая книга») и «Отчет о функционировании китайского языка и иероглифов» («Белая книга»). Эти четыре основных отчета ежегодно публикуются Государственной комиссией по языку, демонстрируя языковую жизнь Китая и мира и ее исследовательский статус с различных точек зрения; в 2016 г. был опубликован «Отчет о языковой жизни Пекина», в 2018 г. – «Отчет о языковой жизни Гуанчжоу», в 2020 г. – «Отчет о языковой жизни Шанхая» (отчеты трех мегаполисов периодически издаются). В 2020 г. был опубликован «Отчет о развитии лингвистических служб в Китае», который является первым в Китае отчетом о языковой жизни в данной сфере. В 2021 г. впервые вышел «Отчет о языковой жизни Гонконга, Макао и Тайваня».

Активное изучение языковой жизни Китая в рамках подготовки данных отчетов также проводит «Центр мониторинга и исследования национальных языковых ресурсов» (国家语言资源监测与研究中心), основанный в 2004 г. Постепенно были созданы подведомственные ему отделы развития печатных и интернет-СМИ, аудиовизуальных медиа, учебных материалов, этнических языков, китайского языка, применяющие методы исследования корпуса языка[5] с

[3] Например, «Модернизация языковой жизни» («语言生活的现代化») (1979), «Мой взгляд на языковую жизнь Японии» («我看日本的语文生活») (1986), «Пять вех языковой жизни» («语言生活的五个里程碑») (1989) Чжоу Югуана; «Система двуязычия в языковой жизни» («论语言生活的双语制») (1989), «Языковая жизнь четырех поколений под одной крышей – предварительное исследование языкового использования семьи Чэнь Яньняня» («四代同堂的语言生活 – 陈延年 – 家语言使用的初步考察») (1990), «Суждения об исследовании языковой жизни» («语文生活调查刍议») (1994), «Возвращаясь к вопросу исследования языковой жизни» («再论语言生活调查») (1999) Чэнь Чжантая.

[4] См.: *Ли Юймин*. Гуаньюй «Чжунго юйянь шэнхо люйпишу» [О Зеленой книге по языковой ситуации в Китае] // Юйянь вэньцзы инъюн. 2007. № 1; *Го Си*. «Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао» ши нянь [Десять лет «Докладам о языковой ситуации в Китае»] // Юйянь вэньцзы инъюн. 2015. № 3; *Су Синьчунь, Лю Жуй* Пишу дэ юйянь шиюн юй юйянь тэсэ [Языковое использование и особенности отчетов о языковой жизни] // Юйянь вэньцзы инъюн. 2015. № 3; *Ли Юймин*. Чжунго дэ юйянь шэнхо пишу синьчжэньжун – сюй «Гуанчжоу юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2018)» [Новая серия книг о языковой жизни в Китае – предисловие к докладам о языковой жизни в Гуанчжоу (2018)] // «Гуанчжоу юйянь шэнхо чжуанкуан баогао» / Под ред. Цюй Шаобина. Пекин: Commercial Press, 2018.

[5] Теория циклической динамики является базовой теорией корпусных исследований третьего поколения, согласно которой «циркуляция» и «чувство языка» рассматриваются в качестве отправной точки, а расчет «циркуляции» языковых явлений позволяет компьютерам моделировать и количественно определять чувство языка говорящих,

проведением долгосрочных мониторинговых исследований языковой жизни в ключевых сферах и регулярной публикацией данных мониторинга. Помимо подготовки консультационных отчетов и научных статей, Министерство образования также проводит ежегодные пресс-конференции, посвященные языковой жизни в Китае, а рубрика «инвентаризация китайского языка» (汉语盘点)[6] стала неотъемлемой частью содержаний Зеленой книги.

Деятельность по подготовке «инвентаризации китайского языка» была запущена Центром мониторинга и исследования национальных языковых ресурсов и издательством Commercial Press в 2006 г. Ее цель – дать возможность пользователям сети интернет описать Китай и мир одним иероглифом, одним словом, чтобы, с одной стороны, позволить испытать очарование китайских иероглифов и, с другой стороны, провести обзор социальных изменений в стране и в мире. В ходе подготовки «инвентаризации» были также опубликованы новые слова года, десять самых популярных слов в СМИ и интернете. Сбор данных осуществляется Центром посредством статистического анализа газет, радио и интернета. Более чем за десять лет «инвентаризация китайского языка» стала брендом, и даже «ежегодной культурной традицией», которая отражается в тенденции среди китайских газет и журналов разбирать и комментировать важные события года с помощью ключевых слов в конце года. «Инвентаризация китайского языка» уникальным образом сообщает обществу ситуацию в языковой жизни, становясь тем самым неотъемлемой частью самой языковой жизни.

Существует много других важных исследований, активно ведется практическая деятельность в области языковой жизни, включая использование сетевых технологий для мониторинга общественного мнения о языке, отслеживание и исследование вызывающих пристальное внимание общественности явлений языковой жизни, предотвращение или смягчение языковых конфликтов[7]. В 2008 г. Государственной комиссией по языку было объявлено о «Создании акустической базы данных китайских языковых ресурсов», а в 2015 г. запущен «Проект защиты языковых ресурсов Китая», в функции которого входит проведение общего обследования китайских диалектов и этнических языков; с 2016 г. в полном объеме проводится работа по «борьбе с языковой бедностью», в рамках которой было проведено

тем самым раскрывая внутренние законы языкового развития и изменений и открывая новые возможности для динамического обновления языковых знаний. См.: *Суй Янь.* Дунтай лютун юйляоку лилунь дэ гайнянь хэ фанфа [Концепция и метод теории циклической динамики корпуса] // Юйянь вэньцзы инюн. 2000. № 2; *Чжан Пу*. Дунтай юйянь чжиши гэнсинь яньцзю [Исследование динамической актуализации языковых знаний]. Пекин: Commercial Press, 2009.

[6] Ежегодный список наиболее популярных слов и выражений на китайском языке. – *Прим. пер.*

[7] См.: Юйянь юйцин юй юйянь чжэнцэ яньцзю [Исследование языкового общественного мнения и языковой политики] / Под ред. Вэй Хуэй. Пекин: Commercial Press, 2016; *Чжао Шицзюй.* Чжунго юйянь гуаньцэ яньцзю дэ ши зянь цзи сыкао [Мониторинговое исследование языка в Китае: практика и рефлексия] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. 2016. № 5.

исследование языковой ситуации в западных регионах и местах компактного проживания национальных меньшинств КНР; были составлены «Мировой словарь китайского языка» и «Большой мировой словарь китайского языка»[8], а также реализованы такие проекты, как «Глобальное исследование грамматики китайского языка»[9] и «Создание базы данных ресурсов китайского языка за рубежом»[10], способствующие всестороннему и глубокому пониманию языковой жизни китайцев, проживающих за рубежом.

Концепция языковой жизни

За последние несколько десятилетий, особенно за последние 20 лет, благодаря составлению серии отчетов о языковой жизни, мониторингу Центра мониторинга и исследований национальных языковых ресурсов и другим масштабным мероприятиям по языковому планированию и развитию языковых проектов, использование различных опытно-экспериментальных методик с применением цифровых данных способствовало всестороннему и глубокому пониманию языковой жизни Китая, что также способствовало развитию языковой жизни в стране и позволило обобщить некоторые научные концепции языковой жизни.

В статье «Языковая жизнь и исследование языковой жизни», основанной на более чем полувековом исследовании языковой жизни, с учетом особенностей развития и изменений в языковой жизни за последние 20 лет, мы определили понятие языковой жизни так: «различная деятельность, связанная с использованием, изучением и исследованием языка и письменности, лингвистических знаний и технологий» [Ли Юймин, 2016]. Данное определение имеет две примечательные особенности: во-первых, изучение и исследование языка включены в сферу языковой жизни, тогда как прежде в основном рассматривалось только использование языка; во-вторых, объектом использования, изучения, и исследования является не только язык и письменность, но и лингвистические знания и технологии, тем самым подчеркивается их важное положение в языковой жизни в цифровую эпоху.

Строго говоря, объектом языкового планирования являются не сами язык и письменность, а языковая жизнь: даже если языковые и письменные нормы участвуют в

[8] Цюаньцю хуаюй цыдянь [Мировой словарь китайского языка]. Пекин: Commercial Press, 2020; Цюаньцю хуаюй да цыдянь [Большой мировой словарь китайского языка]. Пекин: Commercial Press 2016. Эти труды удостоились государственной премии 4-го Конкурса издательского дела в Китае.

[9] Мегапроект Национального фонда социальных наук «Глобальные исследования китайской грамматики» (11&ZD128) под руководством Син Фуи. См.: *Син Фуи, Ван Гошэн*. Цюаньцю хуаюй юйфа яньцзю дэ цзибэнь гоусян [Краткое описание исследования глобальной грамматики китайского языка] // Юньнань шифань дасюе сюебао (чжэсюе шэхуэй кэсюебань). 2012. № 6.

[10] Проект 2017 года Ведущего инновационного центра Пекинского университета языка и культуры под руководством Го Си.

языковом планировании, то только в силу потребностей языковой жизни. Работа с государственным языком и письменностью касается не только того, «как говорить и писать», но и всей языковой жизни. Языковое планирование должно уделять внимание, решать проблемы и удовлетворять потребности языковой жизни и способствовать ее развитию. Каковы проблемы и потребности языковой жизни? Что подразумевает идеальная языковая жизнь? Что способствует развитию языковой жизни? Это вопросы, на которые необходимо ответить при языковом планировании. В процессе ответа на эти вопросы китайские ученые постепенно сформировали пять важных концепций, связанных с языковой жизнью [Ли Юймин, 2022].

1. Строительство гармоничной языковой жизни. Языковая жизнь в Китае очень сложна, и поэтому необходимо правильно регулировать отношения между языками, в том числе отношения между путунхуа и диалектами, между упрощенными и традиционными иероглифами, между общенациональным языком и этническими языками, между местными и иностранными языками, а также отношения между китайским языком в Китае и за рубежом. Постепенно было достигнуто решение о строительстве гармоничной жизни многоязычного сосуществования, в котором доминирует общенациональный язык, и способствованию гармонии социальной жизни через гармонию языковой жизни, что в результате стало основной целью государственного языкового планирования в новую эпоху.

2. Улучшение языковых навыков. Языковые навыки подразумевают способность жить комфортной языковой жизнью. Улучшение языковых навыков заключается в воспитании «многоязычных» людей, перед которыми ставится цель овладеть диалектами и этническими языками в раннем возрасте, глубоко проникнувшись культурой; изучать общенациональный язык и письменность в школе, формируя чувство общности китайской нации; овладеть одним или двумя иностранными языками, внося свой вклад в построение сообщества единой судьбы. Знание общенационального языка – это навык, необходимый для ведения дел внутри страны и за рубежом. Развитие Китая подразумевает владение его жителями языковыми навыками и способностью к коммуникации на 20 ведущих языках мира в областях управления, международных дел, военной безопасности, СМИ и общественного мнения, научно-технического образования, экономики и торговли [Ли Юймин, 2021; Вэй Хуэй, 2015; Вэнь Цюфан, Чжан Тяньвэй, 2016].

3. Защита и развитие языковых ресурсов. Подобно воде, полезным ископаемым, лесам, туризму и т.д., язык является важным государственным ресурсом, который необходимо беречь и развивать. Языковые ресурсы являются культурными ресурсами, способствующими сохранению привычной картины мира человека. Они являются основой языкового образования, особенно в отношении обучения иностранным языкам, международного преподавания

китайского языка и онлайн-обучения языкам. В век информационных технологий языковые ресурсы помогают компьютерам обрабатывать информацию и «питать» компьютеры для приобретения ими языкового навыка. Ключевым фактором производства в цифровой экономике являются данные, а языковые ресурсы являются важными данными, имеющими продуктивный характер [Сюй Дамин, 2008; Чжан Пу, 2009; Ван Шикай, 2009; Чжан Пу, Ван Текунь, 2009; Ли Юймин, 2019b; Фэн Чживэй, 2021].

4. Предоставление комплексных лингвистических услуг. Лингвистические услуги подразумевают использование языка, языковых знаний, языковых технологий и всех производных языка для удовлетворения различных потребностей языковой жизни. В особых ситуациях, таких как стихийные бедствия, несчастные случаи, события в области общественного здравоохранения и социальные чрезвычайные ситуации также требуется предоставление экстренных лингвистических услуг.

5. Строительство общества с неограниченным доступом к информации. Необходимо активно продвигать общенациональный язык для осуществления безбарьерной передачи информации в зонах распространения диалектов китайского языка, местах компактного проживания национальных меньшинств и особых административных районах. С помощью лингвистических служб может быть реализована безбарьерная информационная коммуникация с особыми группами населения, такими как пожилые люди, иностранцы, люди с ограниченными возможностями слуха и зрения. Благодаря обучению иностранным языкам и китайскому языку за границей, преподаванию китайского языка как иностранного и т.д., облегчается передача информации между Китаем и зарубежными странами. Необходимо обращать внимание на обучение людей информационным технологиям и осуществление безбарьерной передачи информационной связи между людьми и машинами.

Вклад исследований языковой жизни в мировую науку

Исследование языковой жизни Китая уже вышло за пределы страны, привлекло внимание международных академических кругов, оказав влияние на мировую науку. В частности, на основе ежегодных отчетов о языковой жизни в Китае немецкое издательство De Gruyter совместно с китайским издательством Commercial Press подготовило англоязычную версию “The Language Situation in China”. С 2013 г. последовательно были опубликованы шесть томов. «Отчеты о языковой ситуации в Китае» были опубликованы также в Японии, Южной Корее и России на японском, корейском и русском языках соответственно. Кроме того, издательство De Gruyter опубликовало на английском языке труды Ли Юймина “Language Planning in China” («中国语言规划», 2015), Чжоу Циншэна “Ethnic Minority Languages in China: Policy and Practice”

(«中国少数民族语言:政策与实践», 2020) и другие работы, отражающие результаты исследования языкового планирования в Китае. Известный исследователь языковой политики Бернард Спольски высоко оценил эти работы [Spolsky, 2015: 7–10].

В 2020 г. вышел специальный выпуск учрежденного Институтом языкознания РАН научного журнала «Социолингвистика», посвященный сотрудничеству китайских и российских ученых, в котором были опубликованы пять статей китайских ученых по исследованию языковой жизни: Го Си «Семьдесят лет «языковой жизни» в Китайской Народной Республике», Ли Юймин «Сохранение языковых ресурсов Китая: теория и практика», Чжао Жунхуэй, Лю Юаньюань, Дэн Фэй «Планирование культурной идентичности в Китае: диахроническое исследование политики в области образования на английском языке», Ван Чуньхуэй «К вопросу теории языка и бедности: опыт Китая», Чжао Шицзюй «Мониторинг языковой ситуации в Китае: практика и перспективы». В научном журнале «Социолингвистика» (2021. № 4) также была опубликована переведенная на русский язык статья «К вопросу о национальной языковой компетенции» (Ли Юймин). Российская академия наук, основанная в 1724 г., вот уже почти 300 лет является одним из важнейших научно-исследовательских учреждений мира, а Институт языкознания – ведущим лингвистическим исследовательским учреждением в России.

В 2014 г. ЮНЕСКО и правительство Китая совместно провели «Всемирную языковую конференцию» в г. Сучжоу (пров. Цзянсу), посвященную языковым навыкам, человеческой цивилизации и социальному прогрессу, обнародовав «Сучжоуский консенсус». В 2019 г. ЮНЕСКО совместно с Китаем организовали «Конференцию по защите мировых языковых ресурсов» в г. Чанша (пров. Хунань), обнародовав «Декларацию Юэлу о защите и поощрении мирового языкового разнообразия». Эти международные конференции символизируют признание исследований языковой жизни и практики языкового планирования в Китае, а оба документа конференции, включающие результаты исследований языковой жизни Китая, являются примерами международного вклада китайского научного знания.

Подобных случаев немало, и это доказывает тот факт, что китайская языковая жизнь и результаты ее исследований привлекают все больше международного внимания. Предложение китайских ученых «изучать язык и языковую жизнь ради языковой жизни» [Ли Юймин, 2016] является академически привлекательным и заслуживает серьезного отношения.

2. Три ключевых вопроса языкознания

В процессе решения проблем общественного развития рождается и развивается наука, постепенно создаются и совершенствуются новые научные дисциплины. Общество поддерживает эти дисциплины и способствует их развитию, поскольку они направленны на решение данной проблемы. Основой социальной поддержки построения дисциплины является ее оценка, благодаря которой становится ясно, кого следует поддерживать, как поддерживать, каков эффект поддержки и т.д. Таким образом, научные дисциплины и ученые, работающие в области данных дисциплин, сталкиваются с тремя типами проблем: 1) проблемы социального развития, 2) проблемы, которые должна непосредственно решать сама дисциплина, 3) проблемы оценки дисциплины. Их решение требует «научного взгляда», и выбранный подход способен определить перспективы развития дисциплины. Эти три типа проблем проецируются и на языковую дисциплину, образуя три типа проблем в языкознании [Ли Юймин, 2020b].

Социолингвистические проблемы

Человеческое сообщество на протяжении всей жизни каждого из его членов сталкивается с многими языковыми проблемами, особенно с проблемами использования языка, языковых технологий, изучения языка, принятия языковых решений, понимания языка, нарушения речи и т.д. Эти проблемы в совокупности относятся к социолингвистическим.

Социолингвистические проблемы являются «корневой проблемой» академического развития, метадвижущей силой развития лингвистики, а также проблемами, на решении которых должна сосредоточиться лингвистика. С точки зрения понимания предмета мы должны сначала сосредоточиться на языковой жизни и рассматривать социолингвистические проблемы как отправную точку академического исследования; мы должны поместить результаты научных исследований в языковую жизнь, провести их тестирование и применить их вновь для решения проблем и развития языковой жизни.

В исследовании есть три ключевых момента. Во-первых, мы должны глубоко вникать в языковую жизнь, внимательно наблюдать за языковой жизнью и стремиться к обнаружению социолингвистических проблем. Во-вторых, необходимо «проблемизировать» проблему и привести ее из области социальной в академическую [Ли Юймин, 2020e]. Чтобы преобразовать социолингвистические проблемы в академические, необходимо, прежде всего, связать конкретную проблему с академическими проблемами, которыми занимается дисциплина, и включить ее в соответствующую систему проблем этой дисциплины. Как только проблема введена в дисциплинарную систему, ее можно решать академическим путем, определив, какой метод использовать для ее изучения. Социолингвистические проблемы зачастую представляют собой «сложные проблемы», не умещающиеся в исходных дисциплинарных рамках, а

существующие методы их исследования малоэффективны, в результате чего решение этих проблем требует академического творчества, а главное – терпения ученых. Поскольку исследование новых проблем связано с беспрецедентностью методов, можно столкнуться с такими трудностями, как малое количество сотрудников, сложности при утверждении проекта, медленное получение результатов и низкое академическое признание. В-третьих, продуктивно использовать академические достижения. Есть два пути: «интровертизации» и «экстернализации» академических достижений. Путь интровертизации состоит в том, чтобы «дисциплинировать» академические достижения, использовать их для развития дисциплины, повысить вовлеченность академических кругов и постепенно превратиться в исследовательское направление или даже отрасль дисциплины. Путь экстернализации заключается в том, чтобы вернуть академические достижения к «источнику проблем» – языковой жизни, провести тестирование и выработать решение проблемы, запуская новый виток цикла «проблемизации» проблем.

Вид научного исследования, которое обусловлено реальными проблемами, и заключается в «проблемизации» социальных вопросов с последующим возвращением научных достижений обществу, включает новый научный взгляд, новую академическую парадигму, которая выходит за рамки традиции и по сути заключается в подготовке исследования в реальной жизни.

Лингвистические проблемы

Когда лингвистика (и ее разделы) была выделена в самостоятельную научную дисциплину, возникли и дисциплинарные проблемы. Их можно разделить на две категории: 1) языковые проблемы как объект исследования дисциплины; 2) проблемы, которые необходимо решить в целях совершенствования и развития дисциплины, т.е. проблема построения дисциплины (внутренние разделы дисциплины, установки, методы и средства исследования, теоретические гипотезы, академические парадигмы, академическую историю, подготовку кадров, академические обмены и др.).

Научные дисциплины (и их разделы) – продукт академических исследований, разработанный до определенного уровня. Решение дисциплинарных проблем должно способствовать развитию академической возможности в решении проблем социальных, поэтому ученые, которые посвящают себя исследованию языковых научных проблем, должны пользоваться уважением в обществе. При этом необходимо обратить внимание на следующие три момента.

1. Необходимость обращать внимание на социолингвистические вопросы. Социолингвистические проблемы вошли в рамки лингвистики и стали предметом исследования

данной дисциплины в процессе ее формирования. На начальном этапе было невозможно включить в предмет все социолингвистические вопросы. При этом языковая жизнь постоянно развивается и меняется, поэтому лингвистам необходимо время от времени обращать внимание на языковую жизнь и своевременно включать в предмет исследования вопросы, которые нуждаются в изучении и могут быть изучены. Если лингвисты не могут своевременно обратить внимание на социолингвистические проблемы, то, с одной стороны, неспособность решить некоторые языковые проблемы повлияет на социальное развитие; с другой стороны, лингвистика также может стать «башней из слоновой кости», отдаленной от общества. Если темы исследований станут далеки от общества, то лингвистика может даже не получить той поддержки общества, которой заслуживает, и, утратив возможности для развития, оказаться на периферии научных знаний.

2. Необходимость обращать внимание на результаты исследований смежных дисциплин. Язык является социальным феноменом и тесно связан с познанием, информацией и т.д., поэтому он является объектом исследования не только лингвистики, но и многих других научных дисциплин. Психология, когнитивистика, неврология, патология, философия, семиотика, логика, политология, юриспруденция, социология, этнология, антропология, педагогика, история, география, культура, литература, фольклор, искусство, журналистика, международные отношения, математика, информатика, компьютерные науки, наука о данных и т.д. играют значительную роль в области языковых исследований. Это проявляется либо в новаторских методах, приемах и техниках изучения языка, либо в раскрытии характеристик, природы и законов определенного аспекта языка, а также в разработке новых функций языка. Лингвистика должна уделять внимание языковым исследованиям этих дисциплин, может или заимствовать их методы исследования, или опираться на результаты их исследований, или расширять свое понимание других аспектов языка, впитывать и интегрировать исследования языка в этих дисциплинах, чтобы иметь всестороннее представление о сущности языка. Сегодня лингвистика не только должна быть результатом работы лингвистов, но и включать в себя смежные научные исследования в области языка.

3. Необходимость обращать внимание на результаты междисциплинарных исследований. 29 июля 2020 г. в Китае состоялась Национальная конференция по образованию в магистратуре и аспирантуре. Вскоре после этого междисциплинарные предметы попали в четырнадцатую предметную категорию в нашей стране. 29 ноября 2020 г. в Пекине состоялся Междисциплинарный академический форум высокого уровня, организованный Национальным фондом естественных наук Китая, на котором был официально учрежден Департамент междисциплинарных наук, ставший девятым научным департаментом, учрежденным

Комитетом Фонда. Эти ситуации показывают, что пересечение дисциплин сегодня становится обычным явлением в науке и к каждой дисциплине нужно относиться серьезно. В журнале «Исследование языковой стратегии» (《语言战略研究》) (2021. № 1) была подготовлена рубрика «Междисциплинарные исследования языка», которую вел Чэнь Пин. Профессор Чэнь разделил пересечения научных дисциплины на четыре типа в зависимости от степени их пересечения и результатов их исследований: A) сосуществование различных научных дисциплин, какое наблюдается, например, в междисциплинарных сборниках статей; B) междисциплинарный, при котором определенная дисциплина продвигается в одном направлении, в основном заимствуя инструменты и перспективы из других дисциплин; C) междисциплинарный, при котором наблюдается двусторонняя перекрестная интеграция научных дисциплин; D) сверхинтеграция научных дисциплин, при которой в результате пересечения дисциплин образуется новое научное знание [Чэнь Пин, 2021]. С древних времен лингвистика, в том числе китайская, уделяла особое внимание междисциплинарным исследованиям. Большая часть исследований китайской лингвистики за последние 40 лет пришлась на эту область. Однако с точки зрения степени их пересечения они почти всегда относились к выделенным по классификации Чэнь Пина типам A и B, особенно это касается тех научных дисциплин, в отношении которых не проявлялось должного энтузиазма со стороны ученых. В настоящее время лингвистические факультеты или специальности во многих странах создаются непосредственно в институтах компьютерных наук, сетевых технологий, когнитивных исследований, психологии, медицины, права и т.д. Эта новая тенденция междисциплинарности в подготовке лингвистов заслуживает особого внимания.

Проблема оценки лингвистических исследований

Для того, чтобы дать научным дисциплинам возможность лучше решать проблемы социального развития, и для того, чтобы обеспечить их стабильное развитие, необходима всесторонняя общественная поддержка, особенно в нынешнюю эпоху, когда наука и техника стали «первой производительной силой»[11]. Общественная поддержка научных дисциплин в основном выражается в двух аспектах: материальном и духовном. Первый подразумевает обеспечение условий, необходимых для научных исследований, в том числе материальных средств, необходимых для создания исследовательских лабораторий и т.д., поддержка в

[11] 5 сентября 1988 г. на встрече с президентом Чехословакии Густавом Гусаком, который находился с визитом в Китае, Дэн Сяопин отметил, что «наука и техника являются первой производительной силой». 12 сентября того же года, когда он заслушал доклад о предварительном плане реформы цен и заработной платы, он еще раз дал понять, что наука и техника являются первой производительной силой. В начале 1992 г. в своей речи во время визита на юг Дэн Сяопин также неоднократно это подчеркивал.

создании сообществ, журналов, издательств и т.д. для содействия академическим обменам и публикации результатов, поддержка крупномасштабных экспериментов и продвижение результатов исследований, защита прав интеллектуальной собственности и поддержка подготовки молодых ученых. Второй подразумевает оценку заслуг научных исследователей и подразделений: система академических званий, титулов, классификация лабораторий и дисциплин по статусам и академических журналов по рейтингам, различные награды за научные исследования и научные открытия, научно-техническая продукция, здания, дороги, города, астероиды и т.д., названные в честь ученых.

Социальная поддержка, как правило, основана на оценке результатов научной дисциплины, и те, кто получил хорошую академическую оценку, часто могут получить большую социальную поддержку. Чтобы получить широкую поддержку, ученые должны столкнуться с третьим типом проблем, а именно с «проблемой оценки результатов научных исследований». На оценку по-разному будут влиять разные эпохи, особенности научной дисциплины и уровень ее развития, разные исторические и культурные традиции и разные системы управления, а также особенности различных стран и научных сообществ. При этом уважение к законам научного развития является основным критерием, а содействие научному прогрессу – общей целью. В современную эпоху оценка лингвистики (а также других дисциплин) должна быть сосредоточена на трех моментах.

1. Академическое совершенствование лингвистики. Хороший исследователь смотрит не на то, сколько статей было опубликовано, сколько проектов было поддержано и какими он обладает званиями, а на то, какие проблемы были предложены и решены и какое значение предложение и решение этих проблем имеют для развития этой дисциплины. В некотором смысле задавать вопросы зачастую важнее, чем решать проблемы, поскольку только «ключевое меньшинство», такое как ученые-стратеги, может задавать вопросы, способные определить академическое направление.

2. Академическое взаимодействие смежных дисциплин. Если обмен дисциплинами – это обмен учеными, то он, скорее, двусторонний, чем односторонний. Вы не только подаете заявку и получаете выгоду, но и вносите вклад в смежные дисциплины. Более того, наука (включая гуманитарные, естественные и др. науки) – это сообщество, и научное сообщество зачастую формулирует общие научные и социальные проблемы. Например, в 2005 г. журнал “Science” объявил о 125 наиболее сложных научных проблемах по случаю своего 125-летия. В 2021 г. Шанхайский университет транспорта по случаю 125-летия своего основания совместно с журналом “Science” опубликовал 125 научных задач. Тщательный анализ этих проблем выявил

и языковые проблемы. Постановка этих вопросов и ответы на них являются общей обязанностью и ответственностью научного сообщества, и каждая дисциплина должна внести свой вклад.

3. Академическое продвижение социального развития. Содействие социальному прогрессу является изначальной целью науки о человеческом развитии, а языковая жизнь – отправной точкой, местом проверки и конечным пунктом языковых исследований. Следовательно, при оценке лингвистической дисциплины следует учитывать ее вклад в языковую жизнь и академическое влияние на социальное развитие.

Неравенства трех типов проблем

В соответствии со значимостью трех типов проблем (социолингвистические проблемы (A), лингвистические проблемы (B) и проблемы оценки лингвистической научной дисциплины (C)) сформулированы два неравенства:

(1) $A \geqq B > C$

Решение языковых проблем в социальном развитии было первоначальной целью создания лингвистической дисциплины, а социолингвистические проблемы были исходной проблемой, но после того как дисциплина была установлена, особенно когда она окрепла, люди постепенно стали забывать, игнорировать или даже недооценивать исходную проблему, более того, противопоставляя два типа проблем A и B, полагая, что изучение дисциплинарных проблем и есть знание. В настоящее время в лингвистике существует также тенденция уделять больше внимания дисциплинарным вопросам и несколько пренебрегать проблемами социолингвистики. Например, в Китае есть целые институты исследования иероглифов, при этом лишь немногие институты изучают современные китайские иероглифы; есть лингвистические институты, но, похоже, нет института исследования путунхуа. Современные китайские иероглифы и путунхуа использует более чем один миллиард человек. Тенденция недооценивать социолингвистические проблемы является, можно сказать, распространенным явлением в странах, которые в академическом отношении лишь «следуют», при этом такие страны редко могут устанавливать академические темы и задавать академические направления, сосредоточившись на том, чтобы догнать лидеров. Тогда как последователь, лишь обратив внимание на изучение исходной проблемы, не просто не будет «следовать» вечно, но и получит возможность «обогнать на повороте» лидеров и самому стать лидером.

Существует известное выражение «служить обществу». Служить обществу важно и почетно, но если решение социальных проблем не связано с академической деятельностью, то это своего рода «сверхурочная работа» или даже «академическая благотворительность»,

«академическая милостыня», отличная от основной деятельности, при этом нарушающая привычный порядок действий. Подобно понятию «популярная наука». Когда в обществе господствует неграмотность, «популярная наука» уместна и необходима, поскольку отражает ответственность и добродетель науки. Однако современный Китай не только популяризировал обязательное среднее образование, но и добился популяризации высшего образования. Научное и технологическое оснащение общественной жизни постоянно растет, особенно благодаря развитию информационных технологий, внедрению концепции метавселенной и формированию общества обучения на протяжении всей жизни. Уровень науки и техники во всем обществе существенно отличается от того, что было в прошлом. Забота о социальной языковой жизни и удовлетворение социальных языковых потребностей больше не подпадают под понятие «популярная наука»[12].

Оценка научной дисциплины является связующим звеном между академическими кругами и обществом. Академическое сообщество придает большое значение предметной оценке с целью получения большего количества академических ресурсов и содействия развитию и росту научных дисциплин, чтобы они могли лучше решать лингвистические и социолингвистические проблемы. Однако, если есть проблема с системой академической оценки, если результаты академической оценки не применяются должным образом, это сыграет негативную роль в построении дисциплины и ее академическом развитии. В настоящее время в обзоре и оценке ученых существует серьезный феномен «пяти составляющих» (五唯[13]). При этом учитывается только количество опубликованных статей или поданных заявок на патенты, уровень публикаций и их цитируемость, без оценки того, какие проблемы были подняты и какие проблемы были решены. Тенденция в одностороннем порядке стремиться к «академическому ВВП» и использовать «ориентированный на прибыль подход» для проведения научных исследований привела к следующему неравенству:

(2) A<B<C

Такое странное неравенство, которое проявляется у некоторых ученых и научных сообществ, может стать общей проблемой научных дисциплин. Один ученый даже сокрушался, что в нашем научном кругу сложилась такая странная ситуация, при которой исследователь,

[12] Талисманы зимних Паралимпийских игр в Пекине 2022 – Бин Дуньдунь (冰墩墩) и Сюэ Жунжун (雪融融), а их латинизированные имена – Bing Dwen Dwen и Shuey Rhon Rhon соответственно. Мало кто в академическом мире сможет выговорить эти «иностранные имена». Отсюда можно сделать вывод о феномене «популяризации науки» в современном обществе.

[13] Феномен «пяти составляющих» (五唯) в оценке результатов научной деятельности подразумевает оценку лишь внешних атрибутов: количества статей, академической «шапочки» (т.е. титула), профессиональных званий, академической квалификации и наград. – *Прим. пер.*

будучи креативным и действительно способным заниматься научными исследованиями, бросает все силы на то, чтобы максимизировать прибыль от своей научной деятельности, и лишь только достигнув определенного статуса, он может позволить себе пойти по другому пути и заняться настоящей научной работой. Эта мысль подтверждает значимость феномена «пяти составляющих» в создании системы оценки научной дисциплины.

3. От полевых исследований и общества к лаборатории и интернету

Лингвистика в целом по-прежнему остается эмпирической дисциплиной, и для ее обоснования требуется много научных материалов. Лингвистам приходится углубляться в языковую жизнь, проводя полевые исследования, посещая лаборатории для проведения лингвистических экспериментов, а также обращаясь к новой сфере коммуникации – интернету.

Полевые исследования

Полевые исследования языка являются основным методом языковых исследований и имеют давнюю историческую традицию. Еще более 2500 лет назад при династии Чжоу были так называемые «изыскатели на колесницах»[14], изучавшие диалектный сленг. Каждый год после осеннего сбора урожая они отправлялись в путешествие, собирая народные песни, детские стишки и диалектные фразы, отражавшие быт и нравы людей [Дай Цинся, 2015; Ли Юймин, Ван Линин, 2020]. Во времена династии Западная Хань был составлен первый словарь китайских диалектов («辖轩使者绝代语释别国方言) под редакцией Ян Сюна.

В 1956 г. «посланники» Нового Китая провели общенациональную перепись китайских диалектов. Потребовалось более двух лет, чтобы обследовать 1849 диалектных зон, составить 18 всеобъемлющих отчетов об исследованиях, почти 1200 отчетов об исследованиях в конкретных зонах и более 300 книг, включая учебные пособия по путунхуа. Кроме того, были организованы семь групп по проведению опросов для переписи языков национальных меньшинств, изучения более 50 языков 42 этнических групп и оказания помощи таким этническим группам, как чжуаны, буи, мяо, лису, хани, ва, лаху, наси, ли, цзайва и дун в разработке системы письменности. Впервые люди получили полное представление о языковой ситуации в Китае.

С тех пор в нашей стране последовательно проводятся исследования по теме «Новые лингвистические открытия в Китае», «Базовый словарный состав основных диалектов

[14] 辖轩使者 – посланники, путешествовавшие на легкой колеснице, собиравшие материалы по диалектам из разных мест страны и осуществлявшие их запись и систематизацию. – *Прим. пер.*

путунхуа», по использованию китайского языка и иероглифов[15], находящихся под угрозой исчезновения языков национальных меньшинств Китая, направленные на составление «Атласа китайского языка», создание аудиобазы ресурсов китайского языка и т.д. На основе результатов данных исследований в 2015 г. Министерство образования КНР и Государственная комиссия по языку организовали проект по защите ресурсов китайского языка. Первый этап проекта длился пять лет. В нем приняли участие более 350 университетов и научно-исследовательских учреждений, были сформированы свыше тысячи экспертных групп и привлечены более 4500 профессиональных и технических кадров, более 9000 носителей языка, проведены исследования в 1712 опросных точках (во всех провинциях, автономных районах и муниципалитетах страны, включая Гонконг, Макао и Тайвань) 123 языков и их основных диалектов, было получено более 10 млн оригинальных аудио- и видеофайлов общим объемом 100 ТБ, что на сегодняшний день является крупнейшей базой данных языковых ресурсов в мире.

Перед полевыми исследованиями языка стоит еще много задач. Например, с 2013 г. в Китае была создана 21 зона свободной торговли, а в 2020 г. был построен порт свободной торговли в пров. Хайнань. В 2015 г. были запущены экономическое кольцо Пекин–Тяньцзинь–Хэбэй, район Большого залива Гуандун–Гонконг–Макао, экономический пояс реки Янцзы, интеграция дельты реки Янцзы, экологическая защита и качественное развитие бассейна реки Хуанхэ и другие межрегиональные проекты. Все это требует понимания языковых потребностей, необходимости улучшения языковых навыков и осуществления языкового планирования для поддержки экономического строительства. Полевые исследования, упомянутые ранее, в основном проводятся в отношении определенного языка или диалекта, и их целью является понимание самого «языка»; тогда как объектами полевых исследований в данном регионе являются местные языки и диалекты, а целью исследования является содействие экономическому и социальному развитию зоны свободной торговли (Гонконг) и регионов. Этот вид языкового исследования, который можно назвать «ареальной лингвистикой», имеет много особенностей в методах, содержании и целях исследования. В контексте приграничных языковых исследований, необходимых для охраны границ и поддержания добрососедских отношений с соседними странами, языковых исследований в рамках инициативы «Один пояс, один путь» для построения сообщества общей судьбы, трансграничные и международные региональные полевые языковые исследования представляются относительно новой, но вместе с тем и перспективной областью исследований для китайских ученых.

[15] См.: Чжунго юйянь вэньцзы шиюн цинкуан дяоча цзыляо [Употребление языка и письменности в Китае: материалы обследования]. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ. 2006.

Лингвистические полевые исследования не ограничиваются исследованием языков и диалектов. Сопоставление археологических документов, составление литературного корпуса, построение базы данных корпусной лингвистики, проведение социолингвистических исследований, экспериментов в рамках лингвистической лаборатории и т.д. – все это области лингвистики в широком смысле. Языковая жизнь и различные области науки, связанные с языкознанием, могут рассматриваться как «поля» языкознания. Однако по мере совершенствования методов исследования и развития языкознания некоторые «поля» постепенно обособились.

Социолингвистические исследования

С развитием социолингвистики понятие 方言 больше не относится только к региональным диалектам, теперь оно относится и к языковым характеристикам различных социальных групп и может даже включать языковые установки, языковую идентичность, языковые потребности и т.д. Социолингвистические исследования могут способствовать изучению не только социальных диалектов, но и различных взаимосвязей между языком и обществом. В дополнение к обычно используемым методам анкетирования и интервью используют «метод включенного наблюдения», а также разрабатывают специальные методы в соответствии с предметом и целью исследования. Тонкость методов, разработанных некоторыми учеными, вызывала восторг в научных кругах, превратив эти методы в классические методы для проведения исследований будущими поколениями. Это такие методы как метод исследования социальной стратификации в универмаге Нью-Йорка (r), описанный Уильямом Лабовым в 1966 г., и «метод парных масок», разработанный Уоллесом Э. Ламбертом в 1960 г. для проверки языковых установок испытуемых.

Социолингвистические исследования позволяют получить информацию, отсутствующую в книгах, провести интересные наблюдения за языковой жизнью и внести уникальный вклад в лингвистику. Например, «Корпус китайского языка за рубежом» под руководством Го Си разрабатывается с 2017 года. Он формируется на основе опроса авторитетных зарубежных китайцев и старейшин китайского народа, проживающих за рубежом, которых просят рассказать истории зарубежных китайцев, унаследовавших китайский язык. Их истории и язык повествования сами по себе являются ресурсами китайского языка. В настоящее время исследовательская группа опросила 270 информантов из 33 стран и регионов. Самому старшему информанту 93 года, а средний возраст – старше 73 лет. Создание этого банка ресурсов получило поддержку со стороны Национального фонда социальных наук в рамках проекта «Сохранение и

систематизация зарубежных ресурсов на китайском языке», который вносит уникальный вклад в изучение китайского языка за рубежом.

В труде Ли Юймина «Первые годы жизни» [Ли Юймин, 2019а] используется дневниковый метод для записи языкового развития китайской девочки в возрасте от 0 до 6 лет на протяжении более 2200 дней, содержащий почти миллион слов, что может быть оценено как «панорамная запись развития от человеческого существа до человека социального»[16]. «Дневниковый метод», позволяющий родителям наблюдать за своими детьми, является более глубоким и детализированным методом наблюдения, чем «метод включенного наблюдения в полевых условиях». «Первые годы жизни» – это не только самое продолжительное наблюдение за языковым развитием младенцев и детей младшего возраста, но и экспериментальный отчет о семейном языковом образовании. Это взгляд на китайское общество 1980-х годов. Недавно обнародованный «Закон Китайской Народной Республики о содействии семейному образованию» пропагандирует прекрасную традицию китайского народа уделять особое внимание семейному образованию, побуждает общество уделять внимание семье, семейному обучению и семейным традициям, способствуя всестороннему развитию несовершеннолетних. Семья – это первый класс, а родители – первые учителя. Наиболее важными в развитии детей являются тело, разум и язык. Вербальное и физическое воспитание – это основной метод обучения. Чтобы хорошо развить ум и речь детей и максимально повысить эффективность речи и коммуникации, необходимо понимать законы языкового развития детей.

Другим примером является труд Чжао Чуньянь «Языковая жизнь в деревне Чжунчжа, уезд Литан, в рамках программы возрождения сельских районов», который представляет собой исследование языковой жизни в деревне Чжунчжа, уезд Литанг, провинции Сычуань [Чжао Чуньянь, 2022]. Деревня Чжунчжа – тибетская деревня. Автор исследования знакома с одной жительницей, ее бывшей учительницей, вернувшейся на родину, чтобы начать бизнес. В июле 2019 г. Чжао Чуньян прожила у нее 10 дней, в течение которых, завоевав доверие местных тибетцев, провела пробное исследование. Два года спустя, в июле 2021 г., Чжао Чуньян отправилась в эту деревню более чем на 20 дней для участия в полевых исследованиях, проведения наблюдений и углубленных интервью. В ходе двух экспедиций было опрошено в общей сложности 36 тибетских сельских жителей, было собрано 52 записи интервью (самая продолжительная из которых составила 326 минут), получено 96 материалов о языковом ландшафте и создан 31 журнал наблюдений. Обладая информацией из первых уст об использовании языка, имея возможность фиксировать отношение жителей к языку и языковые

[16] См. Предисловие к «Первым годам жизни», написанное Го Си.

дилеммы в деревне Чжунчжа, исследователь получает глубокое понимание языковых условий жизни в тибетских деревнях, языковых проблем в сфере образования и в сельской промышленности, особенно языковых проблем, которые больше всего беспокоят сельских жителей: трудности при пользовании транспортом, посещение врача и защита прав населения в ситуациях, вызванных языковым барьером. Полевые наблюдения исследователей в деревне Чжунчжа показали, что общество – это языковой рынок, а информация – сила. Они выдвинули важные предположения о том, какую роль играет язык в возрождении сельских районов и как можно устранить языковой барьер у сельских жителей.

Лингвистическая лаборатория

Говорение и слушание включает в себя работу речевых органов и органов слуха, которая связана с физиологией; понимание языка связано с центральной нервной системой; звуки речи передаются по воздуху, что связано с акустикой; нарушения речи, вызванные слепотой, глухотой, психическими расстройствами, инвалидностью, аутизмом, болезнью Альцгеймера и т.д. связаны с патологией и психологией. Свойства языка определяют тот факт, что языковые исследования не могут быть предметом только гуманитарных и социальных наук, они также затрагивают естественные науки, инженерное дело, медицину и другие научные дисциплины. Развитие обработки языковой информации и интернета особенно тесно связало лингвистику и информационные технологии, превратив компьютерную лингвистику в новую научную дисциплину. Построение корпуса, компьютерное распознавание текста, дизайн компьютерного шрифта, отображение и ввод иероглифов, распознавание и синтез речи, текстовый поиск и извлечение информации, автоматический перевод, машинное письмо, обработка естественного языка и т.д. – все это важные составляющие компьютерной лингвистики. Лингвистика уже стала «великой дисциплиной», охватывающей гуманитарные, социальные, естественные и инженерные науки, что привело к необходимости создания различных лингвистических лабораторий.

Предшественники в академическом сообществе знали об этом уже давно. В 1950 г., когда был создан Лингвистический институт Китайской академии наук, была организована группа экспериментальных исследований речи, которая превратилась в «Ведущую лабораторию исследования языка и речи» Китайской академии общественных наук. В 1985 г. Институт прикладной лингвистики Государственной комиссии по языку учредил «Исследовательскую лабораторию компьютерной лингвистики». В 1986 г. в Институте гуманитарных исследований Нанькайского университета была создана лаборатория исследования речи; в 2001 г. в Нанкинском педагогическом университете – факультет лингвистики и технологии. В 2005 г. в

Сюйчжоуском педагогическом университете была основана «Ведущая лаборатория исследования лингвистики и нейроинженерии пров. Цзянсу». Сейчас научно-исследовательских лабораторий технических средств обучения языку, конечно, стало намного больше. Наверняка и в области исследования естественных наук и техники существует немало лабораторий, связанных с языком.

Однако в целом лингвистика развилась из традиционной филологии в парадигме гуманитарных знаний. Ученые в основном занимались гуманитарными исследованиями, и их осведомленность о «лингвистических экспериментах» была невелика. Однако с развитием науки о языке обнаружилась потребность в лабораторных исследованиях и соответствующих специалистах-исследователях. Лингвистике стало очень трудно удовлетворять потребности современного общества, оставаться компетентным членом научного сообщества и развиваться в соответствии с современными требованиями.

Интернет

Интернет стал новой областью для лингвистических исследований. В 2012 г. Нанькайский университет учредил журнал «Экспериментальная лингвистика». Автор настоящей статьи общался с главным редактором журнала профессором Ши Фэном и выразил ему свое восхищение тем, что тот своевременно изменил свое академическое направление на экспериментальную фонетику, основав лабораторию речи и журнал «Экспериментальная лингвистика». Лингвистические исследования должны проводиться не только в поле, в обществе, но и в лабораторных условиях.

В ноябре 2021 г. автора данной статьи пригласили выступить с докладом на организованном профессором Ши онлайн-форуме «Экспериментальная лингвистика+». Мы вдвоем обсуждали «старые вещи по-новому», утверждая, что лингвистика должна выйти в интернет. Вскоре на веб-странице журнала «Экспериментальная лингвистика» появилось следующее высказывание: «Ученые-лингвисты в новую эпоху должны выходить в общество, в поля, в лаборатории и в интернет». Во время выступления я разместил скриншот этой веб-страницы в своей презентации. Почти в то же время Рэнди Дж. Лаполла выступил на пленарном заседании «Междисциплинарного пограничного форума Пекинского педагогического университета городского округа Чжухай 2021» с докладом на тему «О неизбежности междисциплинарной интеграции в изучении языка и технологий – на пути к исследованиям, ориентированным на общество». В конце доклада говорилось, что лингвистические исследования в новую эпоху должны выйти «в общество! в поля! в лабораторию! в интернет!»

С развитием интернета и языковых знаний языковая жизнь в сети становилась все богаче и важнее. Традиционные средства массовой информации, такие как книги, газеты, радио и телевидение, мигрировали в интернет, и вместе с ним появились различные новые средства массовой информации: Weibo, SMS, WeChat и Weishi. Сегодняшний интернет имеет природу «всеобъемлющих медиа». Все способы передачи информации, созданные человечеством в прошлом, могут попасть в интернет, и все медиа постепенно превратились в «интегрированные медиа», и человечество вступило в совершенно новую информационную эру.

В интернете существует большое количество языковых ресурсов, число которых растет день ото дня. Многие из них недоступны для полевых исследований и социальных опросов, и даже их природа различна[17]. Интернет породил большое количество новых языковых явлений, новых функций языковой жизни, которые редко встречаются в реальной жизни, в результате чего возникло множество новых языковых потребностей и новых языковых проблем. Эти новые явления, новые функции, новые потребности и новые проблемы заслуживают специального исследования. Киберпространство стало новой областью, с которой «изыскатели на колесницах» прежде никогда не сталкивались, которая к тому же является богатейшим месторождением. Как использовать интернет для развития лингвистики и как лингвистика может способствовать гармоничному развитию языковой жизни в режиме онлайн – актуальные вопросы, на которые должны ответить современные «изыскатели».

4. Особенности исследования языковой жизни в Китае

Изучение языковой жизни в Китае дало некоторые теоретические результаты, способствовало практическому развитию планирования китайского языка и прогрессу языковой жизни в Китае. В масштабах глобальной языковой жизни китайская языковая жизнь имеет две очевидные особенности.

Китайская специфика

Языковая жизнь в Китае обладает множеством особенностей и является редким материалом для лингвистических научных исследований.

[17] В 2000 г. в статье «Ограничение применяемой лингвистики» [“The Limitation of Linguistics Applied”] Г. Уиддоусон предположил, что данные, полученные им на основе «самоанализа», являются «данными от первого лица» (first person data), а данные, полученные с помощью «индукции», такие как «анкетный опрос», являются «данными второго лица» (second person data). Для корпусных данных исследователи языка больше не являются поставщиками или источниками данных, а являются наблюдателями или тестировщиками данных, то есть «данных от третьего лица» (third person data). См.: *Фэн Чживэй.* Гуаньюй «дисань жэньчэн» шуцзюй дэ гуаньча хэ. Цзяньянь [Наблюдение и верификация «данных третьих лиц»] // «Python 3: юйляоку цзишу юй инюн» [Python 3. Корпусные методы и их применение] / Под ред. Лу Сяолэя, Ни Биня. Сямынь: Сямынь дасюе чубаньшэ, 2020.

1. Особенности межязыковых отношений. В Китае насчитывается 100 языков 56 этнических групп и 54 трансграничных языка (согласно зарубежным подсчетам, их насчитывается более 90, при этом данные не включают трансграничные языки соседних стран). За всю историю мы накопили богатый опыт в решении проблем взаимоотношений между диалектами китайского языка, языками Китая и трансграничными языками, а также в смягчении языковых противоречий и конфликтов.

2. Понимание взаимосвязи между языком и письменностью. С древних времен в Китае формировалось языковое сознание «почитания иероглифической письменности». Статус китайских иероглифов в языковой жизни очень важен. Историческая эволюция китайских иероглифов от гадательных надписей на костях и черепашьих панцирях цзягувэнь, ритуальных надписей на бронзе цзинвэнь, каллиграфического письма чжуаньшу, официального письма лишу к уставному письму кайшу, а также реформирование, стандартизация и упрощение китайских иероглифов с конца династии Цин – это уникальные китайские явления. Взаимосвязь между языком и письменностью может быть хорошо представлена только с помощью китайских иероглифов.

3. Взаимосвязь между древним и современным языками. В Китае имеется огромное количество древних документов, зафиксированных с помощью китайских иероглифов в стиле кайшу или которые можно преобразовать в кайшу. Преемственность письма позволяет избежать разрыва между древним и современным китайским языком, вэньянь и байхуа. Средства языкового выражения могут быть книжными, разговорными, высокого стиля или вульгарными. Древние выражения, идиомы и классические сюжеты могут быть плавно введены в современный китайский. Внутреннюю структуру устойчивых выражений зачастую необходимо объяснять с помощью древнего китайского языка, который привнес уникальные проблемы для исследования, использования и компьютерной обработки китайского языка.

4. Продвижение путунхуа. Языковая унификация в истории Китая, главным образом, относится к письменности. Стандартизация и унификация разговорного языка была предложена с конца династии Цин, и потребовалось более 130 лет, чтобы постепенно реализовать это. Нынешний уровень популяризации путунхуа превысил 80 %. В Китае проживает большое количество людей со значительными различиями в китайских диалектах и многих этнических языках. Экономические и образовательные условия на востоке и западе сильно отличаются. Многие страны мира не достигли такого высокого уровня распространения государственного языка, существует даже множество противоречий и конфликтов на этой почве. Теория и практика продвижения путунхуа в Китае и его роль в национальной идентичности и национальном прогрессе – все это необычайные явления в истории языка.

5. Наследие китайцев-мигрантов. Китайцы-мигранты путешествовали по всему миру, распространяя китайский язык и китайскую культуру во всех уголках мира и формируя в некоторых регионах отличительные региональные варианты китайского языка. Новые варианты формируются в Северной Америке и Европе. Методы передачи и наследования китайского языка в мире и его перспективы развития отличаются от зарубежного опыта передачи английского, французского, испанского, португальского, русского и других языков и обладают собственной уникальностью.

Определенные области и определенные аспекты являются передовыми

Языковая жизнь в Китае имеет китайскую специфику во многих аспектах. Так, быстрое развитие передовых технологий международного уровня в Китае отражается и на быстром развитии китайского общества, что положительно проявляется в следующих аспектах.

1. Взаимосвязь языка и бедности (экономического фактора). 25 февраля 2021 г. Китай объявил о всеобъемлющей победе в борьбе с бедностью. Согласно действующим стандартам, все 98,99 млн сельских бедняков были выведены из нищеты, 832 бедных уезда и 128 000 деревень были лишены статуса бедных. Общая региональная бедность была преодолена, и ситуация в стране улучшилась. Нелегкая задача по искоренению абсолютной нищеты была выполнена. Язык сыграл важную роль на пути Китая к сокращению масштабов нищеты. В 2016 г. Министерство образования и Государственная комиссия по языку сформулировали план по борьбе с языковой бедностью, а академическое сообщество и гражданское общество предприняли активные действия по организации языкового образования в бедных районах страны, распространению науки и техники в целях искоренения бедности и повышения благосостояния, а также продвижению современных технологий. Этот путь борьбы с бедностью с помощью языквой составляющей является путем распространения знаний, информации и возможностей и выполняет особую функцию улучшения языковых навыков. Язык способен помочь преодолеть бедность, исходя из тесной взаимосвязи между языком и образованием, между языком и информацией, между языком, людьми и интернетом, между языком и способностями и возможностями человека. Китайские ученые признают теоретическую взаимосвязь между языком и бедностью, а также механизмами и законами развития языка, влияющими на экономическое развитие. Эти теории и практический опыт могут быть применены в современном возрождении сельских районов, построении прекрасного Китая, а также могут способствовать развитию китайского языка [Ли Юймин, 2019c; 2020d].

2. Служба экстренной лингвистической помощи. На рубеже 2019 и 2020 гг. COVID-19 атаковал Китайи и распространился по всему миру. Позже появились новые штаммы – «дельта»

и «омикрон», которые оказали огромное влияние на политику, экономику и бытоввую жизнь людей. Как только разразилась эпидемия, была сразу же сформирована «Служба экстренной лингвистической помощи в условиях пандемии». Она использовала ресурсы «языковой защиты» пров. Хубэй с применением современных языковых технологий, такие как WeChat, Weibo, социальные сети и перевод в режиме реального времени. С помощью интернета в эфир быстро выпустили «Передачу о борьбе с эпидемией на диалекте пров. Хубэй» для удержания линии фронта эпидемии. Столкнувшись с новой ситуацией, связанной с набиравшей обороты международной эпидемией COVID-19, мы в срочном порядке разработали серию продуктов, таких как «Инструкции для профилактики эпидемий и борьбы с ними (на иностранном языке)» и «Краткий курс китайского языка для профилактики эпидемий и борьбы с ними», чтобы предоставлять языковые услуги по профилактике эпидемий и борьбе с ними иностранным студентам и всем иностранцам в Китае. В апреле 2022 г. был официально создан Национальный корпус службы экстренной лингвистической помощи, начали активно разрабатываться продукты для оказания лингвистической помощи в чрезвычайных ситуациях, проводиться обучение лингвистической службы в чрезвычайных ситуациях и исследования языка в чрезвычайных ситуациях. Службы экстренной лингвистической помощи Китая для реагирования на чрезвычайные ситуации в обществе накопили много опыта и теоретических подходов, в результате языковые службы экстренной помощи сводятся к трем основным задачам: 1) языковое общение с использованием различных языков и их вариантов для обеспечения информационного обмена на месте спасения и в районе происшествия; 2) языковой комфорт, включая языковой комфорт вовлеченного лица и общественности; 3) раннее информирование о чрезвычайных ситуациях, использование интернета и больших данных для прогнозирования стихийных бедствий, эпидемий и т.д. Эпидемия коронавируса – это катастрофа, но в ходе борьбы с эпидемией было оказано содействие развитию служб экстренной лингвистической помощи в Китае [Ли Юймин, 2020a].

3. Языковая жизнь в интернете. Последние 20 лет интернет-индустрия Китая развивалась семимильными шагами. Она уже располагает огомной информационно-коммуникационной сетью, формирующей крупнейшую в мире динамичную цифровую языковую жизнь. Согласно 49-му «Статистическому отчету о развитии интернета в Китае», подготовленному Информационным центром сети интернет Китая, по состоянию на декабрь 2022 г. число пользователей в Китае достигло 1,032 млрд, а уровень распространения интернета достиг 73 %. Значительно возросло число людей, работающих удаленно, возросли объемы медицинского обслуживания в режиме онлайн, онлайн-покупок и онлайн-заказа автомобилей. Поиск информации в интернете, онлайн-новости, онлайн-покупки, онлайн-развлечения, онлайн-

прямые трансляции, онлайн-музыка, короткие видеоролики и т.д. представляют собой новый язык и стиль жизни в цифровом обществе.

4. Статус языковых данных. В октябре 2019 г. на четвертом пленуме 19-го созыва Центрального комитета Коммунистической партии Китая было предложено «усовершенствовать механизм, с помощью которого труд, капитал, земля, знания, технологии, управление, данные и другие факторы производства будут оцениваться рынком на предмет вклада, а вознаграждение определяться на основе вклада». Таким образом, данные оказались в одном ряду с «рабочей силой, капиталом, землей, знаниями, технологией и управлением» в качестве седьмого основного производственного элемента, который может быть «вознагражден за вклад» через рынок. Это важное теоретическое новшество, отражающее основное понимание информационного общества. Дальнейший анализ данных позволяет обнаружить, что 80 % данных – «языковые данные», следовательно, они имеют природу фактора производства. Чтобы в полной мере использовать роль факторов производства языковых ресурсов и поддержать развитие цифровой экономики, необходимо изучить экономические характеристики языковых данных, создать индустрию языковых данных и развивать связанные с ней лингвистические профессии; необходимо всесторонне усилить управление языковыми ресурсами, установить сбор языковых данных, управление ими, стандарты, права собственности, совместное использование, вознаграждение и другие аспекты принципов управления, содействовать производству и рыночному распространению языковых данных, с тем чтобы максимально использовать их возможности.

Кроме того, Китай лидирует на международном уровне с точки зрения мониторинга языковой жизни и защиты языка как по масштабам, так и по методам, а также по социальным и академическим достижениям.

Академическая значимость

При соблюдении определенных условий объект исследования часто определяет уровень исследования. Языковая жизнь в Китае обладает большим количеством китайских особенностей во многих аспектах и областях, исследования которых являются передовыми. Изучение такой языковой жизни может привести к открытию большого количества научных фактов, выявлению стоящих за этими фактами закономерностей, объяснению их причин, предсказанию их развития и выдвижению множества оригинальных концепций, понятий и теорий. Эти оригинальные концепции, понятия и теории могут служить ориентиром для исследований других ученых и даже играть важную роль в содействии научному прогрессу человечества в этой области.

В то же время, такого рода академическая концепция, которая рассматривает языковую жизнь как отправную точку исследований и место применения результатов исследований способствует прогрессу языковой жизни за счет академических исследований, обладает научной и справочной ценностью для других исследователей и других дисциплин [Ли Юймин, 2020f; Ли Юймин, Ван Чуньхуэй, 2022].

Научное развитие является важным проявлением человеческого прогресса и важной силой, способствующей этому прогрессу. Это область исследования, обладающая академической значимостью на международном уровне. Развитие оригинальных научных исследований и потребность внести общий вклад в гуманитарные науки отражают академические устремления нашего времени.

5. Заключение

Изучение языковой жизни в Китае и ее академическая поддержка в деле языкового планирования – академический феномен, достойный изучения. Отправной точкой, местом подтверждения результатов и конечной целью данных исследований является решение языковых проблем в социальном развитии, что заставляет ученых обнаруживать, исследовать и решать языковые проблемы в полевых условиях, в обществе, в лабораториях и в интернете. Не стоит слепо гнаться за академическим ВВП, а стоит придавать большее значение результатам академических достижений для развития соответствующей научной дисциплины, академическому взаимодействию со смежными дисциплинами и академическому влиянию на общество.

Языковая жизнь в Китае – благодатная академическая почва для лингвистики. Существует множество аспектов ее исследования с уникальной китайской спецификой, таких как понимание взаимосвязи между общенациональным языком, диалектами и языками национальных меньшинств, проблема обеспечения беспрепятственного вхождения древних языков в современные языки, повышение уровня владения стилем письма, вопрос взаимосвязи между языком и письменностью, опыт эффективного продвижения путунхуа, распространение китайского языка за рубежом и т.д. Существует множество языковых программ, которые являются передовыми на международном уровне, таких как мониторинг языковой жизни, защита языковых ресурсов, борьба с языковой бедностью и возрождение сельских районов, языковые службы экстренной помощи, языковая жизнь онлайн, а также интенсивное использование языковых данных. Изучая эти аспекты языковой жизни, можно наблюдать особые явления языковой жизни, открывать законы, которые ограничивают их существование и развитие, научно интерпретировать эти законы, разрабатывать оригинальные концепции,

понятия и теории, а также создавать новые методы исследования для формирования новой исследовательской парадигмы.

Международная роль Китая постоянно растет, однако все еще есть определенные недостатки, которые необходимо устранить, например, в области международного права голоса. Способность китайских научных исследований вносить вклад в международные научные и технологические достижения, академическая теория китайского международного сообщества, инновационная способность академической парадигмы и способность задавать академические темы, способность китайского академического сообщества вести равноправный диалог с международным академическим сообществом, вклад китайского академического сообщества в гуманитарное научное сообщество и т.д. пока еще несоизмеримы с имиджем Китая и статусом великой страны. В то время как китайские ученые стараются «не отставать», они должны уделять больше внимания оригинальным исследованиям, особенно для повышения академической уверенности в себе и постоянного повышения своей международной академической репутации и международного научного вклада.

Конечно, академическое видение не может ограничиваться научными дисциплинами и международными академическими кругами, необходимо уделять больше внимания социальным вопросам. В настоящее время языковая жизнь стремительно меняется, язык оказывает все большее влияние на различные общественные сферы, языковые противоречия становятся все более сложными, время от времени происходят языковые конфликты, появляется все больше дисциплин, занимающихся языковыми проблемами. Лингвистика должна обращать внимание на языковые проблемы в социальном развитии, на исследования смежных дисциплин в области языка. Академические достижения должны быть не только «интровертированными» для развития дисциплины, но и «экстернализированными» для улучшения языковой жизни и содействия социальному прогрессу. С древних времен и по сегодняшний день в Китае на протяжении поколений существует легендарный язык с богатейшей историей письменности, и оттого роль «изыскателей на колесницах» в описании современного языка становится лишь значительнее.

Литература

Spolsky, Bernard (2015). Foreword by Bernard Spolsky // Language Planning in China. Pp. vii–x. Berlin, München, Boston, De Gruyter Mouton. https://doi.org/10.1515/9781614513926-002

Ван Шикай (2009) Юйянь цзыюань юй юйянь яньцзю [Языковые ресурсы и исследование языка] // Шанхай: Сюелинь чубаньшэ.

Вэй Хуэй (2015) Гоцзя юйянь нэнли югуань вэньти таньтао [О некоторых аспектах национальной языковой компетенции] // Юйянь вэньцзы инюн. № 4.

Вэнь Цюфан, Чжан Тяньвэй (2016) Гоцзя юйянь нэнли лилунь тиси гоуцзянь яньцзю [Исследование разработки теоретической основы национальной языковой компетенции] // Пекин:Бэйцзин дасюе чубаньшэ.

Го Си (2015) «Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао» ши нянь [Десять лет «Докладам о языковой ситуации в Китае»] // Юйянь вэньцзы инъюн. № 3.

Дай Цинся (2015) Юйянь гоцин дяоча дэ лилунь юй фанфа вэньти [Исследование языка: теория и методика] // Юйянь чжэнцэ юй юйянь цзяоюй. № 1.

Ли Юймин (2007) Гуаньюй «Чжунго юйянь шэнхо люйпишу» [О Зеленой книге по языковой ситуации в Китае] // Юйянь вэньцзы инъюн. № 1.

Ли Юймин (2016) Юйянь шэнхо юй юйянь шэнхо яньцзю [Языковая жизнь и исследование языковой жизни] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. № 3.

Ли Юймин (2018) Чжунго дэ юйянь шэнхо пишу синьчжэньжун – сюй «Гуанчжоу юйянь шэнхо чжуанкуан баогао (2018)» [Новая серия книг о языковой жизни в Китае – предисловие к докладам о языковой жизни в Гуанчжоу (2018)] // «Гуанчжоу юйянь шэнхо чжуанкуан баогао» / Под ред. Цюй Шаобина. Пекин: Commercial Press.

Ли Юймин (2019a) Жэньшэн чунянь – имин чжунго нъюйхай дэ юйянь жичжи: Шан, чжун, ся цзюань) [Ранние годы жизни: языковой журнал одной китайской девочки: В 3 т.)]. Пекин: Commercial Press.

Ли Юймин (2019b) Чжунго юйянь цзыюаньдэ линъянь юй шицзянь [Сохранение языковых ресурсов Китая : Теория и практика] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. № 3.

Ли Юймин (2019c) Юйянь фупинь вэньти яньцзю. Дий цзи) [Исследование языка по борьбе с бедностью. Т. 1]. Пекин: Commercial Press.

Ли Юймин (2020a) Инцзи юйянь вэньти яньцзю [Исследование языка чрезвычайных ситуаций]. Пекин: Commercial Press.

Ли Юймин (2020b) Цюйдун юйяньсюе фачжань дэ саньлэй вэньти [Три вида вопроса, стимулирующих развитие лингвистики] // Дандай вайюй яньцзю. № 2.

Ли Юймин (2020c) Шуцзюй шидай юй юйянь чанье [Эпоха данных и языковая индустрия] // Шаньдун шифань дасюе сюебао (Чжэсюе шэхуй кэсюе бань). № 5.

Ли Юймин (2020d) Юйянь фупинь вэньти яньцзю: Диэр цзи) [Исследование языка по борьбе с бедностью. Т. 2]. Пекин: Commercial Press.

Ли Юймин (2020e) Юйяньсюе яньцзю: Вэньти дэ «вэньтихуа» [Лингвистические исследования : «Проблематизация» проблемы] // Дунбэй шифань дасюе сюебао (Чжэсюе шэхуэй кэсюе бань). № 5.

Ли Юймин (2020f) Юйянь шуцзюй ши синьси шидай дэ шэнчань яосу [Лингвистические данные является фактором производства в информационную эпоху] // Гуанмин жибао. № 12.

Ли Юймин (2021) Шилунь гэжэнь юйянь нэнли хэ гоцзя юйянь нэнли [Об индивидуальных языковых способностях и национальной языковой компетенции] // Юйянь вэньцзы инюн. № 3.

Ли Юймин (2022) Юйянь гуйхуасюе шолюэ [Краткое обсуждение исследования языкового планирования] // Цышу яньцзю. № 1.

Ли Юймин, Ван Линин (2020) Юсюань шичжэ : Юйяньсюе цзя дэ тянье гуши [Полевые истории изыскателей на колесницах]. Пекин: Commercial Press.

Ли Юймин, Ван Чуньхуэй (2022) Цун шуцзюй дао юйянь шуцзюй [От данных к языковым данным] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. № 4.

Ло Чанпэй, Люй Шусян (1956) Сяньдай ханьюй гуйфань вэньти, Сяньдай. ханьюй гуйфань вэньти сюешу хуйи вэньцзянь хуэйбянь [Вопросы стандартизации современного китайского языка, в сборнике «Доклады научной конференции по стандартизации современного китайского языка»] // Пекин: Кэсюе чубаньшэ.

Моу Цзы (1997) Юйянь шэнхо юй цзиншэнь вэньмин [Языковая жизнь и духовная культура] // Юйвэнь цзяньшэ. №.1.

Син Фуи, Ван Гошэн (2012) Цюаньцю хуаюй юйфа яньцзю дэ цзибэнь гоусян [Краткое описание исследования глобальной грамматики китайского языка] // Юньнань шифань дасюе сюебао : (Чжэсюе шэхуэй кэсюэбань). № 6.

Су Синьчунь, Лю Жуй (2015) Пишу дэ юйянь шиюн юй юйянь тэсэ [Языковое использование и особенности отчетов о языковой жизни] // Юйянь вэньцзы инъюн. № 3.

Суй Янь (2000) Дунтай лютун юйляоку лилунь дэ гайнянь хэ фанфа [Концепция и метод теории циклической динамики корпуса] // Юйянь вэньцзы инюн. № 2.

Сюй Дамин (2008) Юйянь цзыюань гуаньли гуйхуа цзи юйянь цзыюань ити [Планирование управления языковыми ресурсами и проблемы языковых ресурсов] // Чжэнчжоу дасюе сюебао. № 1.

Фэн Чживэй (2020) Гуаньюй «дисань жэньчэн» шуцзюй дэ гуаньча хэ. Цзяньянь [Наблюдение и верификация «данных третьих лиц»] // «Python 3: юйляоку цзишу юй инюн» [Python 3. Корпусные методы и их применение] / Под ред. Лу Сяолэя, Ни Биня. Сямынь: Сямынь дасюе чубаньшэ.

Фэн Чживэй (2021) Шэньцзин ванло, шэньду сюеси юй цзыжань юйянь чули [Искусственные нейронные сети, глубокое обучение и обработка естественного языка] // Шанхай шифань дасюе сюебао : (Чжэсюе шэхуэй кэсюэбань). № 2.

Цюаньцю хуаюй да цыдянь (2016) [Большой мировой словарь китайского языка]. Пекин: Commercial Press.

Цюаньцю хуаюй цыдянь (2020) [Мировой словарь китайского языка]. Пекин: Commercial Press.

Чжан Пу (2009) Дунтай юйянь чжиши гэнсинь яньцзю [Исследование динамической актуализации языковых знаний]. Пекин: Commercial Press.

Чжан Пу, Ван Текунь (2009) Чжунго юйянь цзыюань луньцун (1) [Сборник докладов по языковым ресурсам в Китае (1)]. Пекин: Commercial Press.

Чжао Чуньянь (2022) Сянцунь чжэньсин шиюйся литансянь чжунцзацунь дэ юйянь шэнхо [Языковая жизнь в деревне Чжунчжа, уезд Литан, в рамках программы возрождения сельских районов] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. № 1.

Чжао Шицзюй (2016) Чжунго юйянь гуаньцэ яньцзю дэ ши зянь цзи сыкао [Мониторинговое исследование языка в Китае : Практика и рефлексия] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. № 5.

Чжоу Югуан няньпу [Хроника жизни Чжоу Югуана] (2019) / Под ред. Ло Тяньхуа, Шао Жуйминь, Ван Лу, У Линьлинь // Чжэцзян: Чжэцзян дасюе чубаньшэ.

Чжунго юйянь вэньцзы шиюн цинкуан дяоча цзыляо (2006) [Употребление языка и письменности в Китае : Материалы обследования]. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ.

Чэнь Пин (2021) Юйянь цзяоча сюекэ яньцзю дэ лилунь юй шицзянь [Междисциплинарные исследования в лингвистике : Теория и практика] // Юйянь чжаньлюэ яньцзю. № 1.

Чэнь Чжантай (1989) Лунь юйянь шэнхо дэ шуанъюйчжи [Система двуязычия в языковой жизни] // Путунхуа (Гонконг). №1.

Чэнь Чжантай (1990) Сы дай тунтан дэ юйянь шэнхо – чэнь яньнянь ицзя юйянь шиюн дэ чубу каоча [Языковая жизнь четырех поколений под одной крышей – предварительное исследование языкового использования семьи Чэнь Яньняня] // Юйвэнь цзяньшэ, №3.

Чэнь Чжантай (1994) Юйвэнь шэнхо дяоча чуи [Суждения об исследовании языковой жизни] // Юйянь вэньцзы инъюн. №1.

Чэнь Чжантай (1999) Цзай лунь юйянь шэнхо дяоча [Возвращаясь к вопросу исследования языковой жизни] // Юйянь цзяосюе юй яньцзю. №3.

Юйянь юйцин юй юйянь чжэнцэ яньцзю (2016) [Исследование языкового общественного мнения и языковой политики] / Под ред. Вэй Хуэй. Пекин: Commercial Press.

References

Spolsky, Bernard (2015). Foreword by Bernard Spolsky // Language Planning in China. Pp. vii–x). Berlin, München, Boston, De Gruyter Mouton. https://doi.org/10.1515/9781614513926-002

Wang, Shikai (2009) Yuyan ziyuan yu yuyan yanjiu [Language Resources and Language Research] // Xuelin chubanshe. (In Chin.)

Wei, Hui (2015) Guojia yuyan nengli youguan wenti tantao [On Some Aspects of National Language Competence] // Yuyan wenzi yingyong. No. 4. (In Chin.)

Wen, Qiufang, Zhang, Tianwei (2016) Guojia yuyan nengli lilun tixi goujian yanjiu [Developing a Theoretical Framework on National Language Capacity] // Beijing daxue chubanshe. (In Chin.)

Guo, Xi (2015) "Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao" shi nian [A Ten-Year Review on the Influence of Reports on Chinese Language Situation] // Yuyan wenzi yingyong. No. 3. (In Chin.)

Dai Qingxia (2015) Yuyan guoqing diaocha de lilun yu fangfa wenti [Language Survey : Theory and Methodology] // Yuyan zhengce yu yuyan jiaoyu. No. 1. (In Chin.)

Li, Yuming (2007) Guanyu "Zhongguo yuyan shenghuo lüpishu" [About the Green Paper on Language Situation in China] // Yuyan wenzi yingyong. No. 1 (In Chin.)

Li, Yuming (2016) Yuyan shenghuo yu yuyan shenghuo yanjiu [Language Life and Study of Language Life] // Yuyan zhanlüe yanjiu. No. 3. (In Chin.)

Li, Yuming (2018) Zhongguo de yuyan shenghuo pishu xinzhenrong – xu Guangzhou yuyan shenghuo zhuangkuang baogao (2018) [New Lineup of the Language Situation Book in China – Preface to "Language Situation in Guangzhou : 2018" // Language situation in Guangzhou : 2018 / Qu Shaobing et al. (Eds.). Commercial Press. (In Chin.)

Li, Yuming (2019a) Rensheng chunian – yiming zhongguo nühai de yuyan rizhi (shang, zhong, xia juan) [Early Years of Life : A Language Acquisition Diary of A Chinese Girl : (three volumes)] // Commercial Press. (In Chin.)

Li, Yuming (2019b) Zhongguo yuyan ziyuan de linian yu Shijian [Theories and Practices of China's Language Resources] // Yuyan zhanlüe yanjiu. No. 3. (In Chin.)

Li, Yuming (2019c) Yuyan fupin wenti yanjiu (diyi ji) [Research on Language Poverty Alleviation (Vol.1)]. Commercial Press. (In Chin.)

Li, Yuming (2020a) Yingji yuyan wenti yanjiu [Research on emergency language]. Commercial Press. (In Chin.)

Li Yuming (2020b) Qudong yuyanxue fazhan de sanlei wenti [On Three Issues Which Drive the Development of Linguistics] // Dangdai waiyu yanjiu. No. 2. (In Chin.)

Li, Yuming (2020c) Shuju shidai yu yuyan chanye [Data Age and Language Industry] // Shandong shifan daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban). No .5. (In Chin.)

Li, Yuming, Wang Chunhui (2022) Cong shuju dao yuyan shuju [From Data to Language Data] // Yuyan zhanlüe yanjiu. No. 4. (In Chin.)

Li, Yuming (2020d) Yuyan fupin wenti yanjiu : (Dier ji) [Research on Language Poverty Alleviation (Vol.2)]. Commercial Press. (In Chin.)

Li, Yuming (2020e) Yuyanxue yanjiu: wenti de wentihua [Linguistic Researsh: "Problemization" of Problems] // Dongbei shifan daxue xuebao : (Zhexue shehui kexue ban). No. 5. (In Chin.)

Li, Yuming (2020f) Yuyan shuju shi xinxi shidai de shengchan yansu [Linguistic data is a factor of production in the information age] // Guangming ribao. No. 12. (In Chin.)

Li, Yuming (2021) Shilun geren yuyan nengli he guojia yuyan nengli [On Individual Language Ability and National Language Capacity] // Yuyan wenzi yingyong. No. 3. (In Chin.)

Li, Yuming (2022) Yuyan guihuaxue shuolüe [A Brief Discussion on Language Planning Studies] // Cishu yanjiu. No. 1. (In Chin.)

Li, Yuming, Wang, Lining (2020) Youxuan shizhe: yuyanxue jia de tianye gushi [Ambassadors' on a Chariot Field Stories]. Commercial Press. (In Chin.)

Luo, Changpei, Lü, Shuxiang (1956) Xiangdai hanyu guifan wenti, Xiandai hanyu guifan wenti xueshu huiyi wenjian huibian [The Issues of Standardization of Modern Chinese, in "Papers

of the Academic Conference on the Standardization of Modern Chinese"] // Kexue chubanshe. (In Chin.)

Mou, Zi (1997) Yuyan shenghuo yu jingshen wenming [Language Situation and. Spiritual Culture] // Yuanwen jianshe. No. 1. (In Chin.)

Xing, Fuyi, Wang, Guosheng (2012) Quanqiu huayu yufa yanjiu de jiben gouxiang [Summary of Studies of Global Chinese Grammar] // Yunnan shifa daxue. (In Chin.)

Su, Xinchun, Liu, Rui (2015) Pishu de yuyan shiyong yu yuyan tese [The Language Use and Features of the Colored Book] // Yuyan wenzi yingyong. No. 3. (In Chin.)

Sui, Yan (2000) Dongtai liutong yuliaoku lilun de gainian he fangfa [The Concept and Technique of the Dynamic Circulating Corpus] // Yuyan wenzi yingyong. No. 2. (In Chin.)

Xu Daming (2008) Yuyan ziyuan guanli guihua ji yuyan ziyuan yiti [Language Resource Management Planning and Language Resource Discussion Topics] // Zhengzhou daxue xuebao. No. 1. (In Chin.)

Feng, Zhiwei (2021) Shenjing wangluo, shendu xuexi yu ziran yuyan chuli [Artificial Neural Network, Deep Learning and Natural Language Processing] // Shanghai shifan daxue xuebao : (Zhexue shehui kexue ban). No. 2. (In Chin.)

Feng Zhiwei (2020) Guanyu "disan renchen" de guancha he jianyan, [Observation and Verification of "Third-Person Data"] // Python 3: Corpus Techniques and Applications / Lu Xiaolei and Ni Bin (Eds.). Xiamen daxue chubanshe. (In Chin.)

Quanqiu huayu cidian (2010) [A Dictionary of Global Chinese Language]. Commercial Press. (In Chin.)

Quanqiu huayu da cidian (2016) [A Comprehensive Dictionary of Global Chinese Language)]. Commercial Press. (In Chin.)

Zhang, Pu (2009) Dongtai yuyan zhishi gengxin yanjiu [Research on Dynamic Updating of Language Knowledge]. Commercial Press. (In Chin.)

Zhang Pu, Wang Tiekun (2009) Zhongguo yuyan ziyuan luncong [Collection on language resources in China]. Commercial Press. (In Chin.)

Zhao Chunyan (2022) Xiangcun zhenxing shiyuxia litangxia zhongzhacun de yuyan shenghuo [The Language Life of Zhongzha Village in Litang County from the Perspective of Rural Revitalization] // Yuyan zhanlüe yanjiu. No. 1. (In Chin.)

Zhao, Shiju (2016) Zhongguo yuyan guance yanjiu de shijian ji sikao [Language Monitoring Study in China: Practice and Reflection] // Yuyan zhanlüe yanjiu. No. 5. (In Chin.)

Zhou Youguang nianpu (2019) [Chronicle of Zhou Youguang's life] / Luo Tianhua, Shao Ruimin, Wang Lu, Wu Linlin (Eds.) // Zhejiang daxue chubanshe. (In Chin.)

Zhongguo yuyan wenzi shiyong qingkuang diaocha ziliao (2006) [The Use of Language and Writing in China: Survey Materials]. Yuwen chubanshe. (In Chin.)

Chen, Ping (2021) Yuyan jiaocha xueke yanjiu de lilun yu shijian [Interdisciplinary Studies of Linguistics : Theory and Practice] // Yuyan zhanlüe yanjiu. No. 1. (In Chin.)

Chen, Zhangtai (1989) Lun yuyan shenghuo de shuangyuzhi [The System of Bilingualism in Language Life] // Putonghua (Hong Kong). No. 1.

Chen, Zhangtai (1990) Si dai tongtang de yuyan shenghuo – Chen Yannian yijia yuyan shiyong de chubu kaocha [The Language Life of Four Generations Under One Roof – A Preliminary Study on the Language Usage of the Chen Yannian Family] // Yuwen jianshe. No. 3.

Chen, Zhangtai (1999) Zai lun yuyan shenghuo diaocha [Returning to the Question of the Study of Language Life] // Yuyan jiaoxue yu yanjiu. No. 3.

Chen, Zhangtai (1994) Yuwen shenghuo diaocha chuyi [Judgments about the Study of Language Life] // Yuyan wenzi yinyong. No. 1.

Yuyan yuqing yu yuyan zhengce yanjiu (2016) [Research on Language Public Opinion and Language Policy] / Wei Hui (Ed.). Commercial Press. (In Chin.)

Примечание

Исследование выполнено в рамках проекта «Исследования основных теоретических вопросов лингвистики с китайской спецификой в новую эпоху» (19VXK06) при поддержке Национального фонда социальных наук КНР; проекта «Исследование языковой ситуации в стране и национального языкового планирования в условиях концепции “Двух столетий”» (21&ZD289) при поддержке Национального мегафонда социальных наук КНР и проекта «Исследование истории стандартизации китайского языка и иероглифов» (21ZDJ04) Пекинского университета языка и культуры. Перевод на русский язык выполнен М.Я. Каплуновой (Институт языкознания РАН).

Ли Юймин – профессор Пекинского университета языка и культуры
Адрес: 100083 Китай, г. Пекин, район Хайдянь, пр-т Сюеюань 15
Эл. адрес: p55066@blcu.edu.cn

Для цитирования: *Ли Юймин.* Изучение языковой жизни и задачи китайского языкознания [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 9–41 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-9-41

For citation: *Li, Yuming.* The study of language life and goals of Chinese linguistics [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 9–41. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-9-41

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

УДК 81'272 10.37892/2713-2951-2-14-42-55

ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Светлана В. Кириленко
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

В статье рассматривается языковое планирование как одно из направлений исследований в социолингвистике. Рассматриваются отличия в существующих определениях языкового планирования. Описаны цели, задачи, основные сегменты языкового планирования: статусное, корпусное, образовательное, престижное. Представлены стадии работы в сфере языкового планирования как совокупность мер, направленных на изменения в языковой структуре посредством формирования стратегии языковых изменений с учетом всех возможных последствий принятых решений. Рассмотрена деятельность различных акторов на макро-, мезо- и микроуровнях планирования. Описаны основные методы исследований, применяемые при реализации стратегии языкового планирования: анализ затрат и эффективности, рациональный выбор. Приводятся примеры реализации сценариев языкового планирования как в масштабе речевого сообщества, так и в масштабе языкового сообщества. В масштабе речевого сообщества описаны сценарии, реализуемые в целях политической интеграции страны или региона, как фактор этнической идентичности с целью поддержки национальной независимости, как объединяющий фактор в полилингвальной среде. В масштабе языкового сообщества описывается модернизация языка с целью выведения его на институциональный уровень, стандартизация языка, ревитализация утраченного языка.

Ключевые слова: *языковое планирование, статусное планирование, корпусное планирование, престижное планирование, акторы планирования*

LANGUAGE PLANNING

Svetlana V. Kirilenko
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The article considers language planning as one of the areas of research in sociolinguistics. Differences in the existing definitions of language planning are considered. The goals, objectives are reveled as well as the main segments of language planning: status, corpus, educational, prestigious. The stages of work in the field of language planning are presented as a set of measures aimed at changes in the language structure through the formation of a strategy for language changes, taking into account all the possible consequences of the decisions made. The activities of various actors at the macro-, meso- and microlevels of planning are considered. The main research methods used in the implementation of the language planning strategy are described: cost-benefit analysis, rational choice. Examples of the implementation of language planning scenarios are given, both on the scale of the speech community and on the scale of the language community. On the scale of a speech community, scenarios are described that are implemented for the purpose of political integration of a country or

region, as a factor of ethnic identity in order to support national independence, as a unifying factor in a multilingual environment. On the scale of a language community the following scenarios are described: the modernization of the language in order to bring it to the institutional level, the standardization of the language, and the revitalization of the dead language.

***Keywords**: language planning, status planning, corpus planning, prestige planning, actors in planning*

1. Введение

Изменения в языковой структуре и в предпочтениях говорящих происходят постоянно. Вероятно, в большинстве случаев природа функционального распределения языков носит стихийный характер. При этом отдельные языковые изменения происходят в результате языкового планирования. Оно имеет следующее определение в отечественной социальной лингвистике: «...Один из видов человеческой деятельности, направленной на решение языковых проблем» [Язык и общество, 2016: 847]. В зарубежной социолингвистике этот термин трактуется в более узком смысле. Языковое планирование считается направлением прикладной лингвистики; «Language planning refers to deliberate and future-oriented activities aimed at influencing or modifying the language behaviour of a speech community or society» («Оно относится к преднамеренным и ориентированным на будущее действиям, целью которых является оказание влияния на язык или изменения в языковом поведении говорящих») [A Dictionary of Sociolinguistics, 2012: 173]. Языковое планирование реализуется в следующих сферах деятельности: законодательство, администрирование, СМИ, образование.

2. Цели и задачи языкового планирования

Языковое планирование – это осознанное воздействие на язык с целью его изменения. Сам термин появился благодаря лингвисту Эйнару Хаугену в 1959 г. и имел следующее определение, которое в настоящее время близко к определению корпусного планирования: «...The activity of preparing a normative orthography, grammar, and dictionary for the guidance of writers and speakers in a non-homogeneous speech community» («...Деятельность по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря как методология для письма и речи в негомогенном речевом сообществе») [Haugen, 1959: 8].

Языковое планирование происходит под влиянием различных экстралингвистических факторов: идеологические установки, изменения в языковой политике. Основная задача языкового планирования – сформировать стратегию языкового развития с учетом всех возможных последствий принятых решений, проанализировать имеющиеся языковые ресурсы, которые будут применяться для решения языковых проблем и/или изменения языкового поведения говорящих. У языкового планирования есть два основных направления:

планирование внутри собственного языкового сообщества и планирование (манипулирование) в отношении иного языкового сообщества.

Целями языкового планирования обычно является продвижение языка на более высокий функциональный уровень, придание ему институционального статуса, расширение его функций в официальных сферах общения. При этом целями языкового планирования вполне могут быть и обратные процессы, что обычно бывает обусловлено политическими причинами и потенциально создает почву для языковых конфликтов.

Некоторые исследователи считают, что термин «языковое планирование» целесообразно считать синонимом термина «языковая политика» в связи с зависимостью этого вида языковой деятельности от политики, проводимой государством. И все же языковая политика служит социально-политическим целям, поэтому изменения в языковой политике – это результат языкового планирования. «Language policy sometimes appears as a synonym for language planning but more often it refers to the goals of language planning» («Языковая политика иногда выступает как синоним языкового планирования, но чаще она относится к целям языкового планирования») [Copper, 2010: 29].

Цели языкового планирования могут различаться. Обычно целью языкового планирования является расширение сфер использования языка, увеличение образовательных возможностей на языке, стандартизация языкового варианта для улучшения возможностей коммуникации внутри языкового сообщества. Довольно частым случаем необходимости использования стратегий языкового планирования является противодействие языковому сдвигу, т.е. процессу, при котором говорящие, обычно проходя через стадию билингвизма, отказываются от употребления своего родного языка. Также языковое планирование может служить инструментом в продвижении лингвистического национализма.

В обобщенном виде целями языкового планирования являются:

– экстралингвистические цели: изменения сфер использования языка, работа с языковым престижем, языковой лояльностью говорящих;

– лингвистические цели: работа с лексическим составом языка, его расширение или стандартизация, изменения в системе письменности, орфографии, произношении.

Восстановление или расширение языковых функций, являющееся наиболее актуальной задачей языкового планирования, зачастую связано с противодействием влиянию широкой диглоссии на речевое сообщество, в котором сосуществуют два и более языка и при которой разные сферы общения обслуживаются разными языками. Широкая диглоссия – «broad diglossia refers to situations where two different languages show a complementary relationship» («сосуществование двух разных языков во взаимодополняющих отношениях в речевом

сообществе») [A Dictionary of Sociolinguistics, 2012: 82]. Классическое определение диглоссии предполагает сосуществование двух форм одного и того же языка: «Владение разными подсистемами (как правило, территориальным диалектом и литературной формой языка) данного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 58]. Для диглоссии характерно следующее восприятие двух языковых вариантов в сознании говорящих: один язык (вариант языка) считается более престижным, а второй (вариант языка) – менее достойном. Диглоссия, по мнению П. Эккерт, представляет собой опасное явление для «первого языка»: «I will maintain that diglossia can be not only the very means of elimination of vernacular languages, but also a serious threat to the self-image and solidarity of the community» («Я утверждаю, что диглоссия может быть не только самим средством ликвидации местных языков, но и серьезной угрозой идентичности и солидарности сообщества») [Eckert, 1980: 1054–1055]. В результате широкого влияния диглоссии в языковом сообществе появляются полуговорящие или пассивные билингвы, т.е. говорящие с ограниченной компетенцией владения одним из языков. И языковое планирование в этом случае направлено на расширение коммуникативной функции языка.

3. Сегменты языкового планирования

Языковое планирование подразделяется на четыре основных направления: статусное планирование (функциональный статус языка), корпусное планирование (изменения в языковой форме и структуре), образовательное языковое планирование (или планируемое обучение языку) и престижное планирование.

Статусное планирование – это работа с функцией и использованием языка. Оно изменяет языковой статус, воздействует на престиж языкового варианта, языковую идеологию. В статусном планировании принимаются решения относительно языков или языковых вариантов с точки зрения тех целей, которые эти языки будут выполнять в рассматриваемом сообществе. Изменение языкового статуса предполагает распределение или перераспределение языковых функций языка (языков) в речевом сообществе.

Статусное планирование также занимается вопросами эндо- и экзонормативности языка. Язык, функционирующий на институциональном уровне в нескольких странах, может являться эндонормативным или экзонормативным. Эндонормативный язык образует собственные правила и нормы, но используются они внутри страны. Экзонормативный вариант языка создает стандарт не только для говорящих внутри своей страны, но и для говорящих в других странах, где этот язык используется.

В большинстве случаев работа статусного планирования сосредоточена в области расширения или повышения языковой функции: официальной, символической, региональной, интернациональной, образовательной, религиозной и других функций языка [Fishman, 1971]. Однако статусное планирование вполне может быть направлено на сужение языковой функции, и, соответственно, понижение статуса языка в сообществе.

При выборе одного из диалектов для разработки языкового стандарта статусное планирование изучает следующие характеристики рассматриваемого языкового варианта:

– престижность языкового варианта;

– количество говорящих;

– отражение общей специфики языка в языковой структуре выбранного диалекта;

– исторические традиции использования этого языкового варианта как средства общения между говорящими в едином диалектном континууме.

Корпусное планирование – это работа с «формой» языка. Корпусное планирование имеет дело с графизацией, стандартизацией, модернизацией языка, а также включает в себя работу над языковыми стилями и расширением языкового корпуса (например, введение неологизмов).

Корпусное планирование в наиболее масштабном виде занимается языковой стандартизацией, определяемой еще как модернизация языка.

Для того чтобы язык был задействован в программе языкового планирования как основа для языкового стандарта, необходимо соблюдение следующих условий:

1. Формальная стандартизация языка – кодификация языка и принятие этого стандарта говорящими, которые активно используют именно эту языковую норму во всех сферах общения, считая ее «правильной». Стандартизация языка может быть как моноцентричной, т.е. состоящей из единого набора правил принятой языковой нормы, так и полицентричной, где сосуществуют варианты языковой нормы.

Важно отметить, что наряду с формальной стандартизацией языка существует еще и неформальная стандартизация. Неформальная стандартизация языка происходит, когда говорящие осознанно или неосознанно стремятся к нормализации языкового поведения, предпочитая использовать престижные в их понимании варианты речи. Хотя суть обоих типов стандартизации сходна по своему характеру, формальная стандартизация имеет ряд преимуществ. В неформальной стандартизации имеет место подчинение общепринятым в языковом сообществе правилам, а в формальной – определяется сознательным следованием кодифицированному стандарту. В процессе стандартизации, могут образовываться как единый языковой стандарт, так и различные варианты стандартного языка: «...The standardization of a given language may be

monocentric, consisting at any given time of a single set of universally accepted norms, or it may be polycentric, where different sets of norms exist simultaneously» («...Стандартизация рассматриваемого языка может быть моноцентричной, состоящей в рассматриваемый момент времени из единого набора общепризнанных норм, или может быть полицентричной, когда одновременно сосуществуют разные варианты нормы») [Stewart, 1968: 534].

2. Автономность языка или диалекта – функционирование независимого языкового варианта. Языковая структура может иметь сходства с другими языковыми системами, т.е. одновременно могут сосуществовать диалекты и другие варианты языка. Однако автономность языка означает, что структурные характеристики языка четко очерчены и имеют выраженные отличия.

3. Историчность развития языка – имеется в виду, что языковая структура сложилась вследствие естественных процессов языкового развития.

Образовательное языковое планирование сосредоточено на вопросах обучения языку детей и взрослых людей, выработке мер по поддержанию языка, расширению количества говорящих на данном языке. Образовательное планирование – это организованные усилия, направленные на улучшение системы изучения языка с целью выведения языковых ресурсов на новый функциональный уровень. Сам термин введен Робертом Купером в 1989 г., отмечавшим, что обучение языку является основной задачей деятельности в контексте планируемого овладения языком [Copper, 2010: 159].

Деятельность образовательного языкового планирования не ограничивается школьным обучением. Создаются языковые гнезда для детей дошкольного возраста. Организуются курсы изучения языка для взрослых людей. Проводятся программы языкового обмена с поездками в страну изучаемого языка. Издаются газеты, выпускаются новостные программы на упрощенных уровнях изучения языка. Новостные программы могут выпускаться в двух вариантах темпа речи: обычном и замедленном, когда одновременно предлагается текстовая версия этого выпуска.

Образовательное планирование подразделяется на следующие направления деятельности: изучение второго языка, восстановление владения родным языком и поддержание языка с целью сохранения его целостности. Образовательное планирование как цель языкового планирования состоит из следующих компонентов: создание возможностей для обучения и предоставление стимулов и поощрений для изучения языка.

Престижное планирование – это создание благоприятной среды для статусного и корпусного планирования путем работы с восприятием языка говорящими, с языковой идентичностью, символической ценностью языка. Область работы престижного планирования – малопрестижные языковые варианты. Основной упор планирования направлен на

формирование образа языка как элемента культурного и исторического наследия с целью повышения его ценности с точки зрения говорящих.

4. Стадии работы в сфере языкового планирования

Языковое планирование – совокупность мер, направленных на изменение языковой структуры, повышение языкового престижа, расширение сфер использования языка, увеличения числа говорящих на данном языке. Он состоит из нескольких основных стадий. Реализация этой работы не обязательно осуществляется ступенчато, некоторые стадии работы могут проходить параллельно. Процесс языкового планирования начинается с определения существующих языковых проблем и выбора метода их решения. Подобные проблемы продиктованы необходимостью выработки языкового стандарта или создания системы письменности, разработки научной терминологии, работы с пуристическими устремлениями говорящих.

Первая задача, стоящая перед языковым планированием, – определение потребности, которая сформировалась в языковом сообществе, либо определение назревшей языковой проблемы. Конкретные стадии включают в себя ряд задач:

– разработка целей языкового планирования и согласованных решений с учетом последствий принятых решений и возможных рисков для речевого сообщества; целеполагание может весьма отличаться: это и создание учебных материалов с тем чтобы язык преподавался, например, в вузах, и продвижение языка на институциональный уровень коммуникации, и многое другое.

– анализ современной ситуации в языковом сообществе, сбор необходимых данных о языковой идеологии говорящих, изучение особенностей сфер применения языка, исследование потребностей говорящих;

– выработка общей стратегии, упорядочение деятельности языкового планирования согласно принятым решениям, техническая стадия подготовки к внедрению принятых решений; имеется в виду подготовка изменений в языковой политике, создание учебно-методических комплексов для образовательного планирования, формирование решений по повышению языкового престижа с помощью СМИ;

– выявление сегментов языковой жизни, нуждающихся в языковом планировании согласно избранной стратегии: усовершенствование сложившейся языковой нормы (графизация, письменность, выработка научно-технической терминологии и т.д.), расширение сфер использования языка;

– реализация стратегии языкового планирования, т.е. внесение в язык таких изменений, которые позволят достичь запланированных целей.

5. Акторы языкового планирования

Языковое планирование реализуется на макро-, мезо- и микроуровнях.

Макроуровень включает в себя языковое планирование на национальном или государственном уровнях, реализуются решения существующей языковой политики или инициируются изменения вследствие изменений в политическом курсе. На макроуровне акторами выступают государственные организации, министерства, региональные и местные органы власти.

Мезоуровень – неправительственные общественные организации, объединения языковых активистов: Ассоциация учителей аварского языка, Всемирный конгресс татар.

Микроуровень языкового планирования – это отдельные люди, лингвисты или языковые активисты. Лингвисты, участвующие в языковом планировании, обычно занимаются вопросами сохранения культуры, но при этом они организуют мероприятия, где говорят на определенном языке, соответственно, это способствует повышению языковой лояльности у говорящих на этом языке. При этом есть и более значимые достижения у индивидуальных акторов языкового планирования: норвежский лингвист Ивар Осен много усилий приложил для создания литературного варианта норвежского языка на основе просторечных вариантов, сохранившихся в сельской местности.

Языковое планирование изначально реализовывалось и продолжает реализовываться, следуя политическому принципу «сверху – вниз» (top-down perspective), т.е. главными акторами выступают организации, которые занимаются языковым планированием на национальном или государственном уровнях [Tollefson, 2007: 4]. В процессе языкового строительства в России и деятельности по языковому планированию за рубежом велась и ведется работа по увеличению количества обучающихся языку и на языке, по кодификации, создавались методические материалы. Ключевую роль здесь выполняют специалисты, руководящие процессом языкового развития.

Современные тенденции в языковом планировании сосредоточены на изучении деятельности социальных акторов на разных уровнях деятельности. Некоторые исследователи считают, что языковое планирование должно восприниматься как часть общей многослойной структуры, которая, метафорически выражаясь, напоминает «луковицу», где в каждом слое есть свои социальные акторы, реализующие решения языкового планирования либо обоснованно противостоящие им [Hornberger et.al, 2007], [Ricento et.al, 1996].

6. Методы языкового планирования

В языковом планировании существуют различные методы и методики исследования. Для прогнозирования последствий языковых изменений часто применяются сопоставительные, количественные и качественные приемы проведения анализа, которые определяют экстралингвистические параметры функционирования языка. Общие параметры получают путем изучения официальных источников, этнографических исследований, результатов социолингвистических опросов по восприятию языка говорящими, специальные параметры выявляются в ходе экспериментов и экспертного интервьюирования.

Одним из наиболее заметных методов, сопутствующих процессу языкового прогнозирования, является анализ затрат и эффективности (Cost-benefit analysis (CBA) [Eastman, 1983: 179]. Суть этого анализа в прогнозировании ожидаемых расходов и оценивании возможных преимуществ, которые появятся в результате деятельности по языковому планированию. Например, речь может идти о введении дополнительного языка в систему школьного образования, что повлечет за собой определенные издержки (обучение учителей, создание новых учебных материалов и т.д.), но при этом принесет с собой и положительные изменения (улучшит коммуникацию в языковом сообществе, создаст возможности трудоустройства для выпускников и т.д.). Тем не менее проведение и последующее применение этого аналитического метода зачастую является проблематичным, так как длительные временные затраты, необходимые для проведения множества мероприятий по языковому планированию, затрудняют точное оценивание его перспектив, т.е. получение точных данных при проведении этого анализа. Кроме того, на него оказывают влияние не только политические, но и социальные последствия решений по языковому планированию (например, политическое объединение, межнациональная коммуникация или конфликты между языковыми группами).

Существует также и модель языкового планирования, называемая «рациональный выбор» (rational choice), при котором процесс планирования рассматривается как систематическая и рационально управляемая деятельность: выявляются лингвистические проблемы, предлагаются решения, формулируются цели, оцениваются затраты и эффективность.

7. Примеры реализации сценариев языкового планирования

В масштабе речевого сообщества

1. В целях политической интеграции страны или региона.

В рассматриваемом регионе существует некоторое количество языков, часть из них является письменными, большая часть – бесписьменными. Определенная часть языков и диалектов является родственными. Цель языкового планирования заключается в стандартизации

определенного языкового варианта с целью политической интеграции этого региона. При этом максимум усилий прикладывается в направлении расширения количества говорящих именно на стандартизируемом варианте языка. Сохранение всего существующего многообразия языков этого региона не рассматривается в данной стратегии языкового планирования. Развитие билингвизма или диглоссных отношений между языковыми сообществами не предусматривается.

Примером этой стратегии может быть рассмотрена история расширения функциональной мощности японского языка в Японии в условиях конкуренции с китайским языком. Или политика моноязычия, принятая во Франции в конце XXI в., вследствие которой несколько языков значительно сузили сферы своего применения или полностью исчезли из употребления.

2. Язык как фактор этнической идентичности с целью поддержки национальной независимости.

В речевом сообществе насчитывается некоторое количество языков и вариантов языка, часть из них имеет давнюю письменную традицию, часть является младописьменными или бесписьменными. Языком межнационального общения является язык «А», не являющийся коренным языком для говорящих в рассматриваемом речевом сообществе. Язык «Б», являющийся объектом работы языкового планирования, имеет письменную традицию. Этот язык используется говорящими не только в местах проживания коренного населения, но и выступает как лингва франка для некоторых других групп говорящих, однако не в масштабе всего речевого сообщества. Основные усилия языкового планирования будут сосредоточены на создании диглоссного речевого сообщества, где доминирующим языком будет выступать язык «Б», заменив собой язык «А». Предполагается работа над корпусным планированием языка «Б» с целью расширения его функциональной мощности. Первоначально усилия будут приложены в области введения языка «Б» в школьное образование, что повлечет за собой расширение его функционирования и в других сферах общения.

Пример подобной стратегии – это норвежский язык и весь период его становления и развития на протяжении примерно последних ста лет, со времени обретения Норвегией независимости. Датский язык в течение этого периода постепенно вытеснялся из различных институциональных сфер функционирования.

3. Язык как фактор, объединяющий нацию или страну.

В речевом сообществе сосуществуют языки с устоявшейся письменной традицией, а также некоторое количество диалектов. Основная задача языкового планирования в данной ситуации – поиск компромиссного решения для выбора языка межнационального общения. Выбор языка должен основываться на сочетании социальных, культурных и психологических

факторов. Этот язык впоследствии пройдет все необходимые стадии модернизации по сегментам корпусного статусного и образовательного планирования для того, чтобы иметь возможность функционировать как лингва франка. При этом дополнительной целью языкового планирования является развитие билингвизма и бикультурализма в речевом сообществе.

Пример работы этой стратегии – это язык суахили в Танзании, где он функционирует в качестве надэтнического средства общения, на нем ведется преподавание в начальной школе, он используется в органах власти, в религиозной сфере. При этом в стране в бытовой сфере используются местные этнические языки, коих в стране великое множество – более ста языковых вариантов.

В масштабе языкового сообщества

1. Ревитализация утраченного языка.

В языковом сообществе используется язык «А», являющийся родным для говорящих. При этом у значимого числа говорящих, проживающих компактно в рассматриваемом регионе, исторически родным языком являлся язык «Б», в настоящее время полностью или практически полностью утраченный. Задача языкового планирования в данном случае сосредоточена на корпусном и образовательном планировании. Необходимо выработать языковой стандарт на основе сохранившейся языковой нормы и расширить функциональную мощность языка. Первая задача образовательного планирования – работа по созданию учебных материалов для начального уровня изучения языка. Статусное планирование на первоначальном этапе не требуется по двум причинам: во-первых, этот вид языкового планирования инициирован языковым сообществом, соответственно, социальная потребность в языке у говорящих высокая, а значит, высоки и престиж языка, и лояльность к языку. Вторая причина заключается в трудностях прогнозирования потребности у говорящих расширения сфер функционального общения у языка, необходимости вывода языка «Б» за пределы бытового общения.

Пример этой стратегии – корнуолльский язык, полностью утраченный в конце XXI в., который был восстановлен благодаря усилиям лингвистов и активистов языкового сообщества. На корнуолльском языке проводится обучение в детских садах и школах, есть теле- и радиовещание.

2. Стандартизация языка.

Целью языкового планирования является выработка единого языкового стандарта для использования на всей территории общего диалектного континуума. В статусном планировании исследуется существующая диалектная база с целью выбора опорного диалекта. Не всегда в качестве опорного языкового варианта выбирается самый распространенный диалект. Иногда

предпочтение отдается в пользу варианта с меньшим количеством носителей, но с большим престижем. Корпусное планирование сосредоточено на создании языкового стандарта – ведется работа над словарями, грамматикой, учебниками с последующим внедрением в образовательное планирование.

Пример разработки языкового стандарта можно рассмотреть на материале истории выработки стандарта для бурятского языка. В 1930-е годы считалось, что диалектной основой бурятского языкового стандарта должен стать селенгинский диалект, близкий монгольскому языку, уже используемый как литературный язык у части бурятского населения. Однако вследствие социально-политических причин языковой стандарт был создан на основе хоринского диалекта с письменностью на кириллице.

3. Модернизация языка с целью выведения его на институциональный уровень.

Статусное планирование сосредоточено на выведении языка из сферы бытового дружеского общения. Корпусное планирование занимается внутриструктурным развитием языка на всех уровнях: лексико-семантическом, фонетико-фонологическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом. Создание терминологических систем, нормирование путем создания словарей терминологической лексики различных научных областей. Образовательное планирование занимается внедрением расширенного языкового корпуса в старшей и средней школе, в высших учебных заведениях.

Пример модернизации языков может быть рассмотрен на материале языкового строительства 1930-х годов в СССР и развития функций литературных языков в более поздний период.

8. Заключение

В обзоре направлений деятельности языкового планирования, представленном выше, языки были рассмотрены как формы человеческой коммуникации, которые вследствие политических, социальных и других экстралингвистических факторов подвергаются различным манипуляциям. В статье был дан обзор позитивных вариантов языкового планирования, направленных на улучшение функционирования языков, расширение сфер их применения, их модернизацию и т.д. Однако языковое планирование как деятельность, осуществляемая государственными и другими властными организациями, зачастую бывает направлена и в сторону сокращения количества языков, вытеснения их из сфер общения, что отчасти подтверждается существованием огромного количества языков, находящихся под угрозой исчезновения [UNESCO].

Литература

Словарь социолингвистических терминов. (2006) / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М: Институт языкознания РАН. 312 с.

Язык и общество : Энциклопедия. (2016) М.: Издательский центр «Азбуковник». 872 с.

A Dictionary of Sociolinguistics. (2012) / Joan Swann, etc. Edinburgh University press. 368 p.

Cooper, R.L. (2010) Language planning and social change. Cambridge University Press. 216 p.

Eastman, C.M. (1983) Language planning, an introduction. San Francisco: Chandler and Sharp. 276 p.

Eckert, P. (1980) Diglossia : separate and unequal // Linguistics. No. 18. Pp. 1053–1064. https://doi.org/10.1515/ling.1980.18.11-12.1053

Fishman, J.A. (1971) National Languages and Languages of Wider Communication in the Developing Nations // Language use and social change : Problems of multilingualism with special reference to Eastern Africa. Pp. 27–56. London: Oxford University Press. 406 p.

Haugen, E. (1959) Planning for a standard language in modern Norway // Anthropological Linguistics. No. 1 (3). Pp. 8–21.

Hornberger, N.H., Johnson, D.C. (2007) Slicing the Onion Ethnographically : Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice // TESOL Quarterly. Vol. 41. No. 3. Pp. 509–532.

Ricento, T., Hornberger, N.H. (1996) Unpeeling the onion : Language planning and policy and the ELT professional // TESOL Quarterly. No. 30 (3). Pp 401–427.

Stewart, W. (1968) A sociolinguistic typology for describing national multilingualism // Readings in the Sociology of Language / Joshua A. Fishman (Ed.). The Hague: Mouton. Pp. 531–545.

Tollefson, J.W. (2007) Language planning in education // Encyclopedia of Language and Education : 10 volume set / King Kendall A., Hornberger Nancy H. 2nd Edition.Vol.1. Springer. 4716 p.

UNESCO Режим доступа: URL: www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality Дата обращения 21.10.2022.

References

Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov. (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] / Ed. by V.Yu. Mikhal’chenko. M., 2006. 312 p. (In Russ.)

Yazyk i obshchestvo : Enciklopediya. (2016) [Language and Society. Encyclopedia] M.: 872 c. (In Russ.)

A Dictionary of Sociolinguistics. (2012) / Joan Swann, etc. Edinburgh University press. 368 p.

Cooper, R.L. (2010) Language planning and social change. Cambridge University Press. 216 p.

Eastman, C.M. (1983) Language planning, an introduction. San Francisco: Chandler and Sharp. 276 p.

Eckert, P. (1980) Diglossia : Separate and unequal // Linguistics. No. 18. Pp. 1053–1064. https://doi.org/10.1515/ling.1980.18.11-12.1053

Fishman, J.A. (1971) National Languages and Languages of Wider Communication in the Developing Nations // Language use and social change: problems of multilingualism with special reference to Eastern Africa. Pp. 27–56. London. Oxford University Press. 406 p.

Haugen, E. (1959) Planning for a standard language in modern Norway // Anthropological Linguistics. No. 1 (3). Pp. 8–21.

Hornberger, N.H., Johnson, D.C. (2007) Slicing the Onion Ethnographically : Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice // TESOL Quarterly. Vol. 41. No. 3. Pp. 509–532.

Ricento, T., Hornberger, N.H. (1996) Unpeeling the onion : Language planning and policy and the ELT professional // TESOL Quarterly. No. 30 (3). Pp 401–427.

Stewart, W. (1968) A sociolinguistic typology for describing national multilingualism // , Readings in the Sociology of Language / Joshua A. Fishman (Ed.). The Hague: Mouton, pp. 531-545.

Tollefson, J.W. (2007) Language planning in education // Encyclopedia of Language and Education : 10 volume set / King Kendall A., Hornberger Nancy H. 2nd Edition.Vol.1. Springer. 4716 p.

UNESCO Режим доступа: URL: www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality. Дата обращения 21.10.2022.

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)».

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_a “Prognostic methods and future scenarios in language policy – multilingual Russia as an example”.

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru

Для цитирования: *Кириленко С.В.* Языковое планирование [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 42–55 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-42-55

For citation: *Kirilenko, S.V.* Language planning // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 42–55 (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-42-55

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

LANGUAGE CONTACTS

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-56-63

АМЕРИКАНСКИЕ СИНОНИМЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Владимир М. Алпатов
Институт языкознания Российской академии наук,

Российская Федерация

Лексическая система современного японского языка делится на три подсистемы: ваго, канго и гайрайго. Ваго – исконные слова, канго – древние заимствования из китайского языка или слова, составленные в Японии из комбинаций китайских корней. Особый слой канго образовался, когда не имевшие до того письменности японцы заимствовали иероглифы (древнейшие памятники относятся к VII–VIII вв.), а вместе с иероглифами из Китая заимствовались и их чтения, подвергшиеся фонетической адаптации. В японском языке иероглиф, как правило, получал китайское, заимствованное и японское, подобранное по смыслу чтение (тех и других чтений могло быть более одного). Китайское чтение обычно соответствует корню. Большинство канго – книжные слова, которых много среди терминов. Их значение понятно в иероглифической записи, но не всегда на слух. Гайрайго – слова, заимствованные из западных языков начиная со второй половины XIX в. Большинство гайрайго заимствованы в японский язык из английского языка, они связаны с иероглифической письменностью. Количественное превосходство заимствований из английского языка стало еще более значительным в период американской оккупации и сохраняется до сих пор. Конкуренция синонимов почти всегда заканчивается победой американизмов, которые понятнее на слух, чем канго, но, прежде всего, распространение гайрайго отражает американизацию современного японского общества. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В том числе значительное распространение гайрайго заметно в рекламе.

Ключевые слова: *японский язык, ваго, канго, гайрайго, заимствования, английский язык, американизация*

AMERICAN LOAN-WORDS IN JAPAN

Vladimir M. Alpatov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The lexical system of modern Japanese is divided into three subsystems: wago, kango and gairaigo. Wago are the primordial words, kango are the ancient loan-words from Chinese or the words constituted in Japan from a combination of Chinese roots. The special layer of kango was formed when the Japanese, who had not had a written language before, borrowed hieroglyphs (the oldest monuments date back to the 7th-8th centuries), and along with the hieroglyphs, their readings were borrowed from China, subjected to phonetic adaptation. In Japanese, the hieroglyph, as a rule, received borrowed Chinese and Japanese readings chosen according to the meaning (there could be more than one of those readings). The Chinese reading usually corresponds to the root. The majority of kango are bookish words; they are connected with the hieroglyph script. Their meaning is clear in hieroglyphic writing, but not always by ear. Gairaigo are words that have been borrowed from Western languages since the second half of the 19th century. Most gairaigo are borrowed into Japanese from English and associated with hieroglyphic writing. The quantitative superiority of English borrowings became more significant during the period of the American occupation and remains to this day. The competition of synonyms almost always ends with the victory of Americanisms, which are more audible than kango, but the spread of gairaigo reflects the Americanization of modern Japanese society. There is a constant association of gairaigo with modernity and prestige, words of different origin are assotiated with backwardness and poverty. Significant spread of gairaigo is noticeable in advertising.

Keywords: *Japanese, wago, kango, gairaigo, loan-words, English, Americanization*

Безусловно, в любом языке есть синонимия. При этом конкуренция синонимов – один из основных видов конкуренции в языке; эта конкуренция обычно приводит либо к исчезновению или переходу на периферию части синонимов, либо к дифференциации синонимов по значению. Одна из главных причин появления синонимов – заимствование лексических единиц, передающих значения, для номинации которых в языке уже есть какие-то средства (или, наоборот, придумывается исконный эквивалент для уже имеющегося заимствования, ср. *хавбек* и *полузащитник*, *геликоптер* и *вертолет*).

Японский язык обычно оценивают как язык с развитой синонимией, которая в целом устойчиво сохраняется и наличие синонимов тесно связано с происхождением лексем. Причины этого видят в наличии трех лексических подсистем: исконной лексики (*ваго*, т.е. «японские слова»), китаизмов (*канго* «китайские слова») и слов, взятых из западных языков, преимущественно английского (*гайрайго*, т.е. «слова, пришедшие извне», или, как стали говорить в последнее время, *катаканаго* «слова, пишущиеся азбукой *катакана*»).

Особый слой *канго* образовался, когда не имевшие до того письменности японцы заимствовали иероглифы (древнейшие памятники относятся к VII–VIII вв.), а вместе с иероглифами из Китая заимствовались и их чтения, подвергшиеся фонетической адаптации. В японском языке иероглиф, как правило, получал китайское, заимствованное и японское, подобранное по смыслу чтение (тех и других чтений могло быть более одного). Китайское чтение обычно соответствует корню; среди *канго* есть лексические заимствования из китайского языка, но большинство их образовано в Японии из корней китайского происхождения.

Слова класса *ваго* чаще относятся к общеупотребительной, бытовой или поэтической лексике, среди них мало терминов. На письме ваго передаются либо иероглифами (корни слов), либо одной из двух употребительных японских азбук – хираганой (окончания, служебные слова, некоторые наиболее употребительные слова). А среди *канго* преобладают книжные слова, нередко непонятные на слух, но легко воспринимаемые в иероглифической записи. Канго всегда были связаны с книгой и письменной, иероглифической культурой.

В результате в японском языке имеется много пар сходных по значению ваго и канго. Обычно они либо записываются тем же иероглифом, по-разному читаемым, либо ваго пишется одним иероглифом, а канго – двумя иероглифами, один из которых тот же самый. Однако замена одного синонима (точнее, квазисинонима) на другой чаще всего невозможна, поскольку близкие по значению канго и ваго относятся к разным сферам. Например, эквивалентом русского *сердце* обычно считается японское ваго *kokoro*. Однако это обиходное слово издавна соответствовало переносным значениям соответствующего русского слова (переводиться может и как *дух* или *душа*). Сердце же как человеческий анатомический орган – канго *shinzoo* (слово, появившееся

лишь в XIX в.). Часто ваго и канго сходны по значению, но термином бывает лишь китаизм, а исконное слово имеет обиходную и менее определенную семантику. Ваго *kotoba* может значить и *слово*, и *речь*, и *язык*, но в обиходной речи, а не в качестве лингвистического термина (по крайней мере, с XIX в.). В терминологическом же значении *слово* – *go* или *tango*, язык – *gengo*, все это канго. При этом *kokoro* и *shin* в *shinzo* пишутся одним и тем же иероглифом, как и *hito* и *nin* в *ningen*, *kotoba* и *gen* в *gengo*.

Итак, в японском языке имеется много пар ваго и канго. Однако даже при однотипном значении замена одного слова на другое чаще всего невозможна в связи со стилистическими факторами, а многие члены пар не являются синонимами, хотя имеют сходство в значении. Наличие таких пар значительно увеличивает число японских лексем, однако из этого прямо не следует то, что слов там больше, чем, скажем, в русском языке.

С начала европеизации во второй половине XIX в. до 1940-х годов новая культурная лексика большей частью формировалась путем создания новых канго. Однако приходившие из Америки и Европы предметы материальной и бытовой культуры чаще всего стали обозначаться с помощью *гайрайго*, которые в подавляющем большинстве случаев писались и пишутся до сих пор одной из двух японских азбук – катаканой, не имея иероглифической записи. Сразу после «открытия» Японии в 1850-х годах стали преобладать заимствования из американского варианта английского языка. Посетивший Японию в 1926 и 1932 гг. советский писатель Б.А. Пильняк замечал, что Япония не европеизируется, а американизируется [Пильняк, 1935: 150]. Количественное превосходство заимствований из английского языка стало еще более значительным в период американской оккупации (1945–1952) и сохраняется до сих пор.

Конкуренция одинаковых или близких по значению слов разного происхождения началась сразу, как только гайрайго стали массовым явлением. При этом, несмотря на то что гайрайго никогда не составляли бóльшую часть лексики (в газетах в среднем к ним в 1960-е годы относились 4 % слов, сейчас несколько больше), конкуренция синонимов почти всегда заканчивалась их победой. Отдельные исключения могли быть лишь результатом специальных мер. Наиболее активно эти меры принимались в годы японского милитаризма (1920–1940-е годы). Для бейсбола (игра, популярная в Японии примерно так же, как футбол у нас) было тогда придумано канго *yakyuu* (составлено из морфем со значением ‘поле’ и ‘мяч’), которое хорошо прижилось; впрочем, другие бейсбольные термины остались по происхождению американскими.

И в наше время бывают попытки ограничений в употреблении гайрайго, в том числе в деятельности полугосударственной радио- и телекомпании NHK, поскольку злоупотребления ими вызывают протесты зрителей [NHK, 1984, 8: 20]. Ограничения не касаются лишь

собственных имен. Многим зрителям не нравится как непонятность многих заимствований, так и их чужеродность.

И все же чаще всего гайрайго вытесняют ранее образовавшиеся синонимы. Такой процесс начался еще до войны: например, еще тогда канго *hooka-shutaku* заменилось на *apaato* (из *apartment*) в качестве обозначения многоквартирного дома европейского типа [Iwabuchi, 1993: 8]. Затем гайрайго *roon* ‘заем’ из *loan* вытеснило старое канго *syakkin*, вызывавшее плохие ассоциации [Honna, 1995: 53; Sotoyama, 1993: 53]; по этой же причине *geppu* ‘кредит’ заменилось синонимом *kurejitto* [Sotoyama, 1993: 53]. В целом созданные до войны кальки – канго сейчас в значительной степени заменены гайрайго [Stanlaw 2004: 79]. Фотоаппарат когда-то именовался канго *syashinki*, но теперь это разве что старомодный пластиночный аппарат, современная модель – только *kamera*. То же обычно происходит и там, где конкурируют одновременно появившиеся синонимы для обозначения новых понятий: в значении ‘стыковка (космических аппаратов)’ недолгая конкуренция в конце 1960-х годов вновь изобретенного канго *renketsu* и гайрайго *dokkingu* вскоре закончилось победой последнего. До европеизации японцы не употребляли в пищу молоко (и даже в 1970-е годы пили его не так часто). Появилось канго *gyuunyuu* ‘коровье молоко’, которое у нас еще полвека назад должны были учить студенты, но *miruku* (*milk*) сейчас вытеснило его полностью.

Среди причин успеха гайрайго, по-видимому, наиболее важны две. Во-первых, на функционирование гайрайго влияет их бóльшая понятность на слух, особенно по сравнению с канго, среди которых много омонимов; часто это помогает им вытеснять синонимы иного происхождения. Во-вторых, распространению гайрайго способствует влияние американской массовой культуры и глобализации. Постоянна ассоциация гайрайго с современностью и престижностью, а слов иного происхождения – с отсталостью и бедностью. В торговле, по выражению одного автора, гайрайго появляются там, где продают мечту [Sotoyama, 1993: 50]. Как писал видный социолингвист Сибата Такэси, для многих слово, пишущееся катаканой, обозначает хорошую вещь [Shibata, 1993: 20]. Человек, не употребляющий гайрайго, может выглядеть старомодным [Stanlaw, 2004: 268–269].

Конкуренция слов разного происхождения не обязательно означает вытеснение ваго и/или канго; близкие по значению слова могут сохраняться, поскольку их семантические расхождения могут оставаться актуальными. Часто разграничение идет по признаку «наличие – отсутствие связи с массовой культурой глобализации», в основном потребительской. Но в рекламе, где противопоставлялись автомобили вчерашнего и завтрашнего дня, *вчера* было обозначено обычным японским словом *kinoo*, а *завтра* – американизмом *toomoroo* (*tomorrow*) [Ibid.: 299]; см. также ресторан «toomoroo», вывеску которого автор статьи видел в Токио.

Новорожденный ребенок – *akachan*, но в рекламе товаров для новорожденных он будет *beebii* (*baby*) [Iwabuchi, 1993: 12]. Обычные японские товары, предлагаемые потребителю в новой расфасовке, могут именоваться с помощью гайрайго [Stanlaw, 2004: 203]. Это особенно часто наблюдается в торговле, но такие различия могут встретиться и в иных сферах жизни. *Грамматика* по-японски *bumpoo* (канго), но японец в интервью, вспоминая свои уроки английского языка в школе, употребил слово *guramaa* (*grammar)* [Endoo, 1995: 13]. Современная японка не купит кофточку мышиного цвета (*nezumiiro*), но если назвать ее цвет *guree* (*grey*), то к ней отнесутся иначе [Stanlaw, 2004: 208].

Еще пример, с которым мне пришлось столкнуться: японец, узнав, что я из СССР, рассказал, что он там не был, а вот его жена туда ездила, назвав ее *waifu* (*wife*). В японском языке более десятка слов (ваго и канго) со значением ‘жена’; казалось бы, зачем еще слово? Но если речь идет о действиях, не сочетающихся с традиционными правилами женского поведения (например, если жена путешествует без мужа), то уместно именно *waifu*, а, скажем, не *kanai*, что буквально значит *внутри дома* (слово, правда, не употребляемое в отношении своей жены). Ср. указание на то, что японские местоимения второго лица, уместные, скажем, в обращении жены к мужу, трудно употребить по отношению к бой-френду, и современные японки могут обращаться к нему *yuu* (*you*) [Ibid.: 105]. Тот же автор приводит слова японской женщины: ни одно из японских прощаний не передает идею прощания навсегда, поэтому лучше в таком случае сказать *goodbye* [Ibid.].

Слова класса гайрайго в большинстве своем тесно связаны со вкусами, привычками, ценностями, идущими из США. Один из часто обсуждаемых примеров – своеобразный именной префикс *mai* из *my* ‘мой’ (он может иметь и значение ‘мой’, и значение ‘личный, частный’). Зафиксированы: *mai-kaa* ‘личный автомобиль’, *mai-hoomu* ‘частный дом’, *mai-peesu* ‘свой ритм, темп’, *mai-taun* ‘мой город’ и даже *mai-meguro* ‘мое Мэгуро’ (название пансиона в токийском районе Мэгуро) [Shibata, 1993: 20; Ekuni, 1993: 128]. Не всегда, но часто префикс по значению указывает на нахождение соответствующего предмета в сфере личной собственности говорящего. Подчеркивание идеи privacy, которая с трудом выражается средствами японского языка (как и русского)! Во внедрении этого префикса иностранные наблюдатели видят воспитание западного индивидуализма у японцев [Stanlaw, 2004: 18].

Отмечают удобство гайрайго для обозначения всего необычного [Ibid.: 238–239], создание с их помощью эффекта новизны, которая (в отличие от новых канго, до какой-то степени понятных благодаря иероглифам) не всегда предполагает понятность [Takiura, 2007: 9].

Синонимы могут разграничиваться не только с точки зрения наличия или отсутствия связи с культурой потребления, бывает и противопоставление по признаку «национальное –

интернациональное» в чистом виде. В Японии львы не водятся, но животное издавна было известно, прежде всего благодаря пришедшему из Китая танцу льва (точнее, изображающего его человека) на буддийских праздниках, и именовалось *shishi* (канго). Но теперь *shishi* лишь танцует на праздниках, а хищник – *raion* (*lion*).

Впрочем, семантическая грань между гайрайго и близкими к ним по значениям ваго или канго может оказываться нечеткой. Японцы много веков употребляют в пищу рис (по-японски *meshi* или *gohan*), но сваренный по-европейски рис стал называться *raisu* (*rice*). Однако, по мнению Дж. Стенлоу, хотя слова *meshi* и *gohan* вполне употребительны, но рис, сваренный по-японски, может называться и *raisu*; другое традиционное различие – *gohan* обычно подают в чашках, а *raisu* на тарелках – сейчас тоже не всегда соблюдается, поэтому различия уже неясны [Stanlaw, 2004: 14–15]. Другой похожий пример – *midori* и *guriin* в обозначении зеленого цвета. Сибата Такэси указывал, что они, как правило, не могут заменяться одно на другое и не являются абсолютными синонимами. Сибата приходит к выводу: их различие не всегда соответствует различию по признаку «японский – иностранный». Листья и трава всегда *midori*, но искусственное травяное покрытие для гольфа – *guriin*, как и кофточка. То есть все естественное – *midori*, а искусственное, сделанное человеком – *guriin* [Shibata, 1993: 17–18]. Такая трактовка объясняет многие примеры. Но вот в телевизионной передаче о природе Окинавы показали маленькую тропическую ящерицу: природный объект, причем даже живущий в Японии. Но ее цвет был охарактеризован словом *guriin*! Так что скорее разница все же в культурных ассоциациях: все экзотическое (а Окинава для большинства японцев – не типичная Япония) и все явно связанное с западной культурой – скорее *guriin*.

Чуть ли не каждое английское слово может быть заимствовано в японский язык, хотя бы в составе сочетаний. Скажем, *language* ‘язык’ обычно не употребляется как отдельное слово, но *лингвистическая лаборатория – rangeeji-rabo* [Stanlaw, 2004: 79]; *овца – hitsuji*, но один из видов дикой овцы в надписи в зоопарке именуется *baabariishiipuu* (*barbarian sheep*). По выражению одного из авторов, мы имеем дело не столько с заимствованием в обычном смысле, сколько с абсорбцией японским языком английского словаря [Passin, 1980: 55]. Японский язык вбирает в себя (разумеется, потенциально) весь словарь английского языка так же, как когда-то вобрал весь словарь китайского языка [Ibid.: 63].

Немало сложных слов или словосочетаний, отсутствующих в английском языке, сконструировано в самой Японии из компонентов английского происхождения, при этом эти слова отсутствуют в английском языке: *noo-airon* ‘нет’ + ‘утюг’ = ‘изделие, которое нельзя гладить’, *noo-mai-kaa-dee* ‘нет’ + ‘мой’ + ‘автомобиль’ + ‘день’ = ‘день, когда не рекомендуется пользоваться личными автомобилями’.

Отмечу одну парадоксальную, на первый взгляд, ситуацию. Столь значительное число заимствований из английского языка, по крайней мере, до недавнего времени вовсе не означало, что японцы, даже хорошо знающие гайрайго, свободно владеют английским языком. Так было даже в 1990-е годы. Во время одного из международных исследований сравнивался уровень владения английским языком в 152 странах, и Япония оказалась на четвертом месте от конца, ниже Ирана, Индонезии и Эфиопии [Honna, 1995a: 58; Loveday, 1996: 99]. По данным Н. Готлиб, сходные результаты были получены и в 1998 г., когда Япония оказалась на 180 месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии, и в 2001–2002 гг. [Gotlieb, 2005: 32, 70]. Впрочем, в последние годы в Японии преподавание английского языка на всех уровнях значительно увеличилось.

Итак, в японском языке, с одной стороны, гайрайго постоянно конкурируют с лексическими единицами иного происхождения; победа чаще остается за гайрайго. С другой стороны, гайрайго и канго/ваго обычно занимают в языке разные «ниши», что способствует устойчивости квазисинонимов, различающихся если не денотативным, то хотя бы коннотативным значением. Эти «ниши» начали формироваться более тысячелетия назад, когда японцы подверглись значительному влиянию Китая, в том числе в языковой области. После европеизации Японии заимствования из английского языка хорошо вписались в эту систему.

Литература

Пильняк Б.А. (1935) Камни и корни. М.
Ekuni Shigeru (1993) Gairaigo ni tsuite // Gairaigo. Tokyo.
Endoo Hachiroo (Ed.) (1995) Nihonjin no eigo, gaikokujin no nihongo. Tokyo.
Gottlieb, N. (2005) Language and Society in Japan. Cambridge.
Honna, N. (1995). English in Japanese Society : Language within Society // Multilingual Japan. Clevedon : Philadelphia : Adelaide.
Iwabuchi Etsutaroo (1993) Gairaigo // Gairaigo. Tokyo.
Loveday, L.J. (1996) Language Contact in Japan : A Socio-Linguistic History. Oxford. NHK-nempoo (1984). Tokyo.
Passin, H. (1980) Japanese and the Japanese : Language and Culture Change. Tokyo.
Shibata Takeshi (1993). Gairaigo wa nihongo o midasu ka // Gairaigo. Tokyo.
Sotoyama Shigehiko (1993). Gairaigo o ukeireru shinri // Gairaigo. Tokyo.
Stanlaw, J. (2004) Japanese Language : Language and Culture Contact. Hong Kong.
Takiura Masato (2007) Koshoo no poraitonesu // Gengo. No. 12.

Reference

Ekuni Shigeru (1993) Gairaigo ni tsuite [About gairaigo] // Gairaigo. Tokyo.

Endoo Hachiro (ed.) (1995) Nihonjin no eigo, gaikokujin no nihongo [English of Japan people, Japanese of Foreigners]. Tokyo.
Gottlieb, N. (2005) Language and Society in Japan. Cambridge.
Honna, N. (1995). English in Japanese Society : Language within Society // Multilingual Japan. Clevedon : Philadelphia : Adelaide.
Iwabuchi Etsutaroo (1993) Gairaigo // Gairaigo. Tokyo .
Loveday, L.J. (1996) Language Contact in Japan : A Socio-Linguistic History. Oxford.
NHK-nempoo (1984) (Annual of NHK) Tokyo.
Passin, H. (1980) Japanese and the Japanese : Language and Culture Change. Tokyo.
Piljnjak B.A. (1935) Kamni i korni [Stones and Roots]. M.
Shibata Takeshi (1993*).* Gairaigo wa nihongo o midasu ka [Does the gairaigo spoil the Japanese language?] // Gairaigo. Tokyo.c
Sotoyama Shigehiko (1993). Gairaigo o ukeireru shinri [Soul taking gairaigo] // Gairaigo. Tokyo.
Stanlaw, J. (2004) Japanese Language : Language and Culture Contact. Hong Kong.
Takiura Masato (2007) Koshoo no poraitonesu [Difficulties because of politeness] // Gengo. No. 12.

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, доктор филологических наук, профессор, руководитель сектора Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: v-alpatov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Алпатов В.М.* Американские синонимы в японском языке [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023, № 2 (14). С. 56–63 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-56-63

For citation: *Alpatov, V.M.* American loan-words in Japan [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 56–63. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-56-63

УДК 811.512.3 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-64-78

ЗАИМСТВОВАННАЯ БУДДИЙСКАЯ ЛЕКСИКА В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Лариса Б. Будажапова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Российская Федерация
Дарима Ш. Харанутова
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
Российская Федерация

Статья посвящена процессу заимствования буддийской лексики в монгольских языках, который рассматривается в неразрывной связи с историей распространения буддизма. Проведен анализ проникновения и функционирования буддийской лексики у монголоязычных народов на фоне исторических эпох. Приведены основные экстра- и интралингвистические причины буддийских заимствований, очерчены основные пути проникновения и способы

адаптации буддийских терминов в лексикологической системе монгольских языков. В работе отмечается, что до проникновения в монгольские языки буддийские слова прошли извилистый и непростой путь. В первый период активизации заимствований буддийских терминов их путь лежал через границы нескольких языков (санскритский = тибетский → согдийский → уйгурский и только после → монгольские языки). Вторая волна активности характеризуется прямым, вследствие этого более кратким путем миграции буддийских терминов: тибетский → монгольские языки. Подчеркивается, что процесс адаптации заимствованных слов в генетически родственных языках-реципиентах характеризуется неоднородностью, это касается и лексического освоения, и фонетических изменений. Представлен анализ отдельных заимствований, демонстрирующий изменения семантики в процессе их функционирования в языке-доноре. Примеры функционирования заимствований в художественном тексте приводятся из Монгольского национального корпуса и Национального корпуса бурятского языка.

***Ключевые слова**: заимствование, буддийская лексика, монгольские языки, периоды массового заимствования, старомонгольский письменный язык, согдийский язык, уйгурский язык, тибетский язык, фонетические изменения, семантические изменения*

BORROWED BUDDHIST VOCABULARY IN MONGOLIAN LANGUAGES

Larisa B. Budazhapova
Banzarov Buryat State University, Russian Federation
Darima Sh. Kharanutova
Banzarov Buryat State University, Russian Federation

The article is devoted to the process of borrowing Buddhist vocabulary in the Mongolian languages, which is considered in inextricable connection with the history of Buddhism popularization. The analysis of the appearing and functioning of Buddhist vocabulary among the Mongolian-speaking peoples against the background of historical epochs was carried out. The main extra- and intra-linguistic reasons of Buddhist borrowings are given, the main ways of appearance and adaptation of Buddhist terms in the lexicological system of the Mongolian languages are outlined. It is noted that before the appearance in the Mongolian languages, Buddhist words had a tortuous and difficult way. In the first activation period of borrowings of Buddhist terms, their way lay across the borders of several languages (Sanskrit = Tibetan → Sogdian → Uighur and only after that → Mongolian languages). The second activity wave is characterized by a direct, and therefore more concise, way of migration of Buddhist terms: Tibetan → Mongolian languages. It is emphasized that the process of adaptation of borrowed words in genetically related recipient languages is characterized by heterogeneity, this applies to both lexical development and phonetic changes. The analysis of individual borrowings is presented, demonstrating changes in semantics in the process of their functioning in the donor language. Examples of the functioning of borrowings in a literary text are given from the Mongolian National Corpus, the National Corpus of the Buryat language.

***Keywords:** verbal associations, words-associates, the word's systemic meaning, subjective psychological vocabulary, words-stimuli, visual-effective type of thinking*

1. Введение

В развитии и обогащении лексического состава монгольских языков большую роль играет заимствование слов. Особый пласт заимствований составляет буддийская лексика,

история проникновения и функционирования которой неразрывно связана с историей распространения буддизма.

Современные монгольские исследователи придерживаются периодизации истории буддизма в Монголии согласно Зава Дамдину[18]: первый (ранний) – от эпохи хунну до Чингис-хана, второй (средний) – от Чингис-хана и Юань (в форме тибетской школы Сакья), третий – с XVI в. (в форме школы Гэлуг). В средний период, во времена Чингис-хана, буддизм проникал в Монголию благодаря тибетским ламам, но не имел там успеха до воцарения Хубилай-хана. Как подчеркивает Ц.П. Ванчикова, такая периодизация поддерживается археологическими данными [Ванчикова, 2019:13]. Развитие буддизма в Бурятии шло «под влиянием монгольских буддистов, а также благодаря политике царского правительства сформировалась бурятская сангха. У калмыков ситуация была несколько иной: в частности, там были непосредственные прямые контакты с Тибетом» [Сабиров, 2017: 10][19].

Заимствования проникали устным и письменным путем. Что касается письменных заимствований буддийской лексики, то, по мнению Г.Д. Санжеева, первые заимствования связаны с развитием старописьменного монгольского языка, а точнее, со вторым периодом его исторического развития (первый заканчивается к концу XIII в, второй – к началу XIV и к концу XVI в., третий – начинается на рубеже XVI и XVII вв.) [Санжеев, 1953; Владимирцов, 1989 и др.].

Второй период характеризуется активным притоком заимствованной буддийской лексики через уйгурский язык, так как старописьменный монгольский язык в это время используется «для перевода буддийских сочинений под руководством тибетских и уйгурских ученых монахов» [Владимирцов, 1989: 21]. Как считает Б.Я. Владимирцов, благодаря буддийским переводам XIV в. в монгольский язык попадает при посредстве уйгурского довольно значительное количество слов из культурных языков Средней Азии: из согдийского, хотанского, кучарско-карашарского и персидского, более того, по его мнению, старописьменный монгольский язык становится «языком буддийской литературы» [Там же: 22].

Третий, и очень важный, период исторического развития старописьменного монгольского языка связан с активным распространением буддизма в Монголии и датируется примерно концом XVI столетия. Из иноязычных заимствований особую роль стали играть тибетские слова [Санжеев, 1960: 15].

Соответственно, можно выделить условные периоды массового проникновения и распространения буддийской лексики в монгольские языки: первый период датируется

[18] Шагдарын Зава Дамдин – монгольский ученый лама, автор работы «Золотая книга (Алтан дэбтэр)», одного из наиболее ценных источников по истории буддизма в Монголии.
[19] Также см.: [Китинов, 2004].

(приблизительно) рубежом XIII и XIV вв. до конца XVI в., второй период датируется (приблизительно) XVI в. до начала XX в.

В силу исторических причин с середины 20-х годов XX века в Монголии и России сложилась непростая ситуация, связанная с «борьбой советской власти против буддизма и за замещение буддийского религиозного мировоззрения и традиций советской атеистической идеологией и новой нравственностью» [Амоголонова, 2017: 299], начались репрессии против буддийских лам, дацаны и монастыри были уничтожены. В этот непростой период буддийские термины использовались только в контексте с негативным содержанием в сатирических заметках и рассказах, в газетных фельетонах. С 1940-х годов ситуация начала изменяться, во время Великой Отечественной войны в Монголии начал действовать монастырь Гандантегченлин (1944), в Бурятии открылся Иволгинский дацан (1946).

Нам представляется, что необходимо выделить и третий период (современный) – с конца XX столетия (приблизительно) и по настоящее время.

Нелегким и непростым был путь вхождения буддизма на территорию монгольских народов, как не был легким и путь буддийской лексики – языка Веры.

Рассмотрим три периода массового заимствования буддийской лексики на примере двух буддийских терминов санскритского происхождения: *chintamani, радна*.

Первый период буддийских заимствований
(конец XIII в. и начало XIV в. – до конца XVI в.)

Безусловно, первый период заимствования буддийской лексики характеризуется посреднической ролью согдийского, уйгурского языков.

Уйгурский язык, письменность которого была заимствована монголами в XIII в. (период правления Хубилай-хана, внука Чингис-хана)[20], по праву считается одним из первых проводников буддийской лексики из санскритского и тибетского языков. На самом деле заимствование уйгурской письменности не было связано с буддизмом, но именно благодаря ей монголы получили доступ к высокоразвитой уйгурской культуре, в том числе к уже существующим переводам буддийской литературы на уйгурский язык.

Как отмечает Б.Я. Владимирцов, через посредство уйгурского языка монголами была воспринята вся ранняя буддийская терминология, например в тот период были заимствованы такие буддийские термины санскритского происхождения, как *шастар* (санскр. *casta* ‘ученое сочинение’), *шажин (*санскр. *casna* ‘религия’), *судар (*санскр. *сутра*‘книга, религиозная книга’),

[20] Уйгурский алфавит через согдийский восходит к арамейскому [Санжеев, 1953: 15].

галба (санскр. *kalpa* ‘период времени, период существования вселенной’); *шид* (санскр. *siddha* ‘способность, дарование, волшебство, чары’) и т.д.

В этот же период уйгурский язык выступал не только языком-посредником, но и языком-донором для некоторых буддийских терминов монгольских языков, например: уйг. *кивгак* ‘священник, духовное лицо’ → халх. *хуварак* = бур. *хуварак,* = калм. *хуврак*; уйг. *tngri* ‘небо’ → халх. *тэнгри* = бур. *тэнгэри*; уйг. *burkan* ‘Будда, бог’ → халх. *Бурха* = бур. *бурхан* = калм. *бурхн*; уйг. *byjan* ‘благодеяние’ = халх. *буян*, бур. *буян* = калм. *буян* [Владимирцов, 2005: 41].

Безусловно, буддийские термины, пересекая границы разных языков, приспосабливались к новым условиям, при контактировании с другими языками подвергались и семантическим, и фонетическим трансформациям; некоторые, несмотря на различные траектории (санскритский → согдийский → уйгурский → монгольские языки), сохранили свою исходную форму.

Неудивительно, что большая часть слов во время путешествия подвергалась изменениям, так как любой язык пытается адаптировать попавшие в него иностранные элементы. Так и уйгурский язык приспосабливал заимствованные слова из санскрита. В монгольские языки они попадали уже в фонетически измененном виде, иногда и в семантически измененном.

Например, санскритский буддийский термин *chintamani* ‘драгоценный камень, удовлетворяющий все желания’ [Сүхбаатор, 1999: 246] прошел сложный путь: санскр. chintamani → согд. *cynt”many *cindamani* → уйг. *cintamani* → стп. м. cindamani ‘зурхэн эрдэнэ’, халх. *чандмань* = бур. *зэндэмэни.*

Как видим, старописьменный монгольский язык зафиксировал это слово в исходной форме: стп. м. *cindamani,* при этом заимствованный буддийский термин *chintamani* (санскр.) в монгольских языках и семантически, и фонетически повел себя по-разному: в монгольском языке – *чандмань*, в бурятском – *зэндэмэни*.

Итак, рассмотрим словарные статьи заимствованного буддийского слова *чандмань* в толковых словарях монгольского языка.

На основе словаря Сухэбаатора [Сүхбаатор, 1999: 246] Большой толковый словарь монгольского языка дает толкования многозначного слова *чандмань* (словарную статью приводим полностью): *1. Улгэр домогт гардаг гадаад далайгаас залж авчирсан, гайхамшигт ид шидтэй, хүн бүхний хүслийг хангагч чухаг эрдэнэ. 2. Монгол улсын төрийн сүлдний магнайн хэсэгт байдаг эрт, эдүгээ, ирээдүйн гурван цагийн бэлгэдэл. 3. Сүм хийд, суваргын орой дээр байдаг өлзий мөрийг бэлгэдсэн гурван дусал бүхий тэмдэг. 4. Чандмань хэлбэртэй тамга тэмдэг: чандмань тамга (а. Чандмань хэлбэрээр буюу гурван дусал гарган урласан малын тамга. 5.[шилжсэн] Үнэт баялаг: мал манай орны чандмань эрдэнэ мөн (мал бол манай орны үнэт баялаг гэсэн санаа)* [БТСМЯ]. Перевод: 1. Драгоценное сокровище, привезенное из мифического чужеземного моря,

обладающее чудесной магией и удовлетворяющее желания каждого. 2. Символ трех часов прошлого, настоящего и будущего в надбровной части герба Монголии; 3. Знак с тремя каплями, символизирующий благоприятный след, обнаруженный на вершинах храмов и ступ. 4. Штамп в форме чандмана: штамп чандмана (а. Печать животного, выполненная в виде люстры или трех капель. 5. [*перен.*] Драгоценные ресурсы: домашний скот – это сокровище нашей страны (идея о том, что домашний скот – это драгоценный ресурс нашей страны) [Там же].

Приведенные примеры в полной степени демонстрируют широкий диапазон значений общеупотребительного слова *чандмань*, буддийского термина, заимствованного в первый период активного проникновения иноязычных слов, подвергшегося деэтимологизации и превратившегося в полисемант. Многозначность заимствования базируется на основном значении ‘драгоценный камень’ и получает в принявшем это слово монгольском языке переносные значения ‘символ герба, религиозный знак, штамп и драгоценный талисман; драгоценность’.

Данная заимствованная лексема получила широкое применение в разных сферах устной и письменной речи монгольского языка и относится к одному из самых активно употребляющихся буддийских терминов и общеупотребительных слов, что подтверждается и языковым материалом из Монгольского национального корпуса.

Проиллюстрируем на примерах: *Говьд ус гэдэг* ***чандмань*** *эрдэнэ гэжэ Чулуун бас тайлбарлав* / Чулун объяснил, что вода в Гоби – драгоценное сокровище. *Урсгал усгүй энэ нутагт ус гэдэг* ***чандмань*** *эрдэнээс ч үнэтэй. Энэ булаг горхи ширгэж орхивол бид яах болж байна? Хатаж үхэх хэрэг үү? /* В этой безводной земле вода дороже любого твердого сокровища. Что будет с нами, если этот источник пересохнет? *Хүүхдийн үнэр анхилсан тэр туг ус эрдэнэ чандмань шиг нандин болно гэж хэн санах билээ дээ /* Кто бы мог подумать, что флаг, пахнущий ребенком, будет таким же драгоценным, как сокровище. *1937 оны 7 дугаар сарын нэгэнд Говь-Алтай аймгийн Чандмань сумын нутагт Эмээлцэгийн аманд төрсөн* / Родился 1 июля 1937 года в устье реки Эмээлцэг в местности Чандмань сумэ Гоби-Алтайского района.

Последний пример указывает на дальнейшее развитие семантики заимствованного слова: оно превращается в имя собственное – название местности.

Что касается буддийского слова *зэндэмэни,* то в бурятском языке оно чаще функционирует как религиозный термин. Если говорить о его деэтимологизации, то в общеупотребительном бурятском языке данная лексема используется в составе сложного слова *эрдэни зэндэмэни* ‘парн. драгоценности, драгоценность’ [БРС, 2008: 670]. Примечательно, что *зэндэмэни* ведет себя как слово высокого стиля, которое употребляется в языке художественной

литературы в значении ‘бесценное сокровище, волшебная драгоценность’ и используется с некой возвышенной, даже торжественно-поэтической эмоциональной окраской. Проиллюстрируем данную особенность заимствованного слова примерами из бурятского корпуса:

Бага тэды һуралсабашье,

Сэнгүй зэндэмэни мүн.

Если даже ты немногому научишься,

И то это будет бесценный камень – зэндэмэни (Галшиев, 1993) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

Энхэ тайбан байдалнай

Эрдэни зэндэмэни!

Наша мирная жизнь – драгоценность!

(Намсараев, 2008) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

Эжын сэсэн үгэ, зэндэмэни заабари, заяата захяа!

Пожелание мамы – драгоценность! (Намсараев, Намсараев,1988) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

Смеем предположить, что заимствование санскр. cintamani в монгольские языки произошло в разные периоды. В монгольский язык оно заимствовалось в первый период массового проникновения буддийских лексем через уйгурский язык, а в бурятский язык оно пришло во второй период активного заимствования, т.е. через тибетский язык.

Второй период заимствований буддийской лексики (XVI в. – начало XX в.)

Второй период заимствований буддийской лексики приходится на установление тесных связей с тибетским миром, характеризуется прямыми заимствованиями из тибетского языка: 1) тибетский → монгольский, тибетский → бурятский; 2) вторая параллельная линия: тибетский → калмыцкий.

Распространение буддизма среди монгольских народов сопровождалось развитием книгопечатания, монгольские ученые ламы писали свои сочинения на тибетском языке, монгольские монахи учились в стенах тибетских монастырей, монгольские верующие посещали тибетские священные места. Немаловажное значение для развития монгольских языков имела и переводческая деятельность. Следует отметить, что в этот период огромное количество тибетских книг было переведено на монгольский язык. Так, на рубеже XVI–XVII вв. был организован обширный перевод на монгольский язык Ганджура – собрания буддийских канонических книг в 108 томах; затем, в начале 40-х годов XVIII в., переведен Данджур.

Для перевода Данджура, состоящего из 225 томов, издается терминологический словарь «Мэргэд гараху-ин орун» ‘Источник мудрецов’ (1741–1742), в котором большую часть составляет заимствованная лексика.

Необходимо отметить, что во втором периоде наблюдается самый интенсивный приток устных заимствований (XIX в. и начало XX в.) [Жамбал-Сурэн, 1961: 6].

Время проникновения устных заимствований пришлось на расцвет буддизма в Монголии, когда он занимал устойчивые и стабильные позиции в экономике, культуре, политике республики. Безусловно, это способствовало тому, что в 1911 г. Монголия добилась независимости от Цинской империи и стала самостоятельным государством.

В устном проникновении тибетских слов в монгольские языки большую роль играли ламы, степные паломники, тибетские ламы, купцы. Огромную роль в заимствовании сыграли буддийские монастыри[21] со своими типографиями, в которых печатались различные буддийские сочинения, дидактическая литература с комментариями, сборники наставлений бурятских авторов и т.д. Заимствовались, в основном, названия монастырских должностей, ученых званий у лам, религиозных обрядов и культовых предметов, несомненно, они проникли устным путем. Наглядным примером этих заимствований являются названия буддийских монастырей, основанных в Монголии, а также в буддийских регионах России [Будажапова, 2012: 24].

Все это способствовало проникновению буддийских заимствований в монгольские языки.

По мнению Н. Жамбал-Сурэна, при переводе буддийских текстов монгольские переводчики избегали тибетских буддийских терминов. Вместо них использовали санскритские и уйгурские термины. По-видимому, считалось, что первоисточниками для всех буддийских терминов являются санскритские термины и буддийские тексты должны быть в оригинале.

В это время наряду с тибетскими заимствованиями второе дыхание получали и заимствования первого периода, санскритско-согдийско-уйгурского происхождения. Например, согд. *šmn’nch* * *šimnȧnca* → mo.b. *šimnȧnča* ‘1) монахиня; 2) женщина, принявшая обет безбрачия; старая остриженная женщина, посвятившая себя богу’ → халх. *чавганц* [Сүхбаатар, 1999: 171]. Бурятским языком оно заимствовалось в этих же значениях: *шабганса* 1. будд. пожилая женщина, принявшая некоторые из обетов; 2. **мухар толгойтой шабганса** старая остриженная женщина, посвятившая себя богу [БРС, 2008: 597]. В современном бурятском языке буддийский термин согд. *šmn’ nch * šimnȧnca* после проникновения деэтимологизировался и активно функционирует в значении ‘старуха, старушка’: *Хоршогор жаахан **шабганса** ябаган пеэшэнэйнгээ дэргэдэ забарууха шабхадажа, аман соогоо*

[21] К началу XX в. в Бурятии действовало 46 монастырей и насчитывалось 10 тысяч лам.

маани гүбэрнэ. Перевод: Старушка готовила на печке мучную кашу, читая буддийскую молитву (Шулуун хадын хойморто. С. Цырендоржиев, 1985) [Бурятский корпус, электронный ресурс].

И таких примеров много, когда буддийские термины, пройдя непростой путь через языки-посредники, получали второе дыхание во второй период: уйг. *suvarga* → mo.b. *suburq-a* 1) ступа (священное сооружение ступа, чайтья, в которое закладывают священные книги, благовонные травы и т.д.); 2) пирамида → халх. *суварга(н)* = бур. *субарган* (значение исходное).

Приведенные выше примеры показывают, что буддийские заимствования сохраняются и семантически, и фонетически, несмотря на миграционные зигзаги, на долгие годы забвения. Безусловно, что в сохранении фонетического и семантического облика большую роль сыграло то, что бóльшая часть заимствований шла письменным путем, через старописьменный монгольский язык. Считаем, что буддийские заимствования в генетически родственных монгольских языках сохранились благодаря старописьменному монгольскому языку.

Понятно, что не всем буддийским терминам «повезло» с сохранением внешнего фонетического облика, например санскр. *ratna* во время миграционного путешествия меняет свой фонетический облик, превращается в *эрдэни*. Такое превращение произошло благодаря уйгурскому язык: уйг. erdeni, затем в старописьменном монгольском *erdeni/erdini* [Сүхбаатар, 1999: 267]. В этом варианте данное слово входит во все монгольские языки, при этом семантика остается неизменной: в монгольском языке *эрдэни* ‘драгоценный камень, сокровище, драгоценность’ [БАМРС, 2002: 426], в калмыцком – *эрдни* ‘драгоценность, сокровище’ [КРС, 1977: 321], в бурятском – *эрдэни* ‘драгоценный камень, драгоценность, сокровище, клад’ [БРС, 2008: 670].

Словарная статья монгольского буддийского термина *эрдэнэ* показывает, что семантически лексема не претерпевает больших изменений: Эрдэнэ маш ховор, их үнэ бүхий юмс, эрдэнэс: гурван эрдэнэ [шашин] (бурхны шашны ёсонд бурхан багшийн тус бие нь Бурхан эрдэнэ, Бурхны номлосон ном нь Ном эрдэнэ, Бурхны шавь нар нь Хувраг эрдэнэ болой. Бурхан, ном, хувраг гурав нь хүн амьтныг нүгэл хилэнцийг тэвчиж сайн мөрт удирдан оруулах ба зовлонгоос салгаж Сухаавадийн оронд хүргэх тул юунаас эрхэм дээд чухаг «Гурван эрдэнэ» гэж алдаршжээ). Перевод: Очень редкие и чрезвычайно ценные предметы и сокровища: [рел.] три сокровища (в буддизме тело Будды – это сокровище Будды, проповедь Будды – это сокровище дхармы, а ученики Будды – это сокровище общины монахов. Будду, дхарму и общину монахов называют «тремя сокровищами», потому что они ведут человека к совершенству, преодолевают страдания и приводят его в Страну Сукхавади) [БТСМЯ].

Да и функционирует буддийский термин *эрдэнэ* в монгольском языке в том же значении: *Гээд атгахад айлтай /сүрхий/ хүйтэн,бараг мөс гэмээр чихэндээ барьж чагнаваас салхи татуулан сэнгэнэсэн эрдэнэ өгөөд,түүнийг яаж хэрэглэхий нь зааж өгчээ.* Перевод: После того,

как ему подарили драгоценный камень, который был холодным, почти ледяным, он подносил его к уху, слушал, затем его научили, как им пользоваться.

Аливаа уран зохиолд үеийн үед улиран хадгалагдах нандин эрдэнэ гэж бас байдаг. Перевод: В любой литературе есть драгоценное сокровище, которое передается из поколения в поколение.

Третий период заимствований буддийской лексики (конец XX – начало XXI в.)

Третий период, безусловно, связан с возросшим интересом к духовным ценностям, буддизму. Буддийская терминология вновь активно востребована у монголоязычных народов [Сабиров, 2017]. Наблюдается возрождение забытых буддийских терминов, развитие буддизма и буддийских идей вдохнуло новую жизнь забытым религиозным терминам. Бурятский язык интенсивно пополняется деэтимологизированными буддийскими терминами. Необходимо уточнить, что этот период характеризуется не новыми заимствованиями, а возрождением старых заимствований.

Монгольские языки, в частности бурятский язык, пополнились деэтимологизированными буддийскими терминами, которые пришли через уйгурский и согдийские языки. Кстати, в монгольские языки попали слова иранского, арабского и греческого происхождения, которые использовались при наименовании буддийской атрибутики.

Интересен путь, который преодолели некоторые грецизмы, заимствованные в монгольские языки через уйгурский и согдийский языки. Например, греческая лексема *nomos* заимствована согдийским языком как *nom* (*nwm* согд.) ‘религиозное учение, книга’ [ДТС, 1969: 26а]. В этом же значении она заимствуется старописьменным монгольским языком как *nom* «религиозное учение, закон» [Сүхбаатар, 1999: 171]. Но, попадая в монгольские языки, данная лексема функционирует в двух ипостасях: и как религиозный термин *ном* «“религиозное учение, закон”, и как общелитературное слово *ном* *“*книга”*»* [Будажапова, Харанутова, 2020: 56].

Безусловно, монгольские языки испытали на себе мощное влияние буддийской лексики. Как видим, иноязычная лексема, попадая в монгольские языки, продолжает функционировать в религиозной сфере, а входя в общеупотребительный язык, как правило, приобретает новые значения.

Процесс заимствования не является только показателем актуальности межкультурного взаимодействия и межкультурных контактов. Думается, что заимствования – это не только передача новых лексем и элементов одного языка другому языку, но и, безусловно, процесс органического освоения новых слов и элементов системой языка-реципиента, их

приспособления к нуждам принимающего языка, их преобразования, формального и семантического, в соответствии с условиями системы языка, в нашем случае – монгольских языков.

Видимо, по этой причине даже генетически родственные языки, такие как монгольский, калмыцкий и бурятский, имеющие в основе единый старописьменный язык, иногда для обозначения какого-нибудь одного объекта заимствуют разные лексемы. Проиллюстрируем данный факт на примере названий монастырей, храмов.

В монгольском языке храмовый комплекс обозначается лексемой *хийд* (буддийский термин санскритского происхождения *kitn*, ср. х.-монг. *хийд*, лит.-бур. *хиид*, стмп. яз. *keyed*). *Хийд* 1) монастырь; скит; кумирня, обитель; *сүм хийд* парн. храмы, кумирни; монастырь; церковь; *хүрээ хийд* парн. монастыри <…> [БАРМС, 2002: 80].

Примеры из Монгольского национального корпуса: *Гандан тэгчилэн хийд дэндүү эль хуль мэт санагдана*. Перевод: Монастырь Гандантегчилен кажется слишком далеким. *Бид хоёр багадаа хүрээн дээр ах ламын хоол хүргэж өгөөд буцаж явлаа.* Перевод: Будучи молодыми, мы доставляли еду монаху и возвращались [МНК].

В калмыцком же языке весь храмовый комплекс обозначается лексемой *хурл* 1) монастырь; *хурлд бәрх* «приносить что-либо в дар монастырю, делать подношения монастырю»; 2) молебен, ламское богослужение [КРС, 1977: 39]. В калмыцком языке помимо лексемы *хурл* ‘монастырь’ существуют другие лексемы, такие как *сүм* ‘храм’ и *киид* ‘ламаистский храм’ [Пюрбеев, 1996: 155].

Заметим, что заимствованная лексема *хурл* в монгольском языке имеет другое значение: *хурл* ‘религиозное собрание, богослужение; молебствие 1. [шашин] *Шашны лам нар олнооров другиецуглаж, шашны янз бүрийн зан үйл гүйцэтгэх цуглаан: хурал хурах...;* 2. [шилжсэн] *Лам нар цуглаж шашны хаа зан үйлийг гүйцэтгэх багахан газар: хийд, жас: хуралдочих (хийдэдочих)*’ [https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/115801] ‘1. [рел.] проведение религиозного собрания с большим количеством лам: *хурал хурах* – проводить хурал, читать молитвы; 2. [*перен*.] место сбора лам, где проводят религиозные обряды: *хийд, жас*: идти на хурал (идти в хийд)’ [БТСМЯ, электронный ресурс].

В бурятском языке весь храмовый комплекс обозначают словом *дасан*, халх. *дацан*, стп.-м. *dačang* – *gracang*, заимствованным из тибетского языка *гра-сан*, имеющего значение: 1) местопребывание монахов, монастырь; 2) монастырская школа. В бурятском языке это слово приобрело более широкое значение и употребление, чем в монгольском языке.

Можно привести огромное количество лексических заимствований из буддийской терминологии, которые ворвались в повседневную жизнь носителей монгольских языков.

В современном обществе, в связи с возросшим интересом к духовным ценностям, буддийская лексика вновь востребована.

Заключение

Процесс проникновения буддийских терминов неотделим от процесса распространения буддизма. Заимствования проникали устным и письменным путем, наибольшая активность проникновения буддийских терминов наблюдается в период активного распространения буддизма. Безусловно, приток буддийских заимствований напрямую связан с развитием старописьменного монгольского языка, который использовался для перевода буддийских сочинений. Опираясь на периодизацию развития старописьменного монгольского языка Г.Д. Санжеева и на периоды активного распространения буддизма, можно условно выделить периоды наибольшей активности заимствований буддийской лексики. Первый период заимствований буддийской лексики датируется (приблизительно) рубежом XIII–XIV вв. до конца XVI в. и характеризуется посреднической ролью, в первую очередь уйгурского языка. Второй период приходится на XVI в. и длится до начала XX в. Второй период – тибетский, когда заимствования приходили в монгольские языки напрямую из тибетского языка без языков-посредников. Существует необходимость выделения и третьего периода (конец XX в. и до нашего времени), который связан с возрождением буддизма у монгольских народов. Этот период характеризуется не только возрождением буддийских институтов, традиций, но и интенсивным распространением заимствованных буддийских терминов первого и второго периодов, которые испытывают второе рождение, второе дыхание.

Сложны и извилисты пути проникновения буддийских терминов в лексикологическую систему монгольских языков. В первый условный период буддийские термины проходили границы нескольких языков (санскритский = тибетский → согдийский → уйгурский) и только после → монгольские языки). Второй период активности характеризуется прямым заимствованием буддийских терминов: тибетский → монгольские языки. Процесс адаптации заимствованных слов в генетически родственных языках (монгольском, калмыцком, бурятском) характеризуется не очень большими различиями (это касается и лексического освоения, и фонетических изменений), причина, по-видимому, кроется в наличии очень мощного связующего звена – старописьменного монгольского языка. Представленный анализ отдельных заимствований демонстрирует эту важную особенность буддийских мигрантов; семантические и фонетические изменения, большей частью, происходят в языках-посредниках, то есть до попадания в старописьменный монгольский язык.

Безусловно, многое зависит и от самого заимствующего языка. Ведь сам процесс

заимствования связан не только с освоением новых лексем и иноязычных элементов, но и с нуждами принимающего языка, в нашем случае – монгольских языков, то есть при заимствовании всегда учитывается роль языка-реципиента. В соответствии с условиями системы языка и происходит выбор заимствованных слов, их фонетическое и семантическое преобразование, даже если эти языки и генетически родственные.

Итак, заимствованная буддийская лексика, испытавшая разные периоды становления, развития, упадка, расцвета, представляет собой стройную терминологическую систему во всех монгольских языках.

Литература

Амоголонова Д.Д. (2017) Буддизм и власть в Бурятии в раннесоветский период: Мир Центральной Азии: Сборник научных статей. Ч. 4 / Науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск: Оттиск. С. 299–344.

Будажапова Л.Б. (2012) Буддийские термины в современном бурятском языке / Отв. ред. Э.Р. Раднаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та. 104 с.

Будажапова Л. Б., Харанутова Д. Ш. (2020) Детерминологизация в бурятском языке: (На материале заимствованных буддийских терминов) // Вестник Калмыцкого университета. № 4 (48). С. 54–59.

Ванчикова Ц.П. (2019) Буддизм в Монголии: История, духовенство, монастыри. Иркутск: Оттиск. 292 с.

Владимирцов Б.Я. (1989) Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. М.: Наука. 449 с.

Владимирцов Б.Я. (2005) Работы по монгольскому языкознанию. Сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература. 951с.

Намхайн Ж-С. (1961) Тибетские слова в монгольском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т народов Азии АН СССР. М.. 19 с.

Жамбал-Сурэн Н. (1961) Тибетские слова в монгольском языке. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. М. 19 с.

Жуковская Н.Л. (1994) Буддизм в истории монголов и бурят: Политический и культурный аспекты // Буддийский мир. М.: Раритет. 208 с.

Китинов Б.У. (2004) Священный Тибет и воинственная степь: Буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Товарищество научных изданий КМК. 190 с.

Позднеев А.М. (1993) Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во. 492 с.

Пюрбеев Г.Ц. (1996) Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во.176 с.

*Сабиров Р.Т. (*2017) Тибетский буддизм в России и Монголии в начале XXI века // Вестник КИГИ РАН. Вып. 3. Элиста. С. 8–26.

Санжеев Г.Д. (1953) Сравнительная грамматика монгольских языков. Москва: Изд-во Акад. наук СССР. Т. I. 240 с.

Санжеев Г.Д. (1960). Современный монгольский язык. Москва: Издательство восточной литературы. 102 с.

Источники

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. (2001) В 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Пюрбеева [и др.]. Т. III. Ө–Ф. М.: Academia. 440 с.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. (2002) В 4 т. / Под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамбы, Г. Пюрбеева [и др.]. Т. IV. Х–Я. М.: Academia, 532 с.

БТСМЯ – Большой толковый словарь монгольского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/127205. Дата обращения: 21.06. 2023.

БРС – Бурятско-русский словарь.(2006) В 2 т. / Под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.». 636 с.

БРС – Бурятско-русский словарь. (2008) В 2 т. / Под ред. Л.Д. Шагдарова, К.М. Черемисова. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Респ. тип.». 708 с.

Бурятский корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://buryat.web-corpora.net//buryat_corpus/search/?interface_language=ru. Дата обращения: 07.06.2023.

ДТС – Древнетюркский словарь (1969) / Под ред. В.М. Наделяева и др.; Ин-т языкознания АН СССР. Л.: Наука. 676 с.

Ковалевский О.М. (1849) Монгольско-русско-французский словарь. Т.1–3. Казань.

КРС – Калмыцко-русский словарь (1977) / Под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык.

МНК — Монгольский национальный корпус [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru. Дата обращения: 14.06. 2023.

References

Amogolonova, D.D. (2017) Buddizmi vlast' v Burjatii v rannesovetskij period [Buddhism and Power in Buryatia in the early Soviet period] : Mir Tsentralnoy Azii Sbornik nauchnikh statey / Ed. by B.V. Bazarov. P. 4. Irkutsk: Ottisk. Pp. 299–344.

Budazhapova, L.B. (2012) Buddijskie terminy v sovremennom buryatskom yazyke [Buddhist terms in modern Buryat language] / Ed. by E.R. Radnaev. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat State University. 104 p.

Budazhapova, L.B., Haranutova, D.Sh. (2020) Determinologizaciya v buryatskom yazyke : (Na materiale zaimstvovannyh buddijskih terminov) [Determinologization in the Buryat language : (On the basis of borrowed Buddhist terms)], 2020. Vestnik Kalmyckogo universiteta. № 4 (48). Pp. 54–59.

Vanchikova, C.P. (2019) Buddizm v Mongolii: Istoriya, duhovenstvo, monastyri [Buddhism in Mongolia : History, clergy, monasteries]. Irkutsk: Otprint. 292 p.

Vladimirtsov, B.Ya. (1989) Sravnitel'naya grammatika mongol'skogo pis'mennogo yazyka i halhaskogo narechiya. Vvedenie i fonetika [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect. Introduction and phonetics]. Moscow. 449 p.

Vladimirtsov, B.Ya. (2005) Raboty po mongol'skomu yazykoznaniyu [Works on Mongolian linguistics]. Ed. by G.I. Slesarchuk. Moscow. 951 p.

Namhajn, Zh-S. (1961) Tibetskieslova v mongol'skomjazyke [Tibetan words in the Mongolian language] : Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / In-t narodov Azii AN SSSR. M. 19 p.

Zhambal-Suren, N. Tibetskie slova v mongol'skom yazyke: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoj stepeni kand. filologicheskih nauk [Tibetan words in the Mongolian language: Abstract of thesis. for the academic degree of Candidate of Philological Sciences] / Institute of Asian Peoples of the USSR Academy of Sciences. Moscow: [b. i.], 1961. 19 p.

Zhukovskaya, N.L. (1994) Buddizm v istorii mongolov iburjat : Politicheskiji kul'turnyj aspekty. [Buddhism in the History of the Mongols and Buryats : Political and cultural aspects] // Buddijskij mir. M.: Raritet. 208 p.

Kitinov, B.U. (2004) Svyashennii Tibet i voinstvennaya step : Biddizm u oiratov (XIII–XVII вв.) [Sacred Tibet and the warlike Steppe : Buddhism among the Oirats (XIII–XVII centuries)]. M.: Association of Scientific Publications of the KMK. 190 p.

Pozdneev, A.M. (1993) Ocherki byta buddijskih monastyrej i buddijskogo duhovenstva v Mongolii v svjazi s otnoshenijami sego poslednego k narodu [Essays on the life of Buddhist monasteries

and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the relations of this latter to the people]. Elista: Kalmyckoe knizhnoe izd-vo. 492 p.

Pyurbeev, G.C. (1996) Tolkovyj slovar' tradicionnogo byta kalmykov [Explanatory dictionary of the traditional life of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk book publishing house.176p.

Sabirov, R.T. (2017) Tibetskii biddizm v Rossii i Mongolii v nachale XXI veka [Tibetan Buddhism in Russia and Mongolia at the beginning of the XXI century] // Vestnik KIGI RAS. Elista. V. 3. Pp. 8–26

Sanzheev, G.D. (1953) Sravnitel'naya grammatika mongol'skih yazykov [Comparative grammar of the Mongolian languages]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. 240 p.

Sanzheev, G.D. (1960). Sovremennyj mongol'skij yazyk [Modern Mongolian language] Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 102 p .

Sources

LAMRD – Bolshoi akademicheski mongolsko-russkii slovar (2001) [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] In 4 Vol. / Ed. by A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamba, G. Purbeev [et al.]. Vol. III. Ө–Ф. M.: Academia. P. 440.

LAMRD – Bolshoi akademicheskimongolsko-russkiislovar (2002) [Large Academic Mongolian-Russian Dictionary] In 4 Vol. / Ed. by A. Luvsandendev, Ts. Tsedendamba, G. Purbeev [et al.]. Vol. IV. Х–Я. M.: Academia. P. 532.

BTSMYA – Bol'shoj tolkovyj slovar' mongol'skogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://mongoltoli.mn/dictionary/detail/127205 (Data obrashcheniya: 21.06. 2023).

BRD – Buratsko-russkij slovar (2006) [Buryat-Russian dictionary] In 2 Vol. / Ed. by L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov.Vol. 1. A–H, 2006. Ulan-Ude: Publishing house of JSC "Rep. type.". P. 636.

BRD – Buratsko-russkij slovar (2008) [Buryat-Russian dictionary] In 2 Vol. / Ed. by L.D. Shagdarov, K.M. Cheremisov. Vol. 2. O–Я. Ulan-Ude: Publishing house of JSC "Rep. type". 708 p.

Buryat Corpus [Electronic resource]. Available at: http://buryat.web-corpora.net//buryat_corpus/search/?interface_language=ru. Access date: 07.06 2023.

Drevnetjurkskij slovar' (1969) [Ancient Turkic dictionary] / Pod red. V.M. Nadeljaeva i dr. In-t jazykoznanija AN SSSR. L.: Nauka. P. 676.

KRD – Kalmycko-russkij slovar' (1977) [Kalmyk-Russian dictionary] / Pod red. B.D. Munieva. M.: Russkij jazyk.

Kovalevskij, O.M. (1849) Mongol'sko-russko-francuzskijslovar' [Mongolian-Russian-French dictionary]. Vol. 1–3. Kazan'.

MNK – Mongol'skij nacional'nyj korpus [Elektronnyj resurs]. Available at: http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru. Access date: 14.06.2023.

Jetimologicheskij slovar' mongol'skihj azykov (2015) V 3 t. [Etymological Dictionary of the Mongolian Languages : In 3 Vol.] / Gl. red. G.D. Sanzheev, red. L.R. Koncevich, V.I. Rassadin, Ja.D. Leman. T. I. A–E. M.: In-t vostokovedenija RAN. P. 224.

Будажапова Лариса Батуевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятского языка и методики преподавания Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Республика Бурятия
Адрес: 670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 8
E-mail: budlara@mail.ru

Харанутова Дарима Шагдуровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова, Республика Бурятия
Адрес: 670000, Россия, Республика Бурятия, г.Улан-Удэ, Ранжурова, д. 6
E-mail: dkharanutova@mail.ru

Для цитирования: *Харанутова Д.Ш., Будажапова Л.Б.* Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 64–78. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78

For citation: *Kharanutova, D.Sh., Budazhapova, L.B.* Borrowed Buddhist vocabulary in Mongolian languages [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 64–78. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-64-78

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-79-97

THE CONTESTED LEGACY OF BORROWING: ATTITUDES OF TURKISH SPEAKERS TO ARABIC AND PERSIAN LOANWORDS IN TURKISH[22]

Hasan Berkcan Simsek
HSE University, Russian Federation

This study aims to investigate Turkish speakers' attitudes to Arabic and Persian loanwords in Turkish, as opposed to their "pure" Turkish counterparts that were promoted as replacements throughout a purist language reform in the 20th century. Over the years, the percentage of Arabic and Persian loanwords has gradually decreased, but they still constitute a significant portion of the Turkish vocabulary. Under the hypothesis that deliberate uses of Arabic and Persian loanwords instead of "pure" Turkish equivalents carry distinct identity connotations, a survey-based approach was employed to investigate attitudes toward these loanwords under the current socio-political_climate, utilizing a questionnaire consisting of 20 Likert scale items. By exploring the attitudes in relation to age (18-29 / 30-45) and gender (male / female), the findings offer insights into the overall attitudes to Arabic and Persian loanwords across these variables and identify specific aspects of these loanwords that elicit particular attitudes.

***Keywords**: language attitudes, linguistic purism, loanwords, The Turkish language reform*

[22] This paper is based on a chapter from the author's unpublished master's thesis submitted to the Master's Program "Language Policy in the Context of Ethnocultural Diversity", HSE University in 2023.

СПОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАИМСТВОВАНИЙ: ОТНОШЕНИЕ ТУРЕЦКОГОВОРЯЩИХ ЛЮДЕЙ К АРАБСКИМ И ПЕРСИДСКИМ ЗАИМСТВОВАНИЯМ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Хасан Беркджан Шимшек
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация

Цель данного исследования – изучить, как турецкоговорящие люди относятся к арабским и персидским заимствованиям в турецком языке, вместо их «чистых» турецких эквивалентов, которые были предложены в качестве замены в рамках языкового пуризма в XX в. Доля арабских и персидских заимствований с годами постоянно уменьшалась, однако до сих пор значительная часть турецкого лексикона все еще состоит из них. Исходя из гипотезы, что преднамеренное использование арабских и персидских заимствований вместо «чистых» турецких слов сигнализирует о различных коннотациях идентичности, был применен подход, основанный на опросе с использованием анкеты состоящей из 20 пунктов шкалы Лайкерта. Изучение отношения к арабским и персидским заимствованиям в зависимости от возраста (18–29/30–45) и пола (мужчина/женщина) позволило получить представление об общем отношении к ним по этим группам и выявить специфические аспекты этих заимствований, вызывающие особое отношение к ним.

Ключевые слова: *языковые отношения, языковой пуризм, заимствованные слова, Турецкая языковая реформа*

Introduction

Following the establishment of the Republic of Turkey in 1923, the term *Ottoman* was prevented from being used to refer to anything related to the new nation state, even the language [Kerslake, 1998]. In this post-war period under the leadership of Atatürk, the focus of Turkish nationalism was redirected from the external enemies to domestic challenges, such as combating the “backwardness and ignorance” [Mango, 2008: 163]. This *backwardness* and *ignorance* became affiliated with the remnants of the Ottoman period. One remnant standing out, in this case, was the language. Arabic and Persian loanwords (also referred to as “the loanwords” in this study) that had been extensively incorporated into the language were connotating for the reformists the opposite of the new Western-oriented ideology that was being promoted. In 1928, the Latin-based script was officially adopted as a replacement for the Arabic-based script, and as of 1929, the teaching of Arabic and Persian as foreign languages was halted [Gallagher, 1971]. The transition into the new alphabet was not only about a better representation of the Turkish sound system. The reformers saw the former Arabic-based script “as a formidable symbol of the Islamic civilization in which they had lost faith” [Wheeler, 1974: 158].

Arabic and Persian loanwords were the next in line. For their systematic targeting and elimination, a language regulator, Turkish Language Association was established in 1932 by the initiative of Atatürk for conducting further language policies. An important objective of this institution was to emancipate Turkish from Arabic and Persian loanwords and substitute them with *pure* Turkish

ones through a purist language reform. This emancipation was stressed by Atatürk on the evening following the first congress of the Association: "We are going to defeat Ottoman [language]. Turkish is going to be a language as free and as independent as the Turkish nation, and with it we shall enter the world of civilization at one go" [Tankut, 1963, as cited in Lewis, 1999: 49]. Atatürk's presence and the widespread media attention turned the congress into a "great national event" [Tachau, 1964: 196]. Following the congress, the Association initiated a project for finding *pure* Turkish equivalents for the words of foreign origins.

Starting from 1933, the project resulted in the compilation of approximately 130 000 lexical items in 19 months [Levend, 1960: 416]. The results were presented in the first dictionary of the Association in 1934, in which around 30 000 Turkish substitutes were suggested as replacements for around 7000 loanwords [Perry, 1985: 299]. The purist practices gradually lost momentum over the years. Nevertheless, following the political shift in 1950, tensions between the supporters of the purist policies and the anti-purists heightened and persisted well into the 1970s. This conflict was felt in different domains. For instance, media outlets favored the form of Turkish (reformed or pre-reformed) that aligned with their political tendencies [Dağtekin, 2021]. Disputes over the language reform peaked between 1960–1980, when the extreme political polarization in the society was reflected in the language disputes [Özcan Gönülal, 2011]. It was observed how the *pure* Turkish was more favored by the leftists, and how the use of Arabic and Persian loanwords against the reformed Turkish were more preferred by the right-wing sectors [Cüceloğlu et al., 1980].

Since President Erdoğan and his party came to power, a new socio-political climate concerning Arabic and Persian loanwords started to take shape. In the recent years, Ottoman language courses have been introduced into the high school curriculum. This policy was observed as a neo-Ottomanist move, through which "Erdoğan and the ruling party exert their power, and practice covert discursive control, to reinforce their supporters' adherence" [Yazan et al., 2017: 265]. These practices align with Erdoğan's careful selections of Arabic and Persian loanwords. In this regard, his public discourse has introduced Arabic and Persian loanwords to many people, and especially people from younger generations [Ongur, 2015].

Against the backdrop of these, this study aims to investigate attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords under the current socio-political conditions of Turkey, and to see if there are considerable differences among the respondents from the gender (male/female) and age groups (18–29/30–45) in their attitudes to these loanwords.

Methods

A questionnaire consisting of 20 Likert scale items was formulated using Google Forms, each proposing a statement which regards the loanwords and expects the participants to rate the extent of their agreement with them through five categories: *Strongly Disagree* (SD), *Disagree* (D), *Undecided* (U), *Agree* (A), *Strongly Agree* (SA). The items were designed in line with insights gained from 20 semi-structured interviews conducted with native Turkish speakers [Simsek, in press]. Throughout discourse-analytic interpretations of the interviews, attitudinal implications on Arabic and Persian loanwords and their frequent users were studied. The revealed various indexical values of the loanwords were incorporated into certain survey items in order to assess their prevalence among a wider population. Collecting 203 responses, the survey data aimed to capture statistical distributions of the attitudes of Turkish speakers to the loanwords within the age (18–29/30–45) and gender (male/female) groups. The responses were treated as non-parametric categorial data, and the chi-square test of independence was used to process the data by using the R software.

Questionnaire Structure

To mitigate the risk of response bias, a balanced combination of positive and negative items (10 for each) was used, and their orders were mixed. The questionnaire initially informed the participants about the context, study and anonymity of the responses; they were asked to indicate their mother tongue(s), ethnicity, gender (male/female), and the age group (18–29/30–45) they belonged to.

An attitude can be exhibited differently when evaluated in terms of different aspects of the attitude object [Krosnick et al., 2005]. The lexical source consisting of the Arabic and Persian loanwords in Turkish was taken as the *attitude object* and was recognized to have varying connotations when associated with different political, social, historical, or linguistic contexts. Accordingly, the participants were expected to assess this attitude object based on six evaluative dimensions, and each survey item belonged to one of these dimensions:

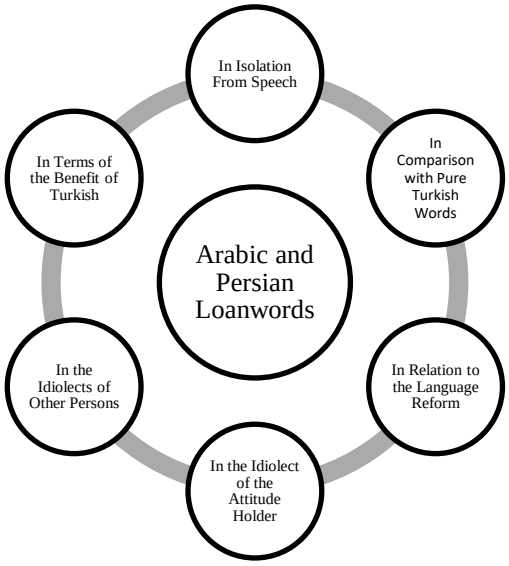

Fig. 1. Evaluative Dimensions of the Attitude Object

Demographic Distribution

The data collection process included the recording of gender (male/female), age group (18–29/30–45):

Fig. 2. Age and Gender Distributions of Respondents

Also, the respondents were asked to indicate their ethnicity and mother tongue(s). Out of 203 respondents, 161 indicated their ethnicity as Turkish, 21 as Kurdish, 6 as Circassian, 4 as Arab, 4 as Zaza, 4 as mixed, 1 as both Turkish and Kurdish, 1 as Bosnian, 1 as Iranian. Further, 187 indicated their mother tongue as Turkish, 8 as Kurdish, 2 as Arabic, 2 as Zaza, 2 as Circassian, 1 as Iranian, 1 as Turkish, English, and Arabic.

Results and Discussion

The findings are reported by first presenting the percentual results of the responses given to each question, followed by the presentation of the general results in terms of the categorial distributions of *positive*, *negative*, and *ambivalent* attitudes, and the statistical relationships between the age and gender variables in terms of their overall attitudes. Lastly, the results are presented in terms of the evaluative dimensions accompanied by corresponding discussions.

Results by Each Question

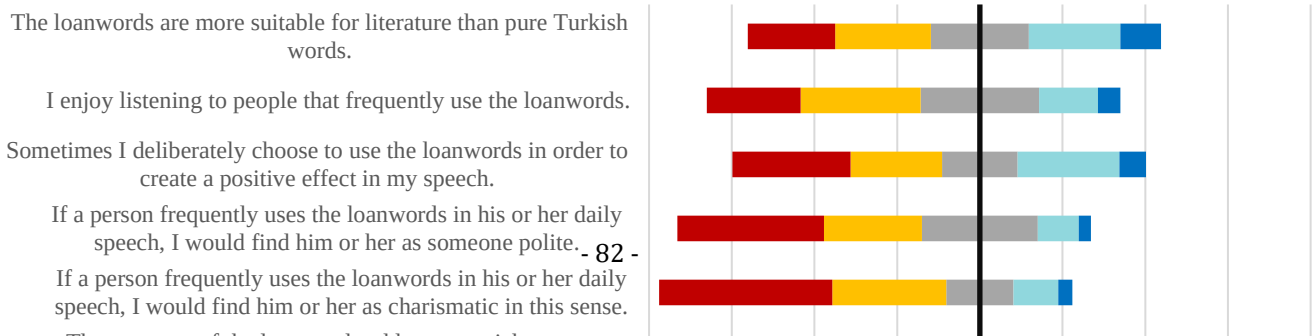

Fig. 3. Results of the Positive Items

Figure 3 shows that there is a rather widespread acknowledgement that the loanwords add a great richness to the Turkish language. In terms of the aesthetic values of the loanwords, the responses are distributed across the range of the available categories, indicating a variety of attitudes. Only a small percentage of the respondents see the frequent users of the loanwords as polite and charismatic. 53,2 % of the respondents do not get the impression that the speaker is a cultured person from a speech style marked by frequent usage of loanwords. Enjoying listening to people with such a speech style appears to be also not widespread.

The belief that having a better command of the loanwords would enhance expressional abilities is mostly rejected. 50,8 % of the respondents refrain from occasionally using the loanwords intentionally to create a positive rhetoric effect. Despite the political implications of the statement that claims that the purist practices spoiled the naturalness of Turkish, there are no sharp differences in results across the categories.

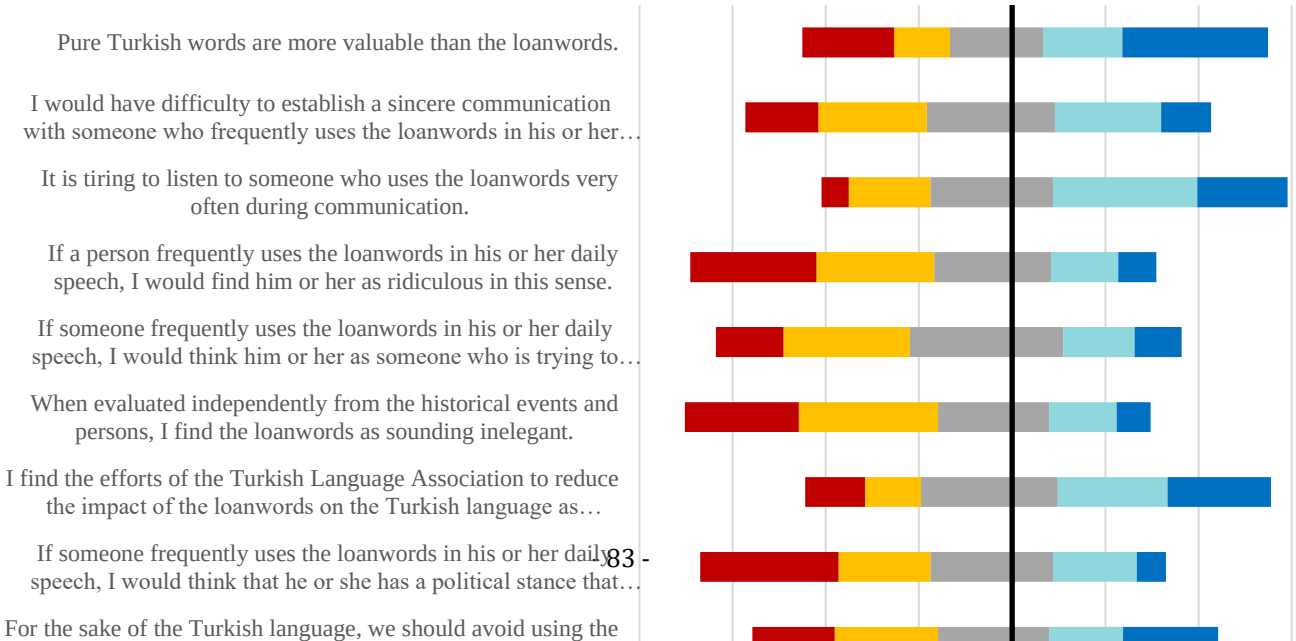

Fig. 4. Results of the Negative Items

It is visible from Figure 4 that a considerable percentage (51,7 %) of the respondents value the *pure* Turkish words over the loanwords, and they mostly endorse the purist language reform. While 50,7 % of the respondents demonstrate their support for the efforts of the language reform to reduce the influence of the loanwords in the lexicon, 27,6 % of them do not find these efforts as necessary.

The majority of the respondents (55,2 %) find it tiring to listen to someone who frequently uses the loanwords, and 36,9 % of them believe that it is hard to establish sincere communication with them. In general, the respondents do not think of the frequent loanword users as being ridiculous (57,2 %) or as trying to show off (46,8 %). The respondents tend not to judge them as holding a political position that is opposed to their own (54,2 %).

The statement that suggests that the loanwords sound inelegant mostly receives disagreement (59,1 %). 30,5 % of the respondents indicate that they refrain from using the loanwords as much as they could, while 52,2 % of them do not show such a tendency. When it comes to the purist statement which proposes that people should avoid using the loanwords for the benefit of Turkish, the proportion of those who support this statement (39,4 %) is lower than those who disagree (43,3 %).

General Results

Since the survey is comprised of both positive and negative items, the responses given to the negative items are reversed. The categories SD and D are combined under the attitudinal category of *Negative*, while A and SA are combined under *Positive*, and the category U is transformed into *Ambivalent*.

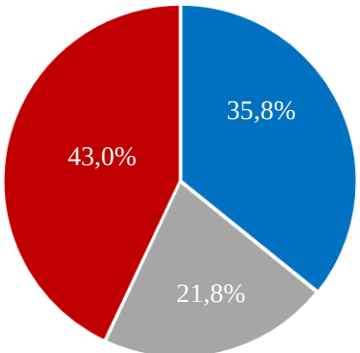

Fig. 5. Overall Attitudes to Arabic and Persian Loanwords (N = 203)

The results reveal that the overall attitudes to Arabic and Persian loanwords in Turkish today are largely unfavorable, as demonstrated by 43 % of the responses expressing a negative attitude. In contrast, 35,8 % of the responses accounts for an overall positive attitude. Attitudinal ambivalence corresponds to 21,8 %.

After decades of the purist language reform, these results today can be interpreted as a sign of considerable success of the reform in manipulating attitudes for the long term. Language policies can influence language attitudes [see: Woolard et al., 1990; Bourhis, 1997; Smagulova, 2008]. While language attitudes resulting from language policies may or may not align with the intended goals of concerned policies, Turkey's purist language reform is today observed as, to a large extend, being backed up by compatible attitudes in society that help the purist movements of the reform to be justified and further maintained.

Together with these, the survey results still point out a considerable extent of positive attitudes (35,8 %) to the loanwords. The resistance to the purist language movement was insufficient throughout its implementation. Nevertheless, it has always existed, since the initial steps to *purify* the language, to this exact day. The qualitative findings [Simsek, in press] show how a wide range of meanings are associated with the loanwords. Accordingly, the loanwords are evaluated in different ways today, and there is no single and common norm with regards to their evaluations and usage. Looking at the present survey results, it is safe to say that despite the focused efforts and widespread influence of the purist language reform, the loanwords are, to a considerable extent, still being evaluated positively in various aspects. Further, the noticeable percentage (21,8 %) of attitudinal ambivalence suggests that there are considerable hesitancy regarding the evaluations of the loanwords. When considered with positive attitudes, it suggests that the sphere of attitudinal influence of the language reform, although has been quite persistent, is not ultimately dominant.

Overall Attitudes Across the Age and Gender Groups

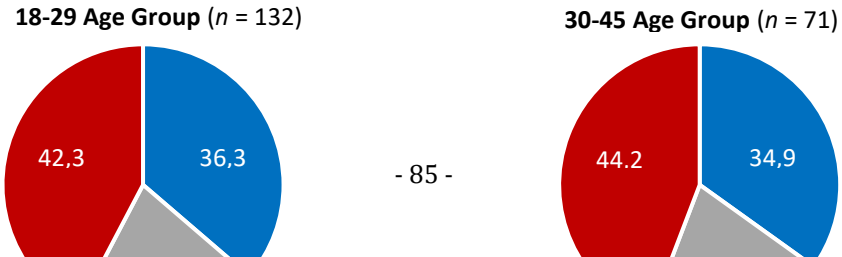

Fig. 6. Overall Attitudes to Arabic and Persian Loanwords Among the Age and Gender Groups

Upon performing a chi-square test of independence (α = 0.05) to see if there is a dependency between genders (male / female) and overall attitudes (positive / ambivalent / negative), it is seen that the correlation between the variables are significant, X^2 (2, N = 203) = 13.19, p = .001). Males show more positive attitudes to Arabic and Persian loanwords.

Table 1

Chi-square Test of Independence Results (Gender Variables)

Gender	Attitude	.observed	.prop	.row.prop	.col.prop	.expected	.resid	.std.resid
Male	Positive	792.00	0.20	0.38	0.54	737.74	2.00	3.55
Female	Positive	662.00	0.16	0.33	0.46	716.26	-2.03	-3.55
Male	Ambivalent	428.00	0.11	0.21	0.50	436.86	-0.42	-0.68
Female	Ambivalent	433.00	0.11	0.22	0.50	424.14	0.43	0.68
Male	Negative	840.00	0.21	0.41	0.48	885.39	-1.53	-2.88
Female	Negative	905.00	0.22	0.45	0.52	859.61	1.55	2.88

statistic	*p*	parameter	Method

13.19	**.001****	**2**	**Chi-square Test of Independence**

Against this, when the two generations (18–29/30–45) are put into the same test (α = 0.05), the correlation between them and their attitudes are found to be not significant, X^2 (2, N = 203) = 1.4296, p = .489). There is no statistically significant difference between the two age groups in terms of the attitudes toward the loanwords.

Together with these, another chi-square test of independence (α = 0.05) concludes a significant correlation between the combined groups (18–29, male; 18-29, female; 30–45, male, 30–45, female) and their overall attitudes, X^2 (6, N = 203) = 27.793, p < .001). Males from the younger generation show more positive attitudes.

Table 2

Chi-square Test of Independence Results (Combined Variables)

Age / Gender	Attitude	observed	prop	row.prop	col.prop	expected	resid	std.resid
30-45 / Male	Positive	253.00	0.06	0.34	0.17	265.01	-0.74	-1.02
30-45 / Female	Positive	242.00	0.06	0.36	0.17	243.53	-0.10	-0.13
18-29 / Male	Positive	539.00	0.13	0.41	0.37	472.73	3.05	4.63
18-29 / Female	Positive	420.00	0.10	0.32	0.29	472.73	-2.43	-3.68
30-45 / Male	Ambivalent	168.00	0.04	0.23	0.20	156.93	0.88	1.10
30-45 / Female	Ambivalent	129.00	0.03	0.19	0.15	144.21	-1.27	-1.56
18-29 / Male	Ambivalent	260.00	0.06	0.20	0.30	279.93	-1.19	-1.63
18-29 / Female	Ambivalent	304.00	0.07	0.23	0.35	279.93	1.44	1.97
30-45 / Male	Negative	319.00	0.08	0.43	0.18	318.05	0.05	0.08
30-45 / Female	Negative	309.00	0.08	0.45	0.18	292.27	0.98	1.42

18-29 / Male	Negative	521.00	0.13	0.39	0.30	567.34	-1.95	-3.14
18-29 / Female	Negative	596.00	0.15	0.45	0.34	567.34	1.20	1.94

statistic	*p*	parameter	Method
27.79	**< .001*** **	**6**	**Chi-square Test of Independence**

As can be seen in Figure 7 below, there is especially a difference between males from the 18–29 age group and females from the 18–29 age group in terms of the overall positive attitudes. While males and females from 30–45 age group show a close percentage of negative attitudes, this distinction is more remarkable between males and females from the 18–29 age group.

Moreover, attitudinal ambivalence is lower among males from 18–29 age group compared to males from 30–45 age group. Against this, females from 18–29 age groups show more attitudinal ambivalence compared to females from 30–45 age group.

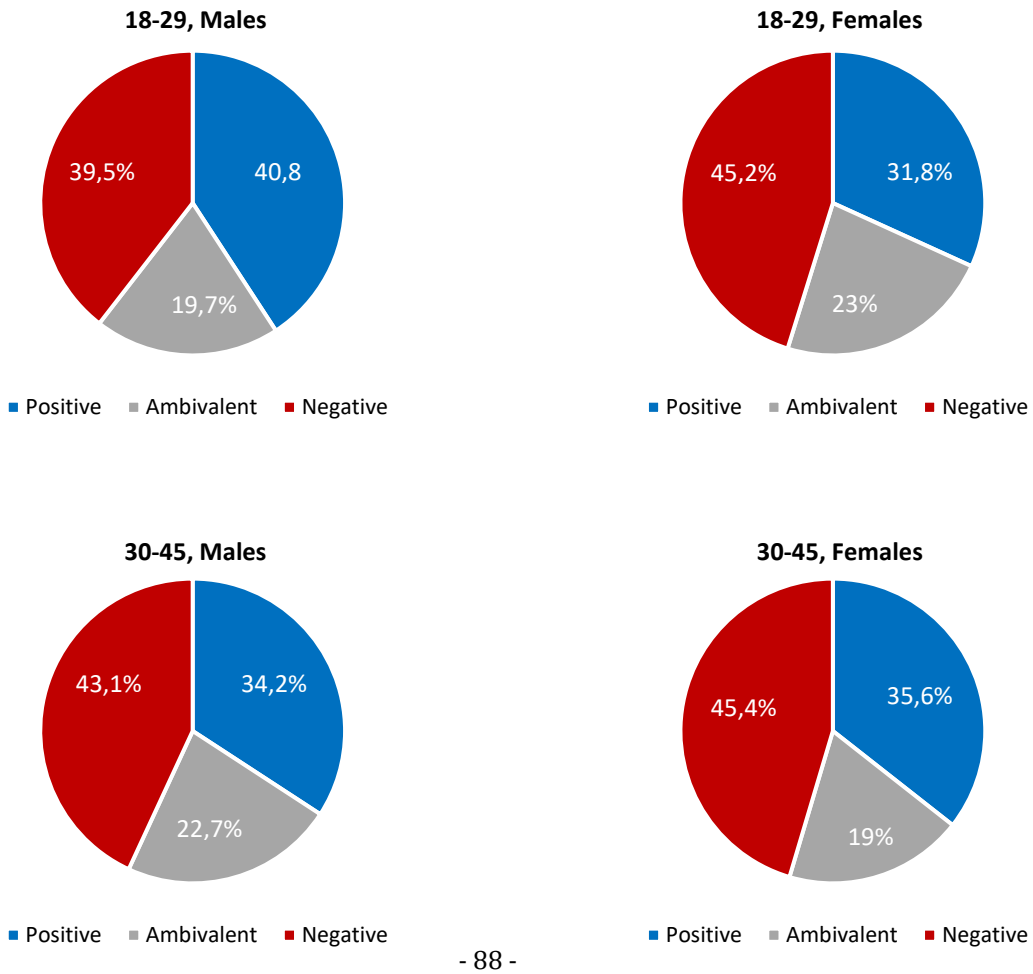

Fig.7. Overall Attitudes to Arabic and Persian Loanwords Among the Combined Groups

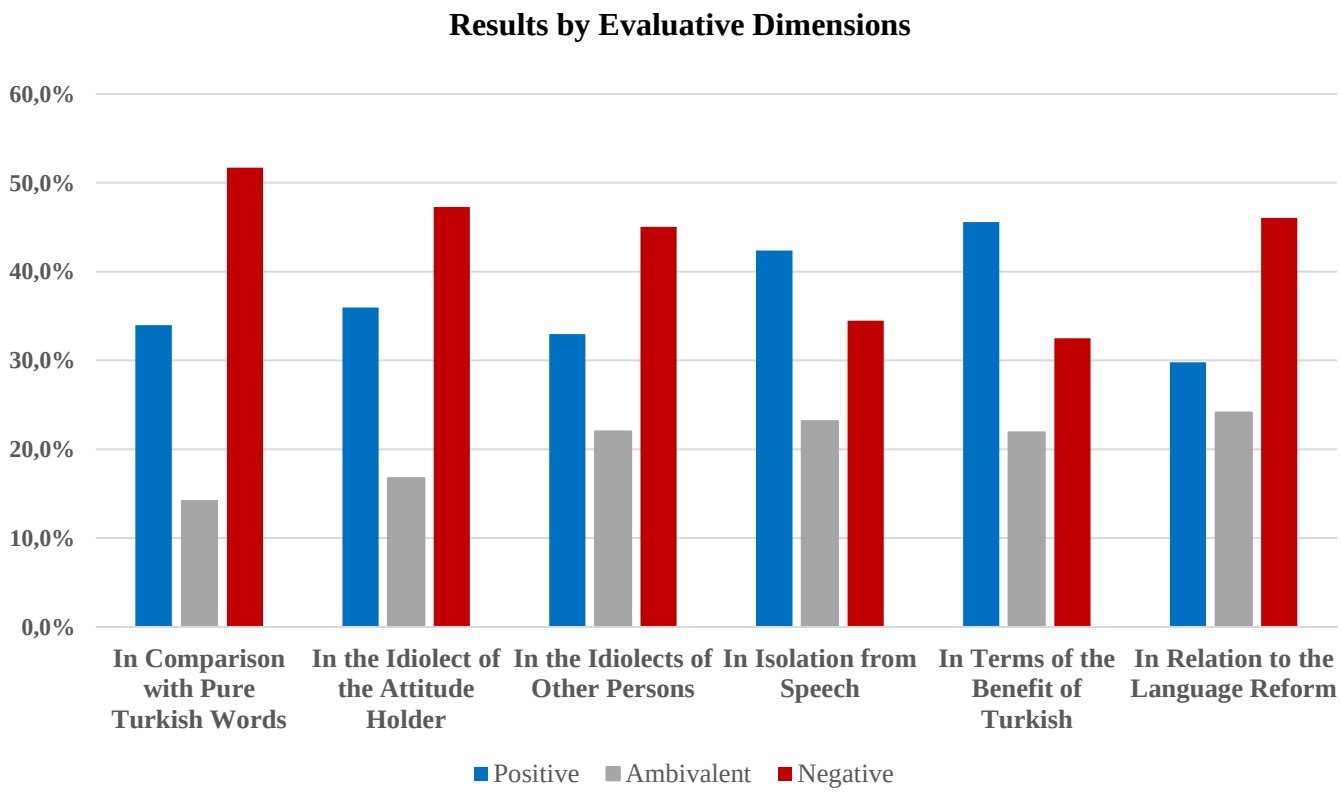

Fig. 8. Overall Attitudes to Arabic and Persian Loanwords by Evaluative Dimensions

The Loanwords as a Source of Lexical Richness

The evaluative dimension *The Loanwords In Terms of the Benefit of Turkish* involved two survey items that sought to shed light on how the loanwords are regarded in the belief systems of the attitude

holders when it comes to evaluating their presence with regards to the benefit of the Turkish language. Thus, the survey items focused on cognitive aspects of the concerned attitudes.

Within this dimension, the loanwords receive the most positive attitudes when compared to the other evaluative dimensions; they are regarded more positively (45,6 %) than negatively (32,5 %). Thus, a big portion of the positive evaluations of the loanwords comes from the belief that they enrich the lexical possibilities of Turkish.

However, it should be noted that this situation does not negate the existence of a considerable sense of purism among the respondents. 32,5 % of the responses fall into the negative category within this dimension. Hence, while a greater number of individuals acknowledge the positive contribution of the loanwords to the lexicon, a purist sentiment obstructs this sort of recognition for many others.

Aesthetics of the Loanwords

The evaluative dimension *The Loanwords in Isolation from Speech* involved three survey items that were aimed at inferring implications for the affective components of the attitudes by asking the attitude holders to evaluate the loanwords in terms of their aesthetic peculiarities.

When compared to the other evaluative dimensions, the loanwords receive the second most positive attitudes in this dimension. With 42,4 % of the responses favoring the loanwords in this affective sense, the rate of the positive attitudes is observed as prevalent. Thus, when it comes to showing positive attitudes to the loanwords their aesthetics play a major part.

Further, the loanwords are generally not perceived as lacking refinement as the survey item that defines them as sounding inelegant receives strong disagreement (59,1 %). Nevertheless, it is not possible to come into a conclusion that the loanwords are generally perceived as a lexical source with unique aesthetic characteristics compared to *pure* Turkish words. The survey item *Arabic and Persian loanwords are more suitable for literature than pure Turkish words* draws the attention to the *pure* Turkish words to trigger an affective evaluation of the loanwords in comparison with them. The results show more disagreement with the statement (44,4 %) than agreement (32,1 %) especially among the older age group and in the female gender group.

Personal Usage of the Loanwords

The evaluative dimension *The Loanwords in the Idiolect of the Attitude Holder* involved three survey items that focused on the cognitive and behavioral components of the attitudes. In this regard, the statements were designed to capture the respondents' tendencies to incorporate the loanwords into their idiolects.

Overall attitude within this dimension is the third most positive compared to the attitudes observed in the other dimensions. However, the prevalent overall attitude is not positive (36 %), but negative (47,3 %). Attitudinal ambivalence is rather low at 16,8 %. It can be suggested that people mostly are not willing to invest effort in acquiring and using the Arabic and Persian loanwords in their speech.

However, the results of the survey item *I avoid using Arabic and Persian loanwords whenever possible* also suggests that people are mostly not in an urge to abstain from using the loanwords, with 52,2 % showing disagreement with the statement. Notably, the younger age group (especially the males) demonstrates greater disagreement (55,3 %) with the statement compared to the older age group (46,4 %), indicating a less stringent attitude to the loanwords in this sense among the younger individuals.

The idea that having a stronger command of the loanwords would improve one's ability to express themselves is largely rejected (60,6 %). Thus, people generally do not see an instrumental value in learning more of the loanwords despite the typical belief that improving vocabulary would enable one to communicate their thoughts more effectively. Although there are a considerable number of people who see potential benefits in using the loanwords, they are in the minority.

While people are generally not strongly motivated to avoid using the loanwords, there are those who are motivated to do so (30,5 %), who might be driven by a desire to maintain the linguistic purism. In this regard, it is once again visible how a purist language reform that was initiated decades ago can still have considerable attitudinal outcomes that are desirable for its own terms.

The Loanwords Against the Pure Turkish Words

The evaluative dimension *The Loanwords in Comparison with Pure Turkish Words* involved one survey item that was simply aimed at bringing the loanwords against the *pure* Turkish words for the respondents to make a comparative evaluation in a general sense: *Pure Turkish words are more valuable than the Arabic and Persian loanwords*. By using the open-ended adjective *valuable*, the statement targeted both the cognitive and affective attitudinal components, as it might trigger the expressions of both objective beliefs as well as emotional reactions on the two of the lexical sources.

When compared to the other evaluative dimensions, the percentage of negative attitudes within this dimension is the highest with 51,7 % and attitudinal ambivalence is the lowest with 14,3 %. Thus, most of the respondents show little hesitation to come into a decision on this matter, and most of them deem *pure* Turkish words as more valuable than the Arabic and Persian loanwords. Positioning the *pure* Turkish words in a higher position than the loanwords is more common among the females (55 %) compared to the males (48,5 %).

In terms of the age groups, a big proportion of the older group (60,6 %) value the *pure* Turkish words more than the loanwords, while this percentage is 47 % among the younger age group. A similar difference in terms of the younger generation being more flexible about the loanwords than the older generation is also observed in the evaluative dimension that concerns the idiolect of the attitude holders. These differences across the age groups suggest that while there is not a completely new attitudinal atmosphere concerning the loanwords yet, linguistic purism and favoring the *pure* Turkish words over Arabic and Persian loanwords may not be holding much sway with the younger generation as it once did.

Considering the decreased percentage of the positive attitudes within this dimension compared to the percentages in the dimensions that concerned personal usage of the loanwords, their aesthetic values, and their position in the lexicon, it is observed that the loanwords are more negatively evaluated when the *pure* Turkish words come into the play. This situation further supports the idea that the purist language reform, with its products, still hold influence over people's attitudes. When the respondents face an association on the language reform, their evaluation of the loanwords get more negative.

The Loanwords When Used by Others

The evaluative dimension *The Loanwords in the Idiolects of Other Persons* contained nine questions intended at gaining insights from the cognitive and affective attitudinal components by asking the respondents to evaluate the loanwords when they are used by other people.

The loanwords receive the second-lowest percentage of positive attitudes within this dimension at 33 %. The prevailing attitude is negative with 45,1 %, and attitudinal ambivalence corresponds to 22%. The results evidence that attitudes to the loanwords often go well-beyond the lexical items themselves, and result in widespread negative attitudes that are directed at individuals who use these loanwords too. Relying on loanwords does not necessarily confer these positive characteristics upon the speaker and may often elicit negative associations.

A significant number of the respondents (53,2 %) do not link the frequent usage of the loanwords to an elevated level of intellectual sophistication. Despite the typical assumption that a larger vocabulary that is visibly attained through personal effort would signal a higher degree of sophistication, the respondents mostly do not draw such a conclusion from individuals who frequently employ the loanwords.

This situation can be attributed to a desire to uphold the value of *pure* Turkish words over the loanwords, as acknowledging the prevalence of loanwords may diminish the worth of *pure* Turkish words. In this sense, one could argue that there is a form of linguistic capital at play, as it is also the case with the widespread reluctance of the respondents to know more of the loanwords, in which

different lexical resources compete with one another, and which manifests itself within the domain of attitudes.

It is more common among the younger respondents to associate frequent usage of the loanwords with intellectual refinedness (28 %) compared to the older respondents (14,1 %). This situation implies that the loanwords receive different evaluations with the younger generation.

The Loanwords Against the Turkish Language Association

The evaluative dimension *The Loanwords in Relation to the Language Reform* involved two survey questions relating to the cognitive attitudinal component by asking the respondents to evaluate the loanwords with regards to the purist language reform.

When compared to attitudinal distributions of the other dimensions, the loanwords receive the second-highest negative attitudes from this dimension (46,1 %) and the lowest percentage of positive attitudes (29,8 %). Attitudinal ambivalence is the highest among all the dimensions (24,1 %). Looking at this high rate of vacillation, it is arguable that the controversial nature of the language reform is still present.

There is a subset of respondents (8 %) who view efforts to substitute the loanwords as flawed actions yet recognizing the purist language reform as a necessary movement, which suggests that commitment to the language reform may be strong enough to override positive evaluations of loanwords. While loanwords may be evaluated positively for various reasons, such as their pleasing sounds or their enhancement of expressive capabilities, the purist language reform triggers a “the enemy of my friend is my enemy” mentality, where the “friend” is not the loanwords, but rather the Turkish Language Association. This scenario exemplifies a case of cognitive-affective attitudinal dissonance, which might result in attitudinal ambivalence or instability.

It has been observed that the respondents from the younger age group show a noticeably lower inclination to deliberately abstain from using the loanwords and to value *pure* Turkish words over them, in comparison to the respondents from the older group. Additionally, it is more common among the respondents from the younger group to perceive frequent usage of the loanwords as indicative of intellectual sophistication, to view them as a significant source of lexical richness, and to consider them to be more suitable for literature than *pure* Turkish words. Against these, the percentage of those who see the purist practices of the Turkish Language Association as necessary actions is more in the younger age group (51,5 %) compared to the older age group (49,3 %).

Thus, although the younger group tends to evaluate the loanwords in a less stringent and more favorable manner, this sentiment does not extend to their perception of the purist practices, and they exhibit no significant attitudinal difference from the older group in terms of seeing the purist practices

as necessary. Therefore, support for the purist language reform does not appear to be diminishing among the younger generation and may even be increasing. This situation can be attributed to the possible correlation between the linguistic purism in Turkey and the nationalistic sentiments. Despite the younger generation's increasing acknowledgment of the loanwords (especially in certain aspects), they remain steadfast in their appreciation of the language reform as a significant component of the broader modernization endeavor that entailed the shaping and promotion of Turkish national identity.

Conclusion

The purpose of this study was to investigate the attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords that constitute a long-contested part of the Turkish lexicon under the current socio-political conditions of Turkey. The findings revealed a prevalence of negative attitudes to Arabic and Persian loanwords, alongside lower but still notable percentages of positive and ambivalent attitudes. Considering the importance of language attitudes for the success of language policies, the findings showed that the purist language reform has been mostly successful in shaping enduring language attitudes that show coherence with the intended goals of the language reform, which serve to legitimize its practices and further sustain its effects. Together with these, considering the notable extents of positive and ambivalent attitudes, it was shown that the purist language reform's sphere of attitudinal influence today is, while persistent, not ultimately dominant.

The aesthetic peculiarities of the loanwords played a crucial role in receiving positive attitudes. Also, it was observed that a larger number of people believed that the loanwords had a positive impact on the lexicon compared to those who held the opposite view; people were mostly not in an urge to intentionally refrain from using the loanwords. Paradoxically, the study also showed that with regards to the personal use of the loanwords, people generally did not perceive a pragmatic value in learning more of them, despite the conventional belief that enhancing one's lexicon would facilitate more effective expression of thoughts.

Further, while a larger vocabulary that is visibly attained through personal effort may assumably signal a higher degree of sophistication, the respondents mostly did not attribute such refinement to individuals who frequently employ the loanwords and did not associate it with an increased level of intellectual sophistication. It was posited that the reason for these could be a sense of linguistic purism and an accompanying belief that a greater command of the loanwords would result in reduced use of *pure* Turkish words, thereby relegating them to a peripheral position and diminishing their worth.

This claim aligns with the fact that when the evaluation of the loanwords required a comparison of them with *pure* Turkish words, the respondents tended to prefer the latter. Overall, compared to loanwords, *pure* Turkish words were largely considered to be more valuable, and the respondents had

a low degree of attitudinal ambivalence on this matter. Moreover, relying on the loanwords does not necessarily enhance the speaker's positive qualities and may convey negative connotations. Thus, attitudes to the loanwords often extend beyond their mere lexical usage and result in negative perceptions directed toward individuals who frequently use them.

The findings also revealed a comparatively less rigid and more favorable attitudes among the younger group in contrast to the older age group. They exhibited a markedly lower tendency to deliberately refrain from using the loanwords and to assign greater value to *pure* Turkish words over the loanwords when compared to respondents from the older group. Moreover, it was more prevalent among the younger respondents to perceive frequent use of the loanwords as a sign of intellectual sophistication, to regard them as a key source of lexical richness, and to view them as more suitable for literary works than *pure* Turkish words. Nevertheless, there exists a paradoxical situation wherein the belief that the purist measures implemented during the language reform were necessary was observed to be more common among the younger group compared to the older group.

While overall there is a slow increase in positive attitudes to the loanwords with the younger generation, this trend was observed to be primarily evident among the younger males, with the younger females displaying less positive attitudes. In fact, the younger females displayed positive attitudes even less than older females. Based solely on these findings, it is difficult to draw a definitive conclusion regarding the reasons for the discrepancy in the attitudes toward the loanwords between males and females, and why females exhibit a stronger preference for *pure* Turkish words over the loanwords compared to males. These differences might reflect variations in education, cultural factors, or language use patterns, and further research is necessary to investigate this matter more thoroughly.

References

Bourhis, R. Y. (1997) Language policies and language attitudes : Le monde de la francophonie // N. Coupland & A. Jaworski (Eds.), Sociolinguistics : A reader. St. Martin's Press. Pp. 306–322

Cüceloğlu, D., & Slobin, D. I. (1980) Effects of Turkish Language Reform on Person Perception // Journal of Cross-Cultural Psychology. No. 11 (3) Pp. 297–326. https://doi.org/10.1177/0022022180113005

Dağtekin, F. (2021) Türkiye'de dil tartışmaları ve Türk dil kurumu (1950–1983) [Language discussions in Turkey and the Turkish Language Association (1950–1983)] [PhD Thesis]. http://nek.istanbul.edu.tr:4444/ekos/TEZ/ET002043.pdf

Gallagher, C. F. (1971) Language reform and social modernization in Turkey // J. Rubin & B.H. Jernudd (Eds.), Can Language Be Planned? : Sociolinguistic Theory for Developing Nations (pp. 152–169). University of Hawai'i Press.

Kerslake, C. (1998) Ottoman Turkish // L. Johanson & É. Á. Csató (Eds.), The Turkic Languages (pp. 179–202). Routledge.

Krosnick, J. A., Judd, C. M., & Wittenbrink, B. (2005) The measurement of attitudes // D. Albarracin, B. T. Johnson, & M. P. Zanna (Eds.), Handbook of Attitudes and Attitude Change (pp. 21–76). Erlbaum.

Levend, A. S. (1960) Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri [Development and simplification stages of the Turkish language] (2nd ed.). Türk Tarih Kurumu Basımevi.

Lewis, G. (1999) The Turkish language reform : A catastrophic success. Oxford University Press.

Mango, A. (2008) Atatürk // R. Kasaba (Ed.), The Cambridge History of Turkey : Turkey in the Modern World (Vol. 4) (pp. 147–173). Cambridge University Press.

Ongur, H. O. (2015) Identifying ottomanisms : The discursive evolution of Ottoman pasts in the Turkish presents // Middle Eastern Studies. No. 51 (3). Pp. 416–432. https://doi.org/10.1080/00263206.2014.976622

Özcan Gönülal, Y. (2011) Dil-toplum ilişkisi açısından Türkiye'de 1940 sonrası dil tartışmaları üzerine bir değerlendirme [An evaluation about relationship between language and society in terms of discussions on language in the post 1940 in Turkey] // Turkish Studies. No. 6 (1). Pp. 1155–1166. https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.1954

Perry, J. R. (1985). Language reform in Turkey and Iran. International // Journal of Middle East Studies. No. 17 (3) Pp. 295–311. http://www.jstor.org/stable/163501

Simsek, H. B. (in press). Attitudes of Turkish speakers toward Arabic and Persian loanwords in Turkish. HSE Working Papers. Multilingual Urban Space: Policy, Identity, Education. M..

Smagulova, J. (2008) Language policies of Kazakhization and their influence on language attitudes and use // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 11 (3–4). Pp. 440–475. https://doi.org/10.1080/13670050802148798

Tachau, F. (1964) Language and politics : Turkish language reform // The Review of Politics. No. 26 (2). Pp. 191–204. https://doi.org/10.1017/s0034670500004733

Wheeler, G. (1974) Modernization in the Muslim East: The role of script and language reform // Asian Affairs. No. 5(2). Pp. 157–164. https://doi.org/10.1080/03068377408729708

Woolard, K. A., & Gahng, T.-J. (1990) Changing language policies and attitudes in autonomous Catalonia // Language in Society. No. 19 (3). Pp. 311–330. https://doi.org/10.1017/s0047404500014536

Yazan, B., & Üzüm, M. (2017) Ottoman Turkish in the high school curriculum: Current language planning discussions in Turkey // Current Issues in Language Planning. No. 18 (3). Pp. 264–282. https://doi.org/10.1080/14664208.2016.1264735

Hasan Berkcan Simsek – PhD Student in School of Philological Studies, HSE University.
Address: 105066, Russian Federation, Moscow, Staraya Basmannaya St., 21/4.
E-mail: khshimshek@edu.hse.ru

Для цитирования: *Шимшек Х.Б.* Спорное наследие заимствований: Отношение турецкоговорящих людей к арабским и персидским заимствованиям в турецком языке [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 79–97 (На англ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-79-97

For citation: *Simsek, H.B.* The contested legacy of borrowing : Attitudes of Turkish speakers to Arabic and Persian loanwords in Turkish [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp.79–97 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-79-97

ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ

LANGUAGE CONFLICT

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-98-111

CONFLICTS OF WRITING SYSTEM AMONG ETHNIC MINORITY COMMUNITIES IN VIETNAM: A CASE OF HMONG, KATU, AND RAGLAI[23]

Nguyen Van Hiep
School of Languages and Tourism, Hanoi University of Industry, Vietnam

Currently, the government of Vietnam acknowledge 54 ethnic groups, in which the Kinh people are the most populated along with 53 minor ethnic groups. Up until 2023, only 34 minor ethnic groups have their own writing scripts.The practical use of writing systems for ethnic minority languages in Vietnam reveals conflicts in writing systems when an ethnic minority group has multiple writing systems. This article describes cases of writing system conflicts among the Hmong, Katu, and Raglai languages. Hmong people have trouble selecting their writing script: the Hmong script acknowledged by the Vietnamese government is not popular, hard to learn, with an undeveloped ecosystem, while international Hmong script is popular among Hmong communities, from their origins among Protestants, and the number of Hmong people who speak international Hmong is four times the number of Hmong who use Hmong Vietnamese script, it also has a diverse ecosystem (powered by the internet, Google Translate, movies, and music with international Hmong subtitles). International Hmong script is also the only form of communication used among young Hmong in the digital age. The conflict between these scripts is also similar to the pair of Katu scripts used within the Katu community in Quang Nam and Thua Thien - Hue. This is due to Decision 53-CP (1980) by the Vietnamese government, giving local authorities the right to develop and acknowledge their own writing script and use it within their area. The conflict is even greater among Raglai (mainly living in Khanh Hoa and Ninh Thuan) with 5 different writing scripts. This study highlights the issues of script conflict as a linguistic reality in the context of Vietnam, a multi-ethnic and multilingual country. It also provides suggestions for resolving or mitigating such conflicts.

Keywords: language conflict, Hmong scripts, Katu scripts, Raglai scripts

КОНФЛИКТЫ СИСТЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ СРЕДИ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ ВЬЕТНАМА ХМОНГ, КАТУ И РАГЛАЙ

Нгуен Ван Хьеп
Школа языков и туризма Ханойского промышленного университета, Вьетнам

В настоящее время правительство Вьетнама признает 54 этнические группы, самым многочисленным является народ кинь. По данным на 2023 г. 34 миноритарные этнические группы имеют письменность. Сегодня во Вьетнаме одновременно существуют несколько систем письма, отмечаются языковые конфликты, связанные с практическим использованием систем письма у некоторых этнических меньшинств. В статье анализируются конфликтные ситуации на примере языков хмонг, кату и раглай. Письменность хмонг, официально признана правительством Вьетнама, однако возникают опредленные проблемы при ее использовании

[23] This article is the result of the topic: “Synthesis of research result, suggestions to the government and related institutes relate to urgent issues regarding preserving and developing ethnic minority languages” Code name: DTDL.XH - 06/19.

хмонгами. Данная письменность непопулярна, сложна для изучения и имеет ограниченный функционал, в то время как международная система письма хмонг популярна среди общин хмонг; количество хмонгов, использующих международный хмонг, в четыре раза больше, чем хмонгов, использующих вьетнамский алфавит хмонг. Международная система письмненности хмонг имеет широкий функционал, используется в системе интернет, Google Translate, большое количество аудио- и видеопродукции с международными субтитрами хмонг. Международная письменность хмонг также является единственной формой общения в интернете, используемой молодыми хмонгами. Конфликт между этими системами письменности аналогичен ситуации сложившейся с языком кату, используемом в сообществе кату в Куангнаме и Тхуа Тхиен-Хюэ. Это связано с решением 53-CP (1980) правительства Вьетнама, которое дает местным властям право разрабатывать и признавать свою собственную письменность и использовать ее на своей территории. Сложнее ситуация складывается у этнического меньшинства раглай, проживающего в Кханьхоа и Ниньтхуан; раглай использует 5 различных систем письменности. В статье анализируются языковые конфликты, связщанные с письменностью, предлагаются рекомендации по их решению.

Ключевые слова: *языковой конфликт, письменность хмонг, письменность кату, письменность раглай*

1. Overview of ethnic minorities writing systems in Vietnam

Quantity of ethnic minorities writing systems in Vietnam

In Vietnam, there is diversity in the writing systems of different ethnic groups with various characteristics. Statistical research of Nguyen Huu Hoanh, Nguyen Van Loi, Ta Van Thong [2013] indicated 32 ethnic communities' writing systems within 53 ethnics. That means that in 2013, there were 60,37 % ethnic communities with their own writing systems (more than one script in some ethnic groups, such as the Thai whose writing system includes eight forms, the Hmong whose writing system includes two, the Co Tu whose writing system includes two...). In 2016, the Muong people in Hoa Binh started to use the Muong script, and by 2021, the Ha Nhi people in Lai Chau began to use the Ha Nhi script for the first time. The similarities between the two writing systems are: they both use Latin script and they are constructed by the Institute of Linguistics. Therefore, in 2023, 34 out of the 53 ethnic minorities (64,15 %) in Vietnam have their own scripts.

Categorizations of ethnic minorities writing systems in Vietnam

Categorizing by script forms of ethnic minorities writing systems in Vietnam

There are four main script form categorizations in Vietnam:

Brahmic form: Cham Akha Thrah letters, Thai letters, Khmer letters, Lao letters and Lu letters. Cham Akha Thrah letters and Khmer letters originate from Brahmi letters of South Asia. Alphabets such as Thai, Lao and Lu all have their foundations from the Khmer writing system.

Arabic form: Cham Javi letters and Cham Ba Ni letters.

Ideographic form: Chinese letters (Han), Nom Tay letters, Nung, Dao, San Chay, Ngan and Lo Lo alphabets that originating from Di letters of China.

Latin form: including Tay – Nung Latin, Thai Latin, Cham Latin, Hmong, Gia Rai, E-de, Ba Na, Xo Dang, Hre, Co Ho, Raglai, Mnong, Stieng, Bru-Van Kieu, Co Tu, Lo Lo, Gie - Trieng, Ta Oi, Ma, Co, Cho Ro, Chu Ru and Muong letters.

Categorizing by the history of ethnic minorities writing system in Vietnam

Following the history of ethnic minorities' writing systems, they are divided into two types: old-established scripts known as traditional writing and modern writing.

Traditional writing was born in the 19th Century, including scripts such as San Diu, Ngai, San Chay, Dao, Lu, Lao, Lo Lo, Cham, Nung, Khmer and Tay.

Modern writing was not born until the late 19th Century to the 20th Century, including scripts such as Tay – Nung Latin, Thai Latin, Hmong, Gia Rai, E-de, Ba Na, Xo Dang, Hre, Co Ho, Raglai, Mnong, Stieng, Bru-Van Kieu, Co Tu, Lo Lo, Gie - Trieng, Ta Oi, Ma, Co, Cho Ro, Chu Ru, the latest are Muong script (in 2016) and Ha Nhi script (in 2021).

2. Clashes between minor ethnic writing scripts in Vietnam's modern day society

This section will discuss various challenges among minor ethnic groups with more than one script; we call this clash/competition among scripts.

Hmong script. ***Comparing two sets of Hmong characters***

Currently, there are two sets of Hmong script being used simultaneously: the Vietnamese Hmong script and the international Hmong script. There is great competition among these two sets of Hmong characters. Here is our comparison of these two Hmong scripts.

A. Ease of use and learning.

It can be confirmed that the international Hmong script is superior to the Vietnamese Hmong script in terms of adaptability. The Hmong people that we conducted in-depth interviews in Sin Suoi Ho village (Phong Tho, Lai Chau) and Nam Can village (Ky Son, Nghe An) all claimed that the international Hmong script doesn't need to be learned since activities such as reading the Bible, watching movie subtitles make the script much easier to be understood. The young Hmong people in Sa Pa, Bac Yen whom we had the opportunity to interview, also confirmed the same. They believed that up to 80 % of Hmong teenagers do not need to study the script; just watching movies and listening to Hmong songs with international Hmong subtitles for a period of time is enough to grasp of the international Hmong script.

In Ky Son, Nghe An, the chairman of commune Nam Can and his staff claimed that Hmong Vietnamese script is hard to learn, understand, and cannot be applied to record Hmong dialect in Ky Son. The chairman and his man claimed that their children, who are Hmong living in Ky Son, felt that learning Hmong Vietnamese script is extremely challenging and unrewarding.

In this aspect, we believe that phonetic traits and the vocabulary Hmong dialects affect the adaptation of Hmong script. For example, in certain mountainous regions, with phonetic systems similar to Hmong dialect in Sapa (Lao Cai), the opinion of the script is different. This is consistent with the data we acquired when we returned to the Hmong community in Mai Son district (Son La), where people interviewed believed that Hmong Vietnamese could be learnt and was welcomed by the community. While we were working with the staff of the Committee of Culture and Ethnic in Phong Tho district (Lai Chau), they thought Hmong Vietnamese had its drawbacks but was still a learnable script. However, it is possible that they did not want to go against the trend of teaching Hmong Vietnamese that has been going on for decades.

Technically, the research by Nguyen Kien Tho [2016] shows that the rationality of the phonological solution makes international Hmong script easier to learn than Hmong Vietnamese. Specifically,

● In terms of consonant and tone, both scripts have a similarity (both include 57 consonants and 8 tones)

● In terms of vowel: Hmong Vietnamese script has 29 vowels, while international Hmong script has 13 vowels. In reality, Hmong White and Hmong Lenh consist of only 13 vowels. Therefore, the vowel system implied by Hmong Vietnamese script is excessive, with 16 unused vowels (either rarely used or absent in most dialects of Hmong). Nguyen Kien Tho claimed: “The introduction of a large number of vowels that are not present in most of the Hmong dialect into the Vietnamese Hmong script will make it difficult for Hmong people to pronounce (impression of awkward pronunciation) and if pronounced according to the letter, the pronunciation will also not be standard according to the Hmong language that the Hmong people in many parts of Vietnam and around the world are using” [Nguyen Kien Tho, 2016].

B. Hmong Vietnamese and International Hmong Script Ecology.

When comparing these two writing systems, they are very different. While there are not a great number of documents and books in Hmong Vietnamese script, international Hmong script is very well represented in the media. The Bible is printed in international Hmong script in regions where Hmong practice Protestantism. Furthermore, many movies and music videos that people watch online have international Hmong script. Most importantly, international Hmong script is used on the Internet and thus attracts a large number of young Hmong, who mostly use smartphones with 3G/4G connectivity.

As of this date, international Hmong script remains their only tool to interact on the Internet. According to research from Nguyen Kien Tho [2014], Nguyen Kien Tho and Le Van Chinh [2016], most of Hmong college students living in the North area can read and write international Hmong script fluently. They can get access to information about Hmong people around the world and learn popular Hmong songs due to their exposure to the Internet. In addition, the authors claim that Hmong Vietnamese script, which was proposed and popularized, thanks to the Government's decision in 1961, is rarely used or used in an extremely limited area (for example, high schools and junior colleges in Northwest of Vietnam).

C. Popularity

The above-mentioned comparisons can explain why using international Hmong script helped to promote its popularity. This is because it is more advantageous and suitable for the situation:

● Hmong people in local areas mostly use international Hmong script (according to priest Hang A Xa in Sin Suoi Ho village, Phong Tho, Lai Chau, 80 % of those who speak Hmong use the international version). On the other hand, through our in-depth interviews in Son La, Lai Chau, Ha Giang, after dozens of years being taught with Hmong Vietnamese, only 20 % use Hmong Vietnamese since most of them never use it and soon forget about the script.

● International Hmong script is easy to understand, read, and type on the computer, which is suitable for modern society.

Recently, in a quick survey using Google Form with 150 examples related to the usage level and demands of Hmong Vietnamese script and international Hmong script for Hmong college students at the University of Science and other members of the University of Thai Nguyen, Pham Thi Phuong Thai [2021] has received some results, in particularly:

– 68,5 % believe that international Hmong script is easy to study and use, 31,5 % believe that Hmong Vietnamese script is easy to study and use.

– Learning international Hmong script through: friends, relatives: 63,7 %, self- learn through internet/software: 17,1 %, online education (by teachers): 1,4 %, other methods: 17,8 %.

– Which Hmong script you choose to learn: 69,9 % chose

International Hmong script, 31,1 % picked Hmong Vietnamese script.

●The learners can do self-study and use existing documents that teach Hmong language on the Internet. Because international Hmong script is standardized through unicode, sending emails or getting updated on the internet is easy, allowing Hmong people in Vietnam to communicate with Hmong people worldwide. Google Translate, a famous auto-translation service, translates international Hmong script, further boosting its popularity. A propaganda officer that we interviewed in Yen Minh, Ha Giang province, said that he used Google Translate to translate the guidelines and the policies of the Party and

the Government written in Vietnamese into the international Hmong script, and then spread it to Hmong people.

Suggestions on the selection of the Hmong scripts

The debate on which Hmong script is suitable to be used widely has been around for a while. We believe that we should not refuse to acknowledge international Hmong script as it has been widely used by non-Protestantism and Protestantism. Citing previous research (from authors : [Ho Ba Hua, 2014; Nguyen Kien Tho, 2014, Nguyen Kien Tho and Le Van Chinh, 2016; Vu Ba Thong, 2011; Committee for Ethnic Minority, 2013]) and our own study (through in-depth interviews during our field trip in Lai Chau, Son La, Nghe An, Thanh Hoa, where in places such as Son La, Lai Chau, we conducted two trips (focusing on in-depth interviews), we have these following suggestions.

Firstly, the government and educational organizations need further research on the situation and desire to use script from Hmong people living in Vietnam as well as the comparison of the social traits and linguistic traits of Hmong Vietnamese and international Hmong scripts to identify which script is suitable for the people, a requirement before standardizing the education of international Hmong. If we only acknowledge Hmong Vietnamese script, we have overlooked the objective existence of international Hmong script in Vietnam, used by many Hmong every day.

Secondly, we agree that there is a need to separate the original goal from the real value of the script. Supposedly, we see international Hmong script as a potential threat to political stability (seeing that it is used to spread Protestantism). In that case, we are overlooking how Protestantism uses international Hmong script to spread the Bible and this script is being widely used among the community (both Protestantism and non-Protestantism).

Thirdly, we need to take in early arguments from linguistic researchers when they objectively claim that: Hmong Vietnamese script was not well-built, it is complicated, hard to learn, and lacking in efficiency. In addition, the Vietnamese Hmong script is mainly based on a Hmong dialect that is not really typical. The government needs more people who can investigate, research, hold scientific discussions, and listen to the opinions of Hmong people and experts to officially acknowledge and use international Hmong script in educational programs and ensure its unity and ease of learning across the country.

Fourthly, there is a need to consider the advantages and drawbacks of acknowledging international Hmong script. As we all know, the idea of Marxism claims that language is not classified, but the way it is used and the purpose it is classified. Reality shows that if we keep on using Hmong Vietnamese script as the only script for Hmong people in Vietnam, the act of forcing to use and learn one script that, from many points of views, is hard to write, understand and rarely used (according to

the results of the in-depth interviews we conducted during the period from 2019 to 2021, only 20 % of Hmong knows Hmong Vietnamese, compared of 80 % for international Hmong script) would be inefficient, lacking in scientific research, unrealistic, and costly.

Hang A Xa, a priest in Lai Chau, in an interview, claimed that: Without acknowledging international Hmong script, we can "lose on our homecourt". He cited: During political unrest in Muong Nhe district (Lai Chau), documents that used Vietnamese Hmong sent by the government were not understood, and, therefore, inefficient. Meanwhile, documents from outside forces with negative intentions written in International Hmong are widely understood and practiced. In an in-depth interview with an Hmong educator in Dien Bien, he claimed it is important to acknowledge International Hmong, as a tool to communicate between the government and its citizens.

Fifthly, we should not call international Hmong "American Hmong script" or use "Revolution Hmong" to indicate Hmong Vietnamese script. There is a need to agree and use "international Hmong script" (originated from foreign countries) and "Hmong Vietnamese script" (built by Vietnamese) to avoid political biases.

Sixthly, if we are still keen on using Hmong Vietnamese script, there need to be modifications to fix the weaknesses of Hmong Vietnamese script and further improve it to appeal to other Hmong communities. When there is a lack of documents in Hmong Vietnamese script, and most people have not known it and it is not widely used, these improvements are possible. In our in- depth interview with a local leader in Muong Te district (Lai Chau), the leader claims that Hmong Vietnamese script can be used but needs improvements in the mold of international Hmong script.

We agree with the argument of Nguyen Kien Tho in a research in 2016: "It is impossible to delay, we have to acknowledge and agree to use international Hmong script in the teaching of Hmong in Vietnam, for a goal to build, discover, and preserve the unique cultural values and rich history of Hmong community and build a modern Vietnam culture, with national traits" [Nguyen Kien Tho, 2016]

For the country's growth in the era of multi ethnic and multi -languages, in which Hmong plays an important part, the Government needs to have an appropriate policy in selecting Hmong script, so that the community has a powerful tool to preserve and develop their language and culture in modern society. We hope this issue could receive suggestions and exchanges to provide scientific facts and opinions on the selection of Hmong script in business and education.

Suppose we let two Hmong scripts exist together over time. In that case, there is a possibility that Hmong will live with these scripts, similar to how Chinese has two characters set: simplified Chinese and traditional Chinese (personal opinion from Prof. Mark J. Alves, Montgomery University, United States).

On the two sets of Katu scripts in Vietnam

Today, there are two Katu scripts being used mainly in Vietnam. One script is used in the area of Quang Nam (mainly Tay Giang, Nam Giang, Dong Giang, in which Tay Giang is the most populated area for Katu people), created by Bh'riu Liec, a local leader and educator. Another script created by the Institute of Linguistic is currently used in classrooms from 1st grade to 6th grade in Katu area around Thua Thien Hue, focusing in Nam Dong and A Luoi.

These two scripts both utilize Latin letters. Due to the debate between these two scripts, we want to demonstrate further the two Katu scripts used in Quang Nam and Thua Thien- Hue.

On the Katu script by Bh'riu Liec

Bh'riu Liec, a government officer in Tay Giang, is always concerned about recovering the language of his people. After years of collecting, searching, systematically organizing vocabulary units and meanings, he wrote the book "Katu Common Language Dictionary – Kinh and Katu's village culture" with the hope for Ka Tu people to learn the language to keep preserving and continue their traditions.

After the dictionary was put in use and approved by the community of Katu in Tay Giang, Bh'riu Liec kept improving his work. First and foremost, he wants to unify the way Katu is called because there are so many ways of writing, such as Katu, Co Tu, Ca Tu, Co-Tu… There is a need to unify the writing system to create identification documents for the Katu people. In a book on learning new Katu in 2018 (Pra Cotu: Cotu Language, Writers Publishing Group), he selects "Cơtu " as the correct way. Bh'riu Liec also made adjustments to some letter usages, wherein the Cơ Tu script differs from the Quoc ngu script (script of Vietnam) in 2 consonants (z, j), 3 final consonants (h, l, r) occurring after vowels (ah, ol, ur), 4 letter combinations representing double vowels (oo, oơ, ơơ, êê), 5 long vowels (aa, ii, uu, ưư, ôô), and 20 consonant cluster combinations (bh, bhl, đh, zr, dz...).

On the Katu script created by the Institute of Linguistic

In 1998, two members of the Institute of Linguistics, Nguyen Huu Hoanh and Nguyen Van Loi announced the book "Katu Language" (Social Sciences Publisher), and afterwards, they were hired by the Institute of Science and Technology in Quang Nam to create a writing script for Katu in Quang Nam, while also working on the Vietnamese-Katu dictionary and a book on learning the language.

Based on the research on the Katu script used before 1975 and the script used by the Institute of Education in Quang Nam - Da Nang in textbooks in 1986, Nguyen Huu Hoanh [2009] had an important article "Opinions on a solution to change Katu script".

The author has some positive notes while also points out drawbacks in the Katu script being used, which are:

It has all the flaws of the national script

There are many illogical instances: there is a lack of correlation between the phonetic system and writing system, since the people who created it did not have the skills to execute phonological analysis.

The author suggests creating a Katu script has these requirements:

Each phonemic is represented by a letter

The script must reflect the tight relationship between phonemics.

It must use the national script as a foundation

Other than Vietnamese, changing Katu must take in account the relationship with nearby minorities group, such as Pa Co - Ta Oi, Bru

Changing the Katu script must consider the current state of science technology, especially in printing and publishing. [Nguyen Huu Hoanh, 2009: 52–58]

Under these guidelines, since 2005, the Institute of Linguistics has been working with the Department of Science and Technology in Quang Nam to create a Katu script and use this script to write books such as: Katu Language, Katu Grammar, Vietnamese – Katu Dictionary, Katu – Vietnamese.

One obstacle is that the government of Quang Nam has not an official document acknowledging the Katu script created by the Institute of Linguistics, even though the proposal for this script has been approved. Not until 2016 did the government of Thua Thien Hue acknowledge this script and put it in use in textbooks on Katu from the 1st grade to 6th grade in certain areas, under the sponsorship of Faro Foundation (Norway).

Suggestions on the selection of Katu script

Research on the current state of using Katu and the views of Katu people indicate that the bilingual state (Katu- Vietnamese) of Katu people remains good, and the Katu language is safe from extinction. Most Katu people can use Vietnamese and their native language in everyday communication).

However, in the reality of two Katu script existing, we have these following suggestions:

First of all, we have to consider limiting “influential” factors in the selection of Katu scripts.

As we previously explained, there are two current Katu scripts being used at the same time by the people of Katu in Quang Nam (in Tay Giang, Nam Giang, Dong Giang district), one script created by Bh’riu Liec, a Katu educator, based on the script used during the war against America, and another script built by the Institute of Linguistics, based on the order of the Department of Science and Technology in Quang Nam.

In terms of science, the script created by the Institute of Linguistics is logical since it was created by people who were trained in linguistics and have experience in script creation. But why is this script not being used as the one and only Katu script?

We believe that there are power factors who influence this decision.

The script by the Institute of Linguistics only has one upside in its scientific and logical nature.

The script created by Bh'riu Liec has various forms of power:

Bh'riu Liec used to be a high-ranking government official in Tay Giang district, someone who was a part of the communist party, and a very educated Katu man who took pride in his heritage, with a desire to show Katu language and culture to the outside. Educated people always exert a strong influence on minor ethnic communities. Therefore, he has political influence and a close connection to the people of Katu, as he himself is one. When Bh'riu Liec promotes his script, the government of Quang Nam has trouble acknowledging and putting the script created by the Institute of Linguistics into use.

Not only he has political powers and a close connection to the Katu people, but his script is seen as the successor to the script that was used during the revolution and was part of propaganda documents utilized to fight America, therefore gaining the power of tradition, being associated to the "glory" past like Unseth [2005] has point out as a decisive factor in the selection of script.

Meanwhile, with real results and research, the government in Thua Thien-Hue has no trouble selecting the script created by the Institute of Linguistics as the official one.

Secondly, we have to unify the Katu script in education, creating dictionaries, and grammar books.

We believe that there is a need for a science conference for people who helped create these two scripts, as well as local leaders and people who influence the community to discuss and analyze to create a unified Katu script based on the foundation that the Institute of Linguistics laid with its script. During a conference in Tay Giang district, local leaders also asked us for advice on how to create a unified script, gain authorization from the government and put in the education program at school. Previously, at a year-end conference in 2021 in Quang Nam, regarding Katu education, there was an agreement to create a unified script for Katu people: Quang Nam has three districts: Dong Giang, Nam Giang, Tay Giang, Thua Thien - Hue has two districts: Nam Dong and A Luoi, they all wished to create an unified script that can be used in education, design curriculum, and write grammar books.

Raglai scripts

The existence of Raglai scripts

From our understanding, based on researching documents and doing field work in Ninh Thuan in 2022, there are 5 acknowledged Raglai scripts, all using Latin letters.

A script created by SIL (Summer Institute of Linguistics) before 1975.

A script used during the war to liberate South Vietnam.

– A script created by a group of authors: Tran Vu and Mau Quoc Tien (in Khanh Son district of Khanh Hoa province) during the final years of the 20th century and the beginning of the 21st century.

– A script proposed by the Institute of Linguistics in 2001, authorized by government officials in Ninh Thuan according to Decision no. 287/2007/QĐ-UBND on 07/11/2007.

– A script created by Mau Thi Bich Phanh, a Raglai who lives in Bac Ai district, approved by the government of Ninh Thuan according to Decision 383/QB-UNBN 08/10/2019.

Currently, the competition among Raglai scripts is mainly between the script created by the Institute of Linguistics in 2001 and the script by Mau Thi Bich Phanh, both of which were approved by officials in Ninh Thuan during different time (the script by the Institute of Linguistics was accepted in 2007, the script by Mau Thi Bich Phanh (was approved in 2019). This is a situation that needs a clear and unified solution, especially in the near future when the Ministry of Education and Training wishes to bring Raglai into the high school curriculum as an optional subject (according to a private discussion with a high-ranking leader of the Department of Ethnic Education).

On the differences between these scripts, there are certain characteristics: The Raglai script created in 2019 by Mau Thi Bich Phanh consists of 26 Latin letters. The noticeable trait of this script is that it does not use tone marks, unlike the script created by the Institute of Linguistics, instead, it uses the consonant letter at the end of the syllable to distinguish the differences in length and nuance of vowels.

Even though Doan Van Phuc (2022) claimed that the script is “very strange”, the script was approved by the Ninh Thuan government and used widely. The script is accepted and used to educate government officials and military forces according to Decision no. 383/QĐ-UBND on 08/10/2019 by the government officials of Ninh Thuan and teach primary school students in the area according to Decision 1839/QB-UBND on 21/9/2021 by the government in Ninh Thuan, who also approved the program for Raglai 1 (SANAUT RADLAI 1), a textbook for students and guidebooks for teachers to practice in the area.

In discussing these two scripts, issues related to selecting which dialect to use as the foundation for the script remain controversial. Doan Van Phuc (2022) claims that “The Raglai script that was proposed by the Institute of Linguistics and Prof. Nguyen Van Loi (in collaborative research with the Department of Science and Technology in Ninh Thuan),is based on the Raglai script in Ninh Son, even though the Raglai in Ninh Son is not common in Ninh Thuan. In reality, people who speak Raglai in this district are a lot fewer than Raglai in Bac Ai district. This is the same reason that Mau Thi Bich Phanh (an educated Raglai in Bac Ai) disagrees.

Suggestions on the selection of Raglai script in Vietnam

Firstly, there is a need for a conference to compare and select the suitable Raglai script. This conference would not only compare the script by the Institute of Linguistics and the script by Mau Thi Bich Phanh, but also the script by Tran Vu and Mai Quoc Tien in Khanh Hoa. There is a need to unify the script and use it officially in the Raglai textbooks (optional subject) in the new Literature program (approved in 2018).

Secondly, after selecting the appropriate Raglai script, there would be adjustments to correct any irregularity in phonological analysis, which would require the participation of linguists.

Thirdly, after creating the unified script, we need to standardize documents that teach speaking and writing Raglai, ensuring its efficiency to improve the quality of teaching and learning Raglai in local areas.

3. Several opinions on the state of minor ethnic writing systems in Vietnam's modern day

After analyzing the clashes between Hmong, Katu, and Raglai scripts, we have these suggestions:

Firstly, and also the most important suggestion, we believe that the language situation in Vietnam has greatly changed, and along with society (in combination with the development of finance and technology in the 4.0 era), there is a need for a decision that meets the demand of reality. It is time to hold a national conference to analyze the situation and deeply discuss issues regarding scripts for ethnic groups. There are two crucial problems: the first one being that it remains unclear whether the government's policy regarding language is sufficient; there is a need to build and approve greater plans, not only to judge but also to make important decisions, such as Decision 53-CP; secondly, this conference must listen to the voice of minority ethnic groups, but also not overlook the benefit of an entire country. Due to the political system in Vietnam, we demand the government to host this conference, which will lead to law documents that enforce the government's view towards minority ethnic languages, especially appropriate scripts, creating potential opportunities for the preservation of these languages, developing values and chances for minority ethnic groups to prove themselves in the age of technology.

Secondly, and very urgently, we need to research, develop and promulgate Language Laws, in which there are articles regarding language, and scripts for minor ethnic groups in Vietnam, to guarantee the language right for minor ethnic groups in a diverse country with multiple languages.

Thirdly, there is a need to establish a subcommittee for minor ethnic languages and scripts. The mission of this subcommittee is to provide counseling for local leaders and government offices, especially when rules regarding minority ethnic languages and scripts are enforced. The structure of this subcommittee must have a presence from leaders of several Institutes and local government officials who are directly involved in planning of minor ethnic language development. In this subcommittee, it is important that there are representatives from the Vietnam Academy of Social Sciences, the Committee for Ethnic Minority Affairs of Vietnam, and the Institute of Linguistics.

References

Bh'riu Liec (2006) *Từ điển tiếng thông dụng C'tu - Kinh và văn hóa làng C'tu* [A Common Language Dictionary of C'tu-Kinh and Culture of C'tu villages] The Department of Culture and Information of Quang Nam Province grants publishing licenses for internal circulation documents.

Bh'riu Liec (2018) *P'ra Co Tu*. Hà Nội: Hội nhà văn.

Bh'riu Liec (2022) Bảo tồn chữ viết dân tộc Cơ Tu: thực trạng và giải pháp kiến nghị [Preserving Co Tu writing system: actual state and petition of solutions], Reported from workshop *Tình hình sử dụng, dạy và học đối với ngôn ngữ, chữ viết Cơ Tu* [Current situation of utilizing, teaching and learning Co Tu language, writing forms] on 15th April, 2022 at People's Committee of Tay Giang district. Quang Nam.

Đoan Van Phuc (2021) Nhìn lại kết quả xây dựng, cải tiến và việc sử dụng chữ viết các dân tộc thiểu số sau quyết định 53-CP [Reviewing the results of reconstructing, improving and utilizing ethnic minorities writing systems after the birth of Decision 53-CP]. Report of the seminar presentation: *Luật pháp hóa những vấn đề về ngôn ngữ, chữ viết dân tộc thiểu số nhằm ổn định và phát triển bền vững ở các quốc gia đa dân tộc* [Promulgating legal documents on the problems of languages, ethnic minorities writing systems and aiming stabilization, substantial growth in multi-ethnicities nations], organized by Institute of Linguistics VASS Hanoi, 2021.

Đoan Van Phuc (2022) *Nghiên cứu hoàn thiện chính sách, pháp luật về ngôn ngữ dân tộc thiểu số vì sự phát triển bền vững của đất nước* [Research in completing policy, law of ethnic minorities languages for national substantial growth] // Independent state-level project, No. DTĐLXH-07/18, inspected in 2022.

Committee for Ethnic Minority Affairs (2013) Báo cáo tóm tắt kết quả dự án điều tra cơ bảnviệc sử dụng tiếng nói, chữ viết của đồng bào dân tộc Mông" [A report on the research of writing and speaking Mong]. Ha Noi.

Hoang Tue (1986) *Sách học tiếng Pakôh – Taôih* [Pakoh - Taoih language Textbook]. Huê: Ùy ban Nhân dân tình Bình Tri Thiên Hue [Hue: People's Committee of Binh Tri Thien province.

Ho Ba Hua (2014) Báo cáo kết quả điều tra, nghiên cứu thực trạng sử dụng chữ Mông ở các tỉnh Yên Bái, Lai Châu, Điện Biên, Hà Giang và Cao Bằng [Report of investigation, research results on the current situation of utilizing Mong writing forms in Yen Bai, Lai Chau, Dien Bien, Ha Giang and Cao Bang provinces], Local Office I, Ethnic Committee.

Nguyen Huu Hoanh (2009) Suy nghĩ về một phương án sửa đổi chữ viết Cơtu [Thinking about ways to change Katu script], in *Tìm hiểu ngôn ngữ các dân tộc ở Việt Nam* [Discover minor ethnic languages in Vietnam] / Tạ Văn Thông (Ed.), Publisher *Khoa học xã hội*. Pp. 49–63.

Nguyen Huu Hoanh (2021) Vấn đề các phương ngữ Cơ Tu và việc biên soạn sách dạy-học tiếng Cơ Tu" [Issues in Katu dialect and creating an educational program] // Từ điên hoc và Bàch khoa thu Viêt Nam [Lexicography and Encyclopedia of Vietnam. No. 1.

Nguyen Huu Hoanh (Ed.), Nguyễn Văn Lợi, Tạ Văn Thông (2013) *Ngôn ngữ chữ viết các dân tộc thiểu*

số ở Việt Nam (những vấn đề chung) [Minor ethnic languages and their challenges], Publisher *Từ điển Bách khoa*. Hà Nội.

Nguyen Huu Hoanh, Nguyễn Văn Lợi (1995) *Tiếng Katu* [Katu language], Publisher *Khoa học Xã hội*. Hà Nội.

Nguyen Kien Tho (2016) Vấn đề lựa chọn chữ Mông trong đào tạo, bồi dưỡng tiếng Mông hiện nay [Issues in selecting HMong script in education and training] // Tap chí Khoa hoc Truòng Đai hoc Tân Trào [Science Journal of Tân Trào University]. No. 7. Available *at* https://sti.vista.gov.vn/file_DuLieu/dataTLKHCN// CVv444/2016/CVv444S032016063.pdf. Access date: 15.08.2023. (In Vietnamese)

Nguyen Kien Tho, Le Van Chinh (2014) Vấn đề sử dụng và phổ biến chữ Mông hiện nay, nhìn từ thực tiễn tại hai tỉnh Bắc Kạn và Thái Nguyên [Issues in using and popularizing HMong script, from the perspective of the people in Bac Kan and Thai Nguyen]. Reported in the conference HMong script in Vietnam: Reality of its usage, popularity and usage in the preservation of ethnic culture. Lao Cai.

Pham Thi Phuong Thai (2021) Đào tạo, bồi dưỡng tiếng Mông cho cán bộ công chức-Từ thực tế trung tâm nghiên cứu-đào tạo ngôn ngữ& văn hóa dân tộc thiểu số vùng núi phía Bắc [Training and fostering Hmong language for civil servants : From reality research and training center for ethnic minority languages & cultures in the Northern mountainous region]. Report of the conference: *Bảo tồn và phát huy sự đa dạng ngôn ngữ và văn hóa, góp phần phát triển bền vững ở quốc gia đa dân tộc, đa ngôn ngữ* [Preserving and developing language and culture diversity, growing a stable country with multi-ethnic groups and languages], hosted at the Institute of Linguistics VASS in June 26th 2021.

Ta Van Thong, Ta Quang Tung (2017) *Ngôn ngữ các dân tộc ở Việt* Nam [Ethnic languages in Vietnam]. 728 tr. Publisher Đại học Thái Nguyên.

Unseth, P. (2005) Sociolinguistic parallels between choosing scripts and languages // Written Language & Literacy 8. Pp. 19–42

Vù Ba Thông (2010) Để dạy và học tiếng dân tộc có hiệu quả [Teaching and learning ethnic languages effectively] // Đân tôc [Ethnology]. Sô 118/2010. Available at: http://www.cema.gov.vn/2010-10-11/d3fc5e004445fb9f889cedd31bc37651-cema.htm. Access date: 02.06.2023 (In Vietnamese)

Nguyen Van Hiep – Professor, School of Languages and Tourism, Hanoi University of Industry
Address: 298, Cau Dien Street, Hanoi, Vietnam
E-mail: nvhseoul@gmail.com, hiepnv@haui.edu.vn

Для цитирования: *Нгуен Ван Хьеп.* Конфликт письменности среди миноритарных народов Вьетнама хмонг, кату и раглай [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 98–111. (На англ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-98-111

For citation: *Nguyen Van Hiep.* Conflicts of writing system among ethnic minority communities in Vietnam : a case of Hmong, Katu, and Raglai [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 98–111 DOI: 10.37892/2713–2951–2-98-111

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-112-128

CURRENT STATE OF ENDANGERED ETHNIC MINORITY LANGUAGES IN VIETNAM

Duong Thu Hang, Nguyen Thu Quynh
Thai Nguyen University of Education, Vietnam

In the light of the digital revolution that is taking place strongly around the world, the threat of the endangerment of ethnic minority languages in many nations in general and in Vietnam in particular is gradually becoming an urgent issue. The main goal of this article is to address two issues: (1) describing the current state of endangered ethnic minority languages in Vietnam today, (2) proposing some solutions for preserving endangered ethnic minority languages in Vietnam. The sociolinguistic investigation method, language structure research method, and endangered language dataization technique are the key methodologies employed in this study. According to the findings, there is a significant risk of extinction for the 35 surveyed ethnic minority languages and dialects in Vietnam on three different levels: Level 1 refers to the extremely endangered endangered languages and dialects (06); Level 2 to the severely endangered endangered languages and dialects (19); and Level 3 to the highly endangered languages and dialects (10). Two categories of language preservation strategies have been put forth: static preservation (language documentation) and dynamic preservation (real-world application).

Keywords: *endangered languages, ethnic minorities, Vietnam, current state, solutions*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКОВ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ, ВО ВЬЕТНАМЕ

Зыонг Тху Ханг, Нгуен Тху Куинь
Педагогический университет Тхай Нгуен, Вьетнам

В контексте мировой цифровизации угроза исчезновения языков этнических меньшинств во многих странах, в том числе во Вьетнаме, становится актуальной проблемой. Цель статьи - описать текущее состояние языков этнических меньшинств во Вьетнаме, находящихся под угрозой исчезновения и предложить решения для сохранения миноритарных языков Вьетнама. Результаты предпринятого исследования показывают, что существует значительный риск исчезновения 35 исследованных миноритарных языков и диалектов. Данные идиомы делятся на три группы: первая группа включает языки и диалекты, находящиеся под угрозой исчезновения (06); вторая группа включает языки и диалекты, находящиеся под серьезной угрозой исчезновения (19); третья группа вкючает языки и диалекты, находящиеся под значительной угрозой исчезновения (10). Предлагаются две стратегии сохранения идиомов: статическое сохранение (языковая документация) и динамическое сохранение (реальное применение).

Ключевые слова: *языки, находящиеся под угрозой исчезновения, этнические меньшинства, Вьетнам, современное состояние, решения*

1. Introduction

The risk of loss (also known as the risk of extinction or endangerment) for ethnic minority languages has so far been global in nature and cannot be excluded in Vietnam. The United Nations Educational and Cultural Organization (UNESCO) and many other social organizations, in addition to linguists, are concerned about this issue. One of the most frequently mentioned points is language rights and sustainable development in multi-ethnic and multilingual countries.

Researchers around the world have issued warnings about the alarming endangerment of some languages. A language perishes when there is no speaker, no member of the younger generation to learn it. UNESCO [2003: 2] in its report Language Vitality and Endangerment confirms "a language is endangered when it is on a path toward extinction. Without adequate documentation, a language that is extinct can never be revived"; "a language is in danger when its speakers cease to use it, use it in an increasingly reduced number of communicative domains, and cease to pass it on from one generation to the next". This situation has made researchers around the world and in Vietnam very interested in endangered languages.

Vietnam has 53 ethnic minorities, with more than 14 million people residing in 51 provinces and cities. The largest residential areas are in the Northwest, Central Highlands, Southwest, and Central regions, which also have significant geopolitical locations. These are often border areas, deep-lying and remote areas that are especially difficult. The Northwest, Central Highlands, Southwest, and Central regions all have sizable residential areas and significant geopolitical locations, which are also extremely challenging borderlands, and deep-lying, remote regions. Researchers and policymakers have therefore always been interested in minimizing challenges and shortcomings in social life, particularly in the culture of ethnic minorities in Vietnam, in order to support the achievement of the common goal of the strategy for sustainable development of ethnic minority areas by 2025 and the vision orientation to 2030. In such a context, there are many socio-economic problems arising in ethnic minority areas that require urgent solutions. It is impossible avoid requesting solutions to preserve and develop traditional cultural capital, especially the endangered languages of ethnic minorities. This is a real and risk in many multi-ethnic countries, including Vietnam.

For many years, the Party and State have always paid attention to investing resources for the socio-economic and cultural development of ethnic minorities. It is undeniable that the great achievements of ethnic policies have been implemented in Vietnam. However, with the characteristics of a multi-ethnic and multi-cultural country, no policy can be suitable for all ethnic groups and all regions. Moreover, the practice of development policies by the Party and State in ethnic minority areas is always considered the key to practicing policies for sustainable development. The preservation and promotion of traditional cultural values of ethnic minorities continue to be of interest. However, the content of preserving and developing endangered ethnic minority languages in Vietnam is often

scattered or "accompanied" in many policies with other content, often unnoticed or not feasible. The answer to how to achieve the desired effect can only be obtained through study of theory, summarization, complete and profound analysis of Vietnamese practice, and fundamentally, synchronously, and systematically shaping solutions, policy models, and preservation and development solutions for endangered ethnic minority languages in Vietnam.

From both a theoretical and practical viewpoint, it can be said that learning about the situation of endangered languages in Vietnam is a crucial subject because:

Firstly, the language of ethnic minorities is one of the elements of culture, an important criterion to determine the ethnic composition, a means of preserving indigenous knowledge of the community, and a contribution to the culture of each ethnic group, one of their most fundamental identities.

Secondly, as a result of the Industrial Revolution 4.0, globalization, and other factors, some ethnic minority languages are rapidly disappearing, which is an issue of concern to the whole world. When a language vanishes, a piece of human history and culture is lost, then making the culture of the entire world "poor".

Thirdly, preserving and developing ethnic minority languages in danger of extinction in Vietnam is associated with protecting the rights of ethnic groups to languages, ensuring diversity in unity. On the one hand, this contributes to the realization of the Party's lines and policies on ethnic languages in the 2013 Constitution; on the other hand, it is also the legitimate aspirations of ethnic minorities whose languages are in danger of extinction. Moreover, it is the concretization of ensuring human rights, citizens' rights – the right to speak their own language, contributing to maintaining and developing the diversity of the language ecosystem.

2. Literature Review

The issue of endangered languages has been mentioned by many researchers, such as Peter Ladefoged (1992), Konrad Schröder (1995), Lenore A. Grenoble (1998), Dieter Wunderlich (1998), Matthias Brenzinger (2007), Lindsay J. Whaley (2009), Christopher Moseley (2010), Peter K. Austin, and Julia Sallabank (2011).

Some authors have proposed a scale to assess language vitality. The earliest is the assessment by the authors: Giles, Bourhis, and Taylor (1977). They emphasized the importance of language transfer in the intergenerational family (from one generation to the next). Among the assessment methods, the most influential are the Intergenerational Disruption Scale (GIDS, Graded Intergenerational Disruption Scale) introduced by Fishman in 1991 and the 9-factor scale assessment introduced by UNESCO in 2003.

Evaluating the vitality of endangered languages and figuring out how well they are surviving are

prerequisites for language preservation [Dorian, 1992; Dixon, 1997]. Michael E. Krauss (1997) proposed a language warning system with 10 levels in which he focused on language transmission through generations.

David Crystal (2002) classifies languages into five levels: *Viable languages; Viable but small languages; Endangered languages; Nearly extinct languages;* and *Extinct languages.*

Stephen Wurm (2001) identified seven levels of language extinction: *Safe, Stable yet threatened; Vulnerable; Definitely endangered; Severely endangered; Critically endangered,* and *Extinct.* Stephen Wurm's identification system focuses on two basic factors: the number of people using the language and the transmission of the language to the next generation.

Sun Hongkai (2008) identified a six-point scale to assess the vitality of China's ethnic minority languages as follows: (*1) dynamic; (2) robust or active; (3) dwindling vitality, threatened, and showing some signs of endangerment; (4) definitely endangered; (5) minimal vitality and severely endangered; and (6) Critically endangered, inactive or extinct.*

UNESCO (2011) has developed the Atlas of the World's Endangered Languages based on the number of people using the language. In this document, Wurm proposes five levels of language extinction as follows: *Vulnerable languages; Endangered languages; Seriously Endangered Languages; Critically Endangered Languages; Extinct languages.*

After two years of research by a special group of linguists commissioned by UNESCO, a document titled Language Vitality and Endangerment was published in 2003. This document has established six levels of danger to the language, as follows: *Safe (5); Stable yet threatened (5); Vulnerable (Vulnerable) (4); Definitely endangered (3); Severely endangered (2); Critically endangered (1); Extinct (0).*

According to the classification of Peter K. Austin and Julia Sallabank (2011), there are six different levels of danger. *Safe; At Risk; Disappearing; Moribund; Nearly Extinct;* and *Extinct.*

In addition to the nine criteria put forth by UNESCO to determine the viability of the Ngwi language (China), Katie B. Gao (2015) also considered three criteria suggested by the Chinese Academy of Social Sciences to determine the viability and endangered status of Chinese languages. For a measure of language vitality, Katie B. Gao also used the Language Endangerment Index (LEI). Languages Catalog (ELCat), an online representation of the Endangered Languages Project (Lee & Van Way, 2014), created this index. The LEI index, which establishes the standards for language transmission between generations, is twice as high as other sets of criteria for evaluating language vitality. The four criteria in the LEI are: (1) intergnerational transmission; (2) absolute number of speakers; (3) speaker number trends; and (4) domain of use. LEI scores four criteria on a scale of 0–5, where 0 is "safe" and 5 is "critically endangered".

As can be seen, worldwide researchers employ three fundamental criteria – the number of language users, the degree of language transmission, and the breadth of language use in community life – to determine the degree to which a language is endangered.

Nguyen Van Loi raised the issue of endangered languages in Vietnam for the first time in 1999. In order to address practical issues in Vietnam, the author raised and analyzed theoretical issues related to endangered languages, such as endangered language status, as well as concerns that must be resolved to preserve and enhance the diversity of languages and ethnic cultures in Vietnam.

Nguyen Van Loi (1999) divided endangered ethnic minority languages in Vietnam into the following five categories based on their survival and socio-linguistic conditions: Languages are (1) almost lost; (2) seriously endangered; (3) at risk of extinction in the younger generation; (4) used by a few thousand to tens of thousands of people; (5) used by ten thousand to a few tens of thousands of people.

Ta Van Thong (2011), based on the situation in Vietnam, has divided language status into four different levels as follows: (1) Language is “healthy”; (2) Language is “weakened”; (3) Language is “endangered”; (4) Language is “almost only in memory”.

The issue of endangered languages has also been addressed by author Nguyen Van Loi (2012) in a series of studies on collecting data and compiling a search work to preserve endangered languages in Vietnam. The author has raised five relevant issues in these articles:

1) Language encyclopedia and language rights issues;

2) Endangered language: Language is disappearing and endangered;

3) Red Book: Encyclopedia of Endangered Languages in the Russian Federation;

4) Endangered languages in Vietnam and the compilation of search works on them;

5) Case study: Ngôn ngữ của người Cơ Lao ở Việt Nam (Language of the Co Lao people in Vietnam)

Also in these studies, author Nguyen Van Loi mentions three levels of language decay: language is being lost, language is dying, and language is endangered.

The issue of “the death of language in the present era” is raised in a 2012 study by Nguyen Van Khang. The risk of languages being lost over time, particularly at a time when globalization is a major global trend, is real. According to him, the signs to recognize a language at an unsafe level are: the number of users and their age; their proficiency level; and the scope of use. The number of users is the most recognizable of these indications. However, it can also be seen that population is no longer the number one indicator when combined with other factors. Therefore, signs to recognize that a language

is at an unsafe level also need to consider other factors such as whether those people live in concentration or not, the impact of the living environment on that language, language culture, etc.

Regarding the death of a language as well as the threat to a language, author Nguyen Van Khang poses three issues:

1) Is this the death of a language or just the death of a form of existence of a language (dialect)?

2) Is the entry of other linguistic elements into a language considered an "unsafe" risk leading to the death of the language?

3) Does the gradual loss of dialects of a language belong to the content of "the death of language"?

Nguyen Van Khang (2014) continued to bring up concerns about endangered, nearly extinct, and extinct languages while analyzing the current state of language in Vietnam. According to him, Vietnam is also facing a number of languages that are endangered. It is the language of five ethnic groups with a population of less than 1,000 including Si La, Pu Peo, Ro Mam, Brau, and Odu. He also supposed that the so-called "language in danger of extinction" or "endangered language" will encompass both language and dialect due to the complexity of the interaction between language and dialect, which is generally referred to as "language" in television (may be language, can be dialect).

Nguyen Van Loi and his research colleagues on ethnic minority languages also conducted "*Investigation on Vietnamese ethnic minority languages*" (1995–2000), "*Investigation of ethnic minority languages contributing to redefining ethnic composition in Vietnam*" (2000–2005), "*Investigation, collection, and research on traditional writing systems of Vietnamese ethnic minorities*" (2000–2005); carried out many research projects such as "*Completing handwriting script and compiling Pa Co-Ta Oi language book*" [Binh Tri Thien Province, 1984–1985]; participated in a number of cooperation projects with Russian and American scientists, such as the program "*Vietnam-Soviet Union (later Vietnam-Russia): field survey on Vietnamese ethnic minority languages*" from 1985 to 2011 and the project in collaboration with Jerold Edmondson, University of Texas at Austin, USA, "*Surveying ethnic minority languages along the Vietnam-China border*" from 1995 to 2000.

Tran Tri Doi (2018) said that among 53 ethnic minorities in Vietnam, the number of languages corresponding to the number of ethnic groups is currently an issue that needs further discussion. When talking about the list of endangered languages in Vietnam, one can refer to the language of an ethnic group and also to the dialect or dialect of an ethnic subgroup. Based on it, he compiled a detailed list of the endangered languages (languages, regional dialects, and indigenous dialects) in Vietnam at five levels. Specifically:

1) The extinct language: Edu;

2) The critically endangered languages: Co Lao Do dialect, Song dialect, Thuy dialect, Bo Y

language, Ro Ma language, Brau language;

3) The severely endangered languages: Tu Di dialect, Co Lao Trang dialect, Pu Peo dialect, Nung Ven dialect, Dan Lai – Ly Ha dialect, Tay Pong dialect, Ma Lieng dialect, May dialect, Ruc dialect, Sach dialect, Arem dialect;

4) The definitely endangered languages: La Chi, La Ha, Mang, Khang, Cong, Si La, Xa Pho, and Phu La;

5) The vulnerable languages: Xinh Mun, La Hu, Na Meo, Pa Then, Lo Lo, Pa Co and Pa Hi dialects.

Thus, according to Tran Tri Doi, in the list of 32 languages or dialects listed, there is one language on the verge of extinction, which is the Ơ-đu language of the Ơ-đu ethnic group. The rest are thought to be in various degrees of endangerment.

Ta Van Thong and Ta Quang Tung (2017) argue that the languages of ethnic communities in Vietnam exist in three states: the state of being maintained, the state of being endangered, and the state of being lost. The authors identify several factors, including demographics, language use and teaching, ethnic minorities' handwriting, literary language emergence and development, scientific study, and social psychology, as reasons for language loss.

In summary, the basic research on endangered languages in the world and in Vietnam has now obtained certain results. First of all, it is the fact that scientists have relatively unified in defining the connotation of the term "*Endangered languages*" (languages at risk of endangerment, languages under threat, languages at risk of loss, languages at risk of extinction) and agree with the set of nine criteria proposed by UNESCO for identifying endangered languages. On that basis, the researchers initially classified the levels of language endangerment, determining a list of endangered languages according to each level. However, the determination of the list and geographical indications of languages has not been unified and has been studied synchronously in all 13 hot spots in the world for endangered languages (especially in Indochina, including Vietnam), the central region of the language hotspot.

The findings of this study are restricted to literature publications, structural descriptions, or lexical data of endangered languages. When studying endangered languages, linguists face the urgent need for quantitative studies, the provision of precise parameters to classify the level of language endangerment, the identification of a list of endangered languages at each level, the analysis of the factors contributing to language endangerment, and the creation of a data bank of endangered languages using modern technology. On that basis, the issue of studying endangered languages is transnational and territorial in order to make predictions about the development trend of each language.

3. Methodology

The sociolinguistic investigation method and the research method of language structure and endangered language dataization techniques were combined to ascertain the reality of endangered ethnic minority languages.

In the first group of methods, the following methods and tricks were flexibly applied:

1. Field method.

– Communicating ritually through 12 seminars at the survey site and freely exchanging with relevant individuals to collect authentic, multi-dimensional information.

– Conducting in-depth interviews based on scenarios that are appropriate for two primary subjects: members of ethnic minorities whose languages are endangered, managers and respectable locals.

– Making observations, taking notes, recording audio and video to comment, and evaluating the information to be collected

– Doing a case study: Due to the broad nature of the research's subject and scope, it is required to choose representative cases for in-depth analysis.

Due to limited human and financial resources, the study only surveyed 35 ethnic minority languages in 12 provinces (Ha Giang, Lang Son, Quang Binh, Kon Tum, Lai Chau, Son La, Ha Tinh, Nghe An, Cao Bang, Dien Bien, Lao Cai, and Tuyen Quang) that were predicted to be at high risk of extinction. The districts and provinces on the list of districts and provinces selected for the survey (on a national scale) are the "origin" districts and provinces of endangered languages or with significant populations of ethnic minorities. This study relies on the actual situation to survey ethnic minority languages effectively and appropriately in accordance with the permitted language and geographic scope: There are languages surveyed in 1 province and district; there are languages surveyed in 2 to 3 provinces and districts. This is a good choice for several languages with extremely broad distribution areas for which earlier research lacked survey data.

2. Expert method.

This method is employed to gather data from experts, including policymakers, researchers in related subjects, managers at all levels, etc. In-depth interviews, consultations, in-depth discussions at seminars, scientific seminars, etc. are a few of the techniques of conduct. In order to get a more impartial perspective on issues affecting ethnic minorities, the study has gathered and assessed a variety of expert viewpoints.

3. Documentary research method.

This method is used to analyze and refine information from collected documents, such as the Constitution, laws, documents of the Party and State, Government decrees, local documents, foreign

documents, etc. On that basis, analyzing, evaluating, and synthesizing problems helps the researchers deploy in the right direction, have a solid legal basis, and propose practical and feasible solutions.

This method uses statistical analysis, surveys, descriptions, etc.

In addition, the technical means and equipment used are recorders, cameras, video recorders, etc. The sociological questionnaires P04 and P05 are processed by SPSS software.

Three questionnaires were built in group 2 to learn about language structure, including: one *Questionnaire about vocabulary*, one *Questionnaire on structure* (Single and complex sentences), and one *Questionnaire on speech purpose* (Questions, imperative sentences, and exclamatory sentences). For languages surveyed in one province: Each province chooses 1 to 2 districts, and each district chooses 1 to 2 communes. 60 questionnaire samples per language are divided equally among actual units, or if the unit with the highest quality of ethnic minority people can be selected, the sample survey will be conducted. Those who choose to record must ensure professional criteria.

From the collected structural documents of endangered ethnic minority languages, the researchers used the descriptive method to show the features of that language in the following aspects: origin relationship, typological characteristics, lexical features, grammatical features, and sociolinguistic features (self-names and variations, names and variations; scope of language, multilingualism and bilingualism use; scope of language use; and language attitudes of native speakers). From there, the main goal is to establish a scientific foundation for the Red Book of Vietnamese ethnic minority languages that are endangered.

Statistical classification techniques are used to analyze the data and identify endangered ethnic minority language groups that need further research.

Techniques of endangered language dataization

To dataize a language at risk of extinction in audio form, the first stage that needed to be performed was recording. During the recording process, collaborators were asked to read lexical units or sentences (according to the meaning given in Vietnamese, thereby finding the corresponding units in their mother tongue); each unit was read three times (with separate words) and twice (with utterances as sentences) in daily pronunciation.

Audio files were recorded at a sample rate of 22,050 Hz, 16 bits, as.wav files and recorded with a dedicated recorder such as the H2n Handy Recorder or the H2 Handy Recorder. The reason for the need is a dedicated recorder because most of the current receivers on the market record in an omnidirectional format that means, when recording, the sound is captured in both the front and rear of the machine. In order for the recording process to be effective, it is best to choose a unidirectional receiver, which only focuses and collects sound from the front machine.

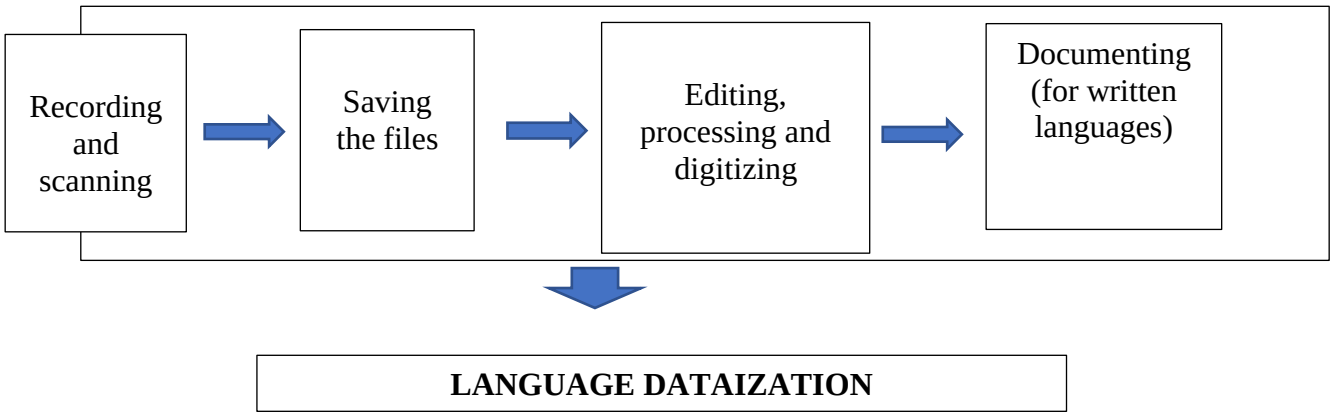
After that, the data was processed and digitized using the phonetic analysis programs Praat, Speech Analyzer, and WinCecil.

From here, the researchers obtained some parameters such as intensity (intensity), length (duration), pitch (pitch), spectrum (spectrogram), etc. of the audio files.

After recording and obtaining an audio documentation system, the voices of ethnic minority languages were recorded in the form of text fragments. These texts consist of two parts. The first part is the language of the ethnic minorities, recorded in the international phonetic notation IPA. The second part is the Vietnamese translation written just below the ethnic minority text.

With such a system of textual documents, researchers can conduct research on grammar and build writing, and at the same time, this is also a collection of very useful contexts for the process of building electronic dictionaries and online dictionaries later.

In summary, thes language dataization includes the following steps:

4. Research findings

Situation of 35 endangered ethnic minority languages/ dialects in Vietnam

Building a set of criteria to identify and evaluate the level of language loss

Among many solutions to preserve and develop ethnic minority languages in Vietnam today, we choose to build a set of criteria to identify and evaluate the level of language loss with the desire to provide a list with a specific level of endangerment. This will be the basis for policy makers, scientists and localities to choose the preferred language to take appropriate and effective preservation actions.

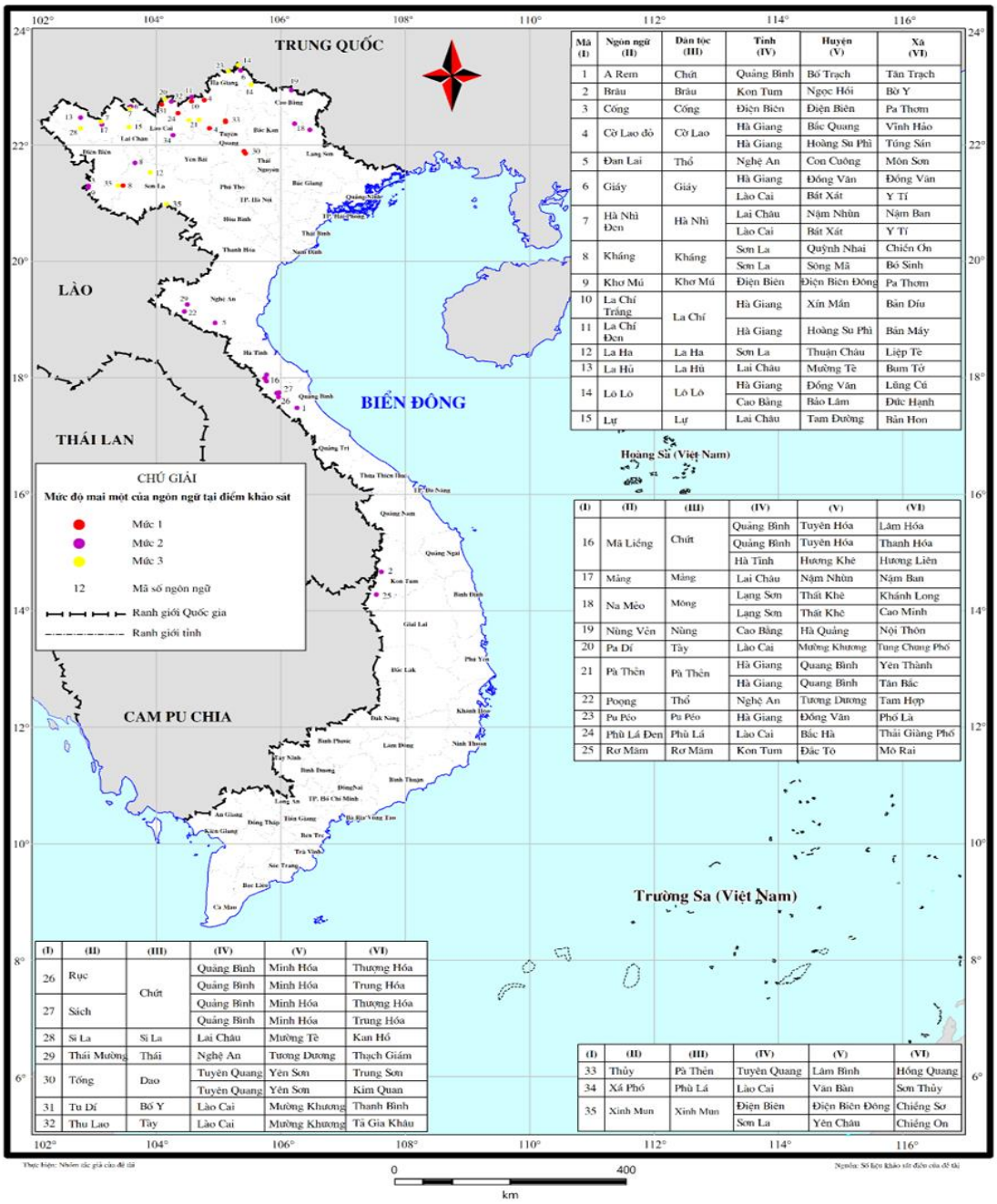
The set of criteria is built on the basis of analyzation of the advantages and disadvantages of the criteria sets in the world combined with specific language situations in Vietnam. We have drawn 07 lessons from experience to build a set of criteria appropriate to the linguistic situation in Vietnam.

The set of criteria includes 07 criteria and 18 specific indicators: Number of speakers (Number of speakers of the same ethnicity, Number of people of the same language in an ethnic group); Transmission (The next level of language use by generations, Forms of language transmission); Scope of use (Family use, community use); Language culture (Handwriting, Language storage, School use, Media use, Research); Attitudes and aspirations of native speakers (Attitudes of native speakers, Aspiration of native speakers); Language position (Position relative to Vietnamese language, Position relative to other languages in the region); The State's viewpoints, policies and solutions (the State acknowledges the existence of languages, the State has a policy of language preservation and development, the State has solutions to implement the policy of language preservation and development).

The research team followed a 5-step procedure based on a set of criteria to identify endangered ethnic minority languages, which included: 1) Examining the list of endangered languages in Vietnam identified in the research hypothesis; 2) Using a set of criteria to screen and identify endangered languages in Vietnam; 3) Comparing the list with the list in the research hypothesis and choosing the appropriate list of languages to determine the language endangerment index; 4) Determining the language endangerment index for ethnic minority languages in Vietnam using a set of criteria to identify endangered languages in conjunction with an investigation and survey of the current status of the languages; 5) Compiling a list of the 35 ethnic minority languages spoken in Vietnam and assigning a level of endangerment based on the language endangerment index.

The criteria for identifying endangered ethnic minority languages and the list of endangered ethnic minority languages in Vietnam are essential and crucial instruments for state management agencies to evaluate the level of endangerment of ethnic minority languages in Vietnam. The State can then implement the necessary regulations and measures to protect these languages or develop unique solutions for each language in line with that language's status.

Survey diagram

Mã (I)	Ngôn ngữ (II)	Dân tộc (III)	Tỉnh (IV)	Huyện (V)	Xã (VI)
1	A Rem	Chứt	Quảng Bình	Bố Trạch	Tân Trạch
2	Brâu	Brâu	Kon Tum	Ngọc Hồi	Bờ Y
3	Cống	Cống	Điện Biên	Điện Biên	Pa Thơm
4	Cờ Lao đỏ	Cờ Lao	Hà Giang	Bắc Quang	Vĩnh Hảo
			Hà Giang	Hoàng Su Phì	Tùng Sán
5	Đan Lai	Thổ	Nghệ An	Con Cuông	Môn Sơn
6	Giáy	Giáy	Hà Giang	Đồng Văn	Đồng Văn
			Lào Cai	Bát Xát	Y Tí
7	Hà Nhì Đen	Hà Nhì	Lai Châu	Nậm Nhùn	Nậm Ban
			Lào Cai	Bát Xát	Y Tí
8	Kháng	Kháng	Sơn La	Quỳnh Nhai	Chiến Ơn
			Sơn La	Sông Mã	Bó Sinh
9	Khơ Mú	Khơ Mú	Điện Biên	Điện Biên Đông	Pa Thơm
10	La Chí Trắng	La Chí	Hà Giang	Xín Mần	Bản Díu
11	La Chí Đen		Hà Giang	Hoàng Su Phì	Bản Máy
12	La Ha	La Ha	Sơn La	Thuận Châu	Liệp Tè
13	La Hủ	La Hủ	Lai Châu	Mường Tè	Bum Tở
14	Lô Lô	Lô Lô	Hà Giang	Đồng Văn	Lũng Cú
			Cao Bằng	Bảo Lâm	Đức Hạnh
15	Lự	Lự	Lai Châu	Tam Đường	Bản Hon

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)	(VI)
16	Mã Liềng	Chứt	Quảng Bình	Tuyên Hóa	Lâm Hóa
			Quảng Bình	Tuyên Hóa	Thanh Hóa
			Hà Tĩnh	Hương Khê	Hương Liên
17	Mảng	Mảng	Lai Châu	Nậm Nhùn	Nậm Ban
18	Na Mèo	Mông	Lạng Sơn	Thất Khê	Khánh Long
			Lạng Sơn	Thất Khê	Cao Minh
19	Nùng Vẻn	Nùng	Cao Bằng	Hà Quảng	Nội Thôn
20	Pa Dí	Tày	Lào Cai	Mường Khương	Tung Chung Phố
21	Pà Thẻn	Pà Thẻn	Hà Giang	Quang Bình	Yên Thành
			Hà Giang	Quang Bình	Tân Bắc
22	Poọng	Thổ	Nghệ An	Tương Dương	Tam Hợp
23	Pu Péo	Pu Péo	Hà Giang	Đồng Văn	Phố Là
24	Phù Lá Đen	Phù Lá	Lào Cai	Bắc Hà	Thải Giàng Phố
25	Rơ Măm	Rơ Măm	Kon Tum	Đắc Tô	Mô Rai

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)	(VI)
26	Rục	Chứt	Quảng Bình	Minh Hóa	Thượng Hóa
			Quảng Bình	Minh Hóa	Trung Hóa
27	Sách		Quảng Bình	Minh Hóa	Thượng Hóa
			Quảng Bình	Minh Hóa	Trung Hóa
28	Si La	Si La	Lai Châu	Mường Tè	Kan Hồ
29	Thái Mường	Thái	Nghệ An	Tương Dương	Thạch Giám
30	Tống	Dao	Tuyên Quang	Yên Sơn	Trung Sơn
			Tuyên Quang	Yên Sơn	Kim Quan
31	Tu Dí	Bố Y	Lào Cai	Mường Khương	Thanh Bình
32	Thu Lao	Tày	Lào Cai	Mường Khương	Tả Gia Khâu

(I)	(II)	(III)	(IV)	(V)	(VI)
33	Thủy	Pà Thẻn	Tuyên Quang	Lâm Bình	Hồng Quang
34	Xố Phó	Phù Lá	Lào Cai	Văn Bàn	Sơn Thủy
35	Xinh Mun	Xinh Mun	Điện Biên	Điện Biên Đông	Chiềng Sơ
			Sơn La	Yên Châu	Chiềng On

Survey results of 35 endangered ethnic minority languages/ dialects in Vietnam

Analysis of the main factors affecting the endangerment of ethnic minority languages in Vietnam

It can be affirmed that all the ethnic minority languages surveyed by our researchers are in a state of high endangerment with the following 07 characteristics:

1. The habitats are difficult such as high mountains, deep forests, rugged terrain, and harsh climates; the residence and coexistence make small languages tend to be lost and assimilated naturally.

2. The economic, cultural, and social living standards are low and backward; living conditions and enjoying policies face many shortcomings.

3. The population is small; the percentage of people who speak their mother tongue is decreasing over time and with age, from old to young.

4. The mother tongue transmission is increasingly weakened from the scope, form, extent and content of the lineage.

5. The scope of use of mother tongue is increasingly narrow, mainly in the family and for middle-aged and older children; fewer and fewer people can use it.

6. The function and position of the mother tongue compared to Vietnamese or regional dialects are increasingly limited.

7. Attitudes and aspirations of language subjects are still basically positive, but most still choose Vietnamese as priority to ensure the current needs of subsistence, integration and development.

According to our assessment, at the present, all linguistic entities of 53 ethnic minorities are in Level 4 – Definitely endangered, and higher.

For 35 ethnic minority languages that have been practically surveyed and evaluated for their level of endangerment according to the Criteria, there are 06 languages at Level 1 - Extremely endangered (*Cờ Lao Đỏ, La Chí Trắng, Phù Lá Đen, Tống, Tu Dí, Thủy*), 19 languages at Level 2 - Severely endangered (*Arem, Rơ Măm, Brâu, Đan Lai, Khơ Mú, La Chí Đen, Nùng Vẻn, Poọng, Rục, Sách, Thái Mường, Mã Liềng, Mảng, Na Mẻo, La Hủ, Thu Lao, Xá Phó, Cống, Giáy*);and 10 languages at Level 3 - Highly endangered (*Hà Nhì Đen, Kháng, Pu Péo, La Ha, Lô Lô Đen, Lự, Pa Dí, Pà Thẻn, Si La, Xinh Mun*).

Thus, the survey results show that in general, all surveyed ethnic minority languages are “minority of minority” languages, which are at a high level of endangerment and need urgent preservation.

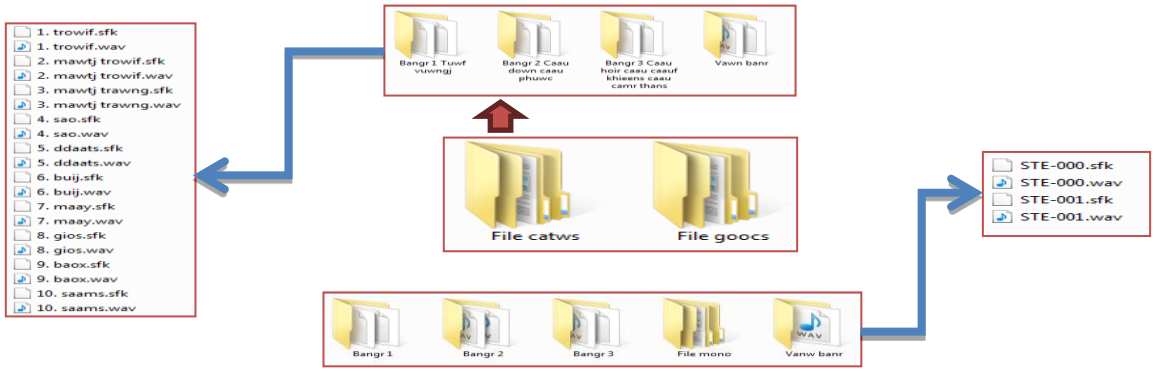
Proposals for preservation of endangered ethnic minority languages

We pay attention to 2 main groups of solutions.

Static preservation: documenting 35 ethnic minority languages

All units of Vocabulary, Grammar and Text are kept in word file and audio file with quality assurance.

Database set (including modules sound – vocabulary, grammar and text):

During the implementation of the project, the research team had the opportunity to visit and learn from the most modern culture and language preservation model such as CoEDL[24] and PARADISEC[25] at the University of Melbourne, Australia. Here, we are accesed to the paradisec archive and been shared with this documentary method.

Research and build a database for the compilation of the Red Book

In addition to the database, the project has researched and built a specific and systematic scientific basis for the compilation of *the Red Book of ethnic minority languages in Vietnam*. Hopefully, the compilation of this Red Book will come into reality soon and this is also one of the plans to preserve ethnic minority languages with multifaceted value.

Besides linguistic solutions, the dynamic conservation of endangered languages in Vietnam also needs attention: putting into use in daily life such as education, communication, culture, indigenous tourism, etc. This solution still faces many barriers that need to be removed in the coming time.

5. Discussion and conclusion

It is known that the Vietnamese government soon had a progressive and humanistic policies on the languages of ethnic minorities, namely 1) recognizing and guaranteeing the right of all ethnic groups to have their own language in the Vietnamese territory. Male; 2) legally recognizing the equal rights and free development of all ethnic languages in the territory of Vietnam; 3) creating favorable conditions for ethnic groups to use their own languages and scripts in life and in the fields of social activities; 4) encouraging ethnic minorities to study Vietnamese on the principle of voluntaryity and respect for the free and equal development of languages of other ethnic groups, creating ethnic-Vietnamese bilingual

[24] Center of Excellence for the Dynamics of Language.
[25] A digital archive of records of endangered cultures in the Asia-Pacific region. By the time we arrived, there were over 1200 languages hosted.

status, national language, and means of means of unity, consolidation and unification of the ethnic groups in the territory of Vietnam.

However, it is undeniable that there are some shortcomings in the content and implementation of policies on languages of ethnic minorities in general, and endangered languages of ethnic minorities in particular, such as 1) lacking of plans, target programmes and specific implementation measures and organizational forms suitable for each region and each ethnic group; 2) lacking of a team of staff who are prepared in terms of knowledge and methods; 3) lacking of an inspection and evaluation regime at the central and local state levels; 4) lacking of synchronization with other policies such as economy, culture, education, staff training, facilities, especially lack of legal base, feassible plans and projects, therefore so there is a delay or inability to bring to life; 5) lacking of close coordination and synchronization sectors and levels; 6) lacking of proper attention to determine the position of languages to have suitable countermeasures.

From another perspective, although some languages have been taught in schools, broadcasted on radio, printed in books as well as some languages have been studied basically with research works such as grammar books, language lessons, dictionaries, it is worrying that these are often the languages of ethnic groups with a large number of speakers, while the languages with a small number of speakers are in danger of extinction, as the list of 35 languages we surveyed has received very little research attention. In short, from a policy perspective, it can be seen that we only have policies and solutions to preserve ethnic minority languages in general, but there are no preservation policies and solutions for specific target languages which are in danger of extinction.

The results of our research are currently limited in terms of capacity, time, and funding, so it is inevitable to have limitations. For example, the survey area is not really comprehensive, the survey subjects are incomplete, the system is not as desired, the set of criteria for building and evaluating the degradation level of 35 language/dialects entities has not been verified, etc. Sociolinguistics and linguistic structure data sets of 35 languages/dialects are almost collected in specific areas, so there are no high general comparisons. Because there are no specific policies for the preservation of endangered ethnic minority languages, the assessment and analysis of policies and policy implementation can hardly be carried out in a methodical and thorough manner as expected. We look forward to receiving experience sharing from Russian linguists.

In the future, if possible, it is necessary to continue to expand the investigation and survey of all other ethnic minority languages/dialects nationwide to be able to produce a list of endangered ethic minority languages with specific and precise clarification. In particular, according to the research results, from the database on 35 ethnic minority languages/dialects, it is possible to build *a digital data bank*. Based on the research results on building a database for the compilation of *the Red Book of*

endangered ethnic minority languages in Vietnam, it is possible to continue studying a *Red Book of ethnic miniority languages in Vietnam* which has long-term value in the journey of preservation and promotion of ethnic minorities' cultural values, contributing to the sustainable development of the country in the period of industrialization, modernization and international integration.

References

Austin, P.K., Sallabank, J. (Eds.) (2011) The Cambridge handbook of endangered languages. Cambridge University Press.

Brenzinger, M. (Ed.). (2007) Language diversity endangered. Vol. 181. Walter de Gruyter.

Crystal, D. (2002). Language death. Cambridge University Press.

Crystal, D. (2003) Endangered languages : What should we do now? // Language documentation and description. No. 1. Pp. 18–34.

Drude, S., & Intangible Cultural Heritage Unit's Ad Hoc Expert Group. (2003) Language vitality and endangerment.

Fishman, J.A. (1991) Reversing language shift, Clevedon. UK, Multilingual Matters Ltd

Gao, K.B. (2015) Assessing the linguistic vitality of Miqie : An endangered Ngwi (Loloish) language of Yunnan. China.

Giles, H., Taylor, D.M., Bourhis, R.Y. (1977) Dimensions of Welsh identity // European Journal of Social Psychology. No. 7.(2). Pp. 165–174.

Grenoble, L. A., & Whaley, L. J. (Eds.). (1998). Endangered languages: Language loss and community response. Cambridge University Press.

Hằng, D.T., Quỳnh, N.T. (Ed.). (2022) Các ngôn ngữ có nguy cơ mai một ở Việt Nam – Những vấn đề lí luận và thực tiễn [Endangered Languages in Vietnam – Theoretical and practical issues]. Nxb. KHXH. Hà Nội.

Ladefoged, P. (1992) Another view of endangered languages // Language. No. 68 (4). Pp. 809–811.

Lợi, N.V. (1999) Các ngôn ngữ nguy cấp và việc bảo tồn sự đa dạng văn hóa, ngôn ngữ tộc người ở Việt Nam [Endangered languages and the preservation of ethnic linguistic and cultural diversity in Vietnam] // Tạp chí Ngôn ngữ. No. 4. Pp. 47–60.

Lợi, N.V. (2012) Công trình tra cứu về ngôn ngữ và vấn đề bảo tồn ngôn ngữ có nguy cơ tiêu vong [Research work on languages and endangered language preservation] // Tạp chí Từ điển học & Bách khoa thư. No. 2. Pp. VII–XII.

Lợi, N.V. (2012) Từ điển học về việc bảo tồn, phát triển ngôn ngữ có nguy cơ tiêu vong ở Việt Nam [Dictionary of preservation and development of endangered languages in Vietnam]. Tạp chí Từ điển học & Bách khoa thư. No. 4. Pp. 4–12.

Lee, N.H., Van Way, J. (2016) Assessing levels of endangerment in the Catalogue of Endangered Languages (ELCat) using the Language Endangerment Index (LEI) // Language in society. Pp. 271–292.

Moseley, C. (Ed.). (2010) Atlas of the World's Languages in Danger. UNESCO.Nam, L. B. 1996. Đôi nét về người Arem ở miền Tây huyện Bố Trạch, tỉnh Quảng Bình [About the Arem people in the West of Bo Trach district, Quang Binh province]. Tạp chí Dân tộc học.

Quỳnh, N.T., Linh, Ô.T.M. (2018) Nghiên cứu ngôn ngữ có nguy cơ mai một trên thế giới và ở Việt Nam hiện nay – những vấn đề đặt ra [Research on endangered languages in the world and in Vietnam today – actual problems] // Tạp chí Từ điển học & Bách khoa thư. No. 6 (56). Pp. 73–78.

Thông, T.V. (2011) Bảo tồn ngôn ngữ các dân tộc thiểu số Việt Nam trước nguy cơ tiêu vong [Preservation of endangered languages of Vietnam's ethnic minorities] // Tạp chí Ngôn ngữ & Đời sống. 3 (1985). Pp. 8–10.

UNESCO. (2003) Language Vitality and Endangerment. http://www.ddl.cnrs.fr

UNESCO. (2011) Atlas of the World's Languages in Danger, http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php
UNESCO. (2011) UNESCO's Language Vitality and Endangerment Methodological Guideline: Review of Application and Feedback since 2003, prepared by UNESCO's Culture Sector for expert meeting "Towards by UNESCO guidelines on Languages Policies: a Tool for Language Assessment and Planning" (30 May –1 June 2011).
Whaley, L.J. (2014).Work on endangered languages // Linguistic Discovery/ No. 12 (1). Pp. 31–37.
Wurm, S. A. (2001). Atlas of the World's Languages in Danger of Disappearing. UNESCO.
https://glottolog.org

Зыонг Тху Ханг – профессор, Педагогический университет Тхайнгуена
Адрес: Вьетнам, Провинция Тхайнгуен, город Тхайнгуен, улица Луонг Нгок Куен, д. 20
E-mail: hangdt@tnue.edu.vn
Нгуен Тху Куинь – PhD., Педагогический университет Тхайнгуена
Адрес: Вьетнам, Провинция Тхайнгуен, город Тхайнгуен, улица Луонг Нгок Куен, д. 20
E-mail: quynhn@tnue.edu.vn

Для цитирования: *Зыонг Тху Ханг, Нгуен Тху Куинь*. Актуальное состояние исчезающих языков Вьетнама [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 112–128. (На англ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-112-128

For citation: *Duong Thu Hang, Nguyen Thu Quynh*. Current state of endangered ethnic minority languages in Vietnam [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 112–128 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-112-128

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153

КОММОДИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ И ЯЗЫКОВОЙ ЛАНДШАФТ СТОЛИЦЫ МОНГОЛИИ

Эржен В. Хилханова
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация
Вячеслав В. Иванов
Институт языкознания Российской академии наук, Российская Федерация

В статье рассматривается теоретический концепт коммодификации языка (в том числе применительно к русскому языку в разных странах мира), представляющий собой исследовательскую перспективу, с которой анализируется языковой ландшафт страны, не изученной с этой точки зрения, – Монголии. Авторы анализируют устройство языкового пространства столицы Монголии Улан-Батора с точки зрения количественной представленности и характера функционирования в нем разных иностранных языков. Предварительно авторы кратко описывают историческую, современную и социолингвистическую ситуацию в Монголии. Материалом исследования в настоящей статье стали 280 вывесок, собранных в 2023 г. на одной из центральных улиц Улан-Батора – Бага тойруу. Анализ показал, что наиболее представленным иностранным языком является английский, а также корейский и японский, которые значительно уступают английскому в представленности. Остальные языки (китайский, русский, итальянский, испанский, французский, санскрит, узбекский и турецкий) встречаются лишь в единичных случаях, причем китайский и русский немного превосходят по численности остальные. Авторы объясняют одинаково низкую степень присутствия китайского и русского языков в языковом ландшафте Улан-Батора разными причинами. Если слабая представленность русского языка свидетельствует о его низкой коммодификационной ценности в представлениях современных монголов, то низкий уровень представленности китайского языка следует отнести скорее на счет антикитайских настроений. Полученные результаты свидетельствуют, что в отношении языкового ландшафта Улан-Батора только частично можно сделать вывод об отделении языка от ассоциирующихся с ним носителей, а также о том, что «деньги решают все». Языковой ландшафт Улан-Батора строится, следуя не только инструментально-прагматичным, но и неутилитарным, нерациональным мотивам.

***Ключевые слова**: коммодификация языка, товар, языковой ландшафт, Монголия, Улан-Батор, английский язык, китайский язык, русский язык*

THE COMMODIFICATION OF LANGUAGES AND LINGUISTIC LANDSCAPE OF THE CAPITAL OF MONGOLIA

Erzhen V. Khilkhanova
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
Vyacheslav V. Ivanov
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article discusses the theoretical concept of language commodification (also in relation to the Russian language in different countries) as a research perspective from which the linguistic landscape of Mongolia is analyzed. Mongolia is a country unexplored from this perspective.

The linguistic landscape of the Mongolian capital Ulaanbaatar is analyzed from the point of view of the quantitative representation and the nature of functioning of different foreign languages in it. The authors briefly describe the historical, contemporary, and sociolinguistic situation in Mongolia. The research material in this article is 280 signs collected in 2023 on one of the central streets of Ulaanbaatar -– Baga toiruu. The analysis showed that the most frequently represented foreign language is English followed by Korean and Japanese, with a significant gap between these two and English. The other languages (Chinese, Russian, Italian, Spanish, French, Sanskrit, Uzbek and Turkish) are found only in few cases, with Chinese and Russian slightly outnumbering the rest. The authors explain the equally low degree of presence of Chinese and Russian languages in the linguistic landscape of Ulaanbaatar by different reasons. If the weak representation of Russian indicates its low commodification value in modern Mongols' perception, the low level of representation of Chinese should be attributed rather to anti-Chinese sentiments. The results obtained indicate that the linguistic landscape of Ulaanbaatar only partly reflects the "money talks" principle and the separation of languages from the speakers associated with it observed in some other countries. The contributors to the linguistic landscape of Ulaanbaatar are driven not only by instrumental and pragmatic reasons, but also by non-utilitarian, non-rational motives.

***Keywords**: language commodification, commodity, linguistic landscape, Mongolia, Ulaanbaatar, English, Chinese, Russian*

1. Введение

Коммодификация (commodification) языка – процесс обретения языком денежной стоимости и превращения его в своеобразный товар – представляет собой новое направление западной социолингвистики. Оно строится на той же теоретической платформе, что и экономика языка, в частности на положении, что языки – это формы символического капитала, которые можно превратить в экономический капитал (зарплата, дополнительная прибыль), а языковое пространство – рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют различную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами. Основоположники этого направления – канадский исследователь Моника Хеллер и ее швейцарский коллега Александр Дюшен, развивающие идеи Пьера Бурдье [Павленко, 2016: 24]. Соответственно, коммодификационные исследования органично вписываются в более широкие теоретико-методологические рамки экономики языка, языковой политики, языковых идеологий и ряда других исследовательских областей [Хилханова, 2022а].

Интерес лингвистов к коммодификации (или, иными словами, коммерциализации) языка представляет собой их реакцию на новый лингвистический феномен. Очевидно, что английский язык как глобальный язык, имперский язык, обладает бесспорной коммодификационной ценностью и давно уже является объектом интереса лингвистов с этой точки зрения. Однако функционирование многоязычия в новой глобализированной экономике намного сложнее и связано не только с английским, но и с другими языками. Английский язык может быть необходимым условием для выхода на глобальный рынок, но его уже недостаточно для конкурентного преимущества [Павленко, 2017; Duchêne, Heller, 2012]. Осознание этого факта и

включение других языков в орбиту социолингвистических исследований коммодификационного плана – явление буквально последнего десятилетия.

В настоящей работе теоретический концепт коммодификации языка предоставляет нам объяснительную рамку, или исследовательскую перспективу, с которой рассматриваются явления, описываемые в рамках другого нового направления – исследований языкового ландшафта (далее – ЯЛ). Ведь изучение объектов и знаков ЯЛ имеет научную значимость тогда, когда эти знаки и объекты дают нам сведения о социальном устройстве городского пространства, где они представлены, отражая более широкие явления социолингвистического, лингвокультурологического, психолингвистического и другого плана. Например, это может быть выявление степени и характера представленности миноритарных языков в ЯЛ [Gorter, Cenoz, 2006], репрезентация (советской, русской, мировой, региональной) культурной специфики в ЯЛ [Михайлюкова, 2013]), изучение «вербального сознания» и его связи с языком городского социума [Пешкова, 2016]. В таком междисциплинарном формате за последние двадцать лет изучение ЯЛ претендует уже на статус дисциплины в современной социолингвистике, имеющей собственный журнал “Linguistic Landscape”, регулярные конференции и методы сбора и анализа данных [Павленко, 2017]. Значимость ЯЛ обусловлена тем, что он как бы легитимизирует использование языка в публичном пространстве, сигнализирует о некотором его статусе. За счет ЯЛ может происходить символическое переопределение пространства [Баранова, Федорова, 2020: 49].

Бум интереса лингвистов к ЯЛ обошел вниманием регион, ставший географическим объектом нашего исследования – Монголию. Поэтому целью нашей работы является выяснение того, как устроено языковое пространство ее столицы – города Улан-Батора – с точки зрения двух параметров: представленности и функционирования в нем разных иностранных языков. Предполагается, что представленность языка можно оценить в количественных характеристиках (т.е. в количестве знаков, содержащих данные языки, и процентном отношении к другим языкам), а функционирование – в качественных характеристиках (в каких типах заведений представлен тот или иной язык, на каких типах знаков и т.д.). Оценка обоих параметров дает возможность сделать выводы о коммодификационной ценности, которую имеют те или иные иностранные языки в ЯЛ Улан-Батора.

2. Русский язык как commodity

На сегодняшний день появилось уже достаточно много работ на тему коммодификации русского языка, в значительно меньшей степени – других языков России [см., напр.: Ferguson, Sidorova, 2018; Manchurina, Samsonova, 2021; Хилханова, 2022б; Иванов, 2021]. Установлено, что русский язык функционирует как *commodity,* т.е. как инструмент получения прибыли для коммерческих структур в тех зарубежных странах, где большой туристический поток из России, а также в постсоветских странах или странах с большим процентом русскоязычного населения: Кипр, Финляндия, страны Балтии, Китай и др. [Павленко, 2016; Павленко, 2017; Pavlenko, 2017; Щербаков, 2020; Muth, 2017; Viimaranta, Protassova, Mustajoki, 2017]. Например, в работах А. Павленко коммодификация русского языка на Кипре объясняется экономическим подъемом России с конца 1990-х годов. Языковая политика того времени перестала быть прерогативой государственных органов и стала инструментом получения прибыли для бизнеса и глобальных корпораций, превратившись в товар и на практике, и на уровне дискурса [Павленко, 2016: 30]. Положение и престиж русского языка в зарубежных странах (и особенно в странах – бывших партнерах и союзниках России) является показателем того, как эти страны оценивают перспективы сотрудничества с Россией. Коммодификация русского языка наиболее очевидна в туристической индустрии ввиду слабого владения иностранными языками большинством российских туристов; например, в отчете «Культура Финляндии» 2014 г. утверждается, что только 29 % россиян владеют английским языком хотя бы на начальном уровне, поэтому для посетителей из России информация о товарах или услугах на русском языке имеет решающее значение для принятия решений о покупке [Viimaranta et. al., 2017: 621].

Когда язык превращается в товар, может наблюдаться примечательное социолингвистическое явление: *отделение языка от ассоциирующихся с ним носителей*. Оно примечательно тем, что, как правило, языковые установки (отношение к языку) являются, по сути, установками по отношению к говорящим на данном языке [Chambers, 2000; Хилханов, Хилханова, 2021]. Оценки разновидностей языка/языков, включая диалекты и акценты, не отражают ни языковое, ни эстетическое качество как таковое, а являются выражением социальной конвенции и предпочтений, которые, в свою очередь, отражают осознание статуса и престижа, приписываемых носителям этих разновидностей [Hakala, 2013]. При коммодификации же языка осознание коммерческой ценности тех или иных идиомов превращает их в самостоятельные сущности и рыночные инструменты для получения прибыли. Это хорошо видно, к примеру, в коммодификации русского языка на Кипре и в других излюбленных туристических дестинациях россиян, где в основе популярности русского языка лежат сугубо экономические мотивы, сочетаясь порой со скрытым негативным отношением к самим россиянам (см., напр.: [Pavlenko, 2012; Ryazanova-Clarke, Muth, 2015]). В исследовании

С. Мута также говорится о том, что Литва стала популярной дестинацией для русскоязычных медицинских туристов по причине прибыльности рынка медицинского туризма, экономического кризиса и демографических изменений в стране, и это произошло несмотря на частую демонстрацию националистических идеологий в политических дискурсах в Литве [Muth, 2017].

Таким образом, для ряда стран и регионов мира актуально выражение money talks («деньги решают все/говорят деньги»). Однако некоторые страны с сильной экономикой, такие как Швейцария или Великобритания, и страны с высоким уровнем антироссийских настроений, такие как Польша, не обязательно стремятся привлечь большее число российских туристов [Pavlenko, 2017].

3. Монголия как объект социолингвистических исследований. О материале и методологии изучения языкового ландшафта Улан-Батора

С точки зрения естественного многоязычия, Монголия является почти моноязычной страной, где доминирует государственный монгольский язык, хотя и включающий несколько диалектов и базирующийся на одном из них – халхасском диалекте. Если говорить об иностранных языках, то известно, что до распада СССР Монголия занимала практически первое место в мире по масштабам изучения и распространения русского языка, если не считать страны бывшего Советского Союза. Это объяснялось не только тем, что Монголия и Россия являются «вечными» территориальными соседями, но и тем, что в годы социализма его распространение напрямую было связано с соответствующей политикой и идеологией [Томтогтох, 2015]. По данным монгольских исследователей, в начале 1990-х годов в большинстве городов и аймаков Монголии в те времена 67,5 % опрошенных читали и понимали по-русски, 45 % – писали, 44,8 % – понимали и 33,7 % – говорили на русском языке. 74 % опрошенных утвердительно ответили на вопрос «Используете ли Вы русский язык?». Причем 20 % из опрошенных использовали русский язык ежедневно [Эрдэнэмаам, 2006: 335–336]. Известный монголовед К. Хамфри отмечает: «Дело не только в том, что монгольские писатели, историки часто писали на русском языке; в социалистический период широкие слои населения Монголии узнавали о современном мире по большей части из русско-советской учебной и художественной литературы. Известия о событиях и процессах в зарубежных странах шли в Монголию главным образом через советские информационные агентства, советские газеты и журналы, теле- и радиопрограммы. Осуществленный в 1941–1950 гг. переход на кириллическую письменность позволил открыть доступ более широким слоям населения не только к русской, но и к мировой литературе, дав им в то же время европеизированное понимание монгольского языка. Мало того, весь процесс

превращения монголов, как и представителей других стран, например вьетнамцев, в “людей XX века” находился под сильным влиянием “русского примера”» [Хамфри, 2012: 12].

Однако после 1991 г. в результате массового оттока русскоязычных специалистов и военных из Монголии, а также как следствие разрыва торгово-экономических связей между странами бывшего соцлагеря, объем изучения русского языка, его престиж резко сократились. Официальные власти страны также предпочли несколько дистанцироваться от русского языка из-за временного падения его экономической ценности. Это, одновременно с повсеместным распространением английского языка как языка международного общения и усилением экономических контактов Монголии с соседними азиатскими странами – Китаем, Южной Кореей и Японией, – ведет к тому, что русский язык вытесняется из образовательной, культурной и других сфер. На его место приходят, наряду с английским, языки вышеупомянутых стран. Однако, с другой стороны, присутствие русского языка в Монголии еще есть: сохранилась целая сеть российских школ, проводится много культурных мероприятий, связанных с русским языком [Эрдэнэмаам, 2014]. Русский язык пока остается востребованным монголами как язык международного общения, язык научной информации, язык образования. Многие специалисты отмечают, что отмена визового режима между Россией и Монголией (2014) способствовала не только росту трансграничной торговли, но и возникновению экономического запроса на русский язык [Михалев, 2018: 62; цит. по: Дырхеева и др., 2021].

Если тема валоризации языков в Монголии так или иначе присутствует как в научном, так и бытовом дискурсе, тема ЯЛ и отражения в нем языковых преференций жителей Монголии остается пока за пределами интереса (социо)лингвистов. В России, где традиционно сильна востоковедческая школа, превалируют работы, носящие сугубо монголоведческий, структурно-лингвистический характер; кроме того существует достаточно много работ, посвященных функционированию русского языка в этой соседней стране [см., напр.: Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия, 2011; Русский язык в постсоветском мире: уход и возвращение? Опыт Монголии, 2012].

В отдельных публикациях упоминается востребованность иностранных языков, которые ранжируются следующим образом: 1) английский, 2) русский, 3) китайский, 4) японский, 5) немецкий, 6) корейский и 7) французский язык [Саранцацрал, 2019: 198]. С одной стороны, список построен на материалах социологического опроса и валидность его подтверждается похожими выводами других авторов [см., напр.: Дырхеева и др., 2021]. С другой стороны, отсутствие сведений о количестве и критериях отбора респондентов при опросе позволяет полагаться на него как на источник информации с определенной осторожностью. По мнению монгольского ученого С. Эрдэнэмаама, в монгольском обществе духовные и материальные

потребности привязаны к определенным языкам; одни иностранные языки, в первую очередь английский, становятся определенным товаром (commodity), другие, а именно русский язык, этой материальной, коммодификационной ценности не имеют [Эрдэнэмаам, 2005; цит. по: Дауренбек, 2019: 263]. При этом специальные исследования, где подобные выводы делались бы не на основе распространения языков и степени владения иностранными языками, а на других основаниях, например на представленности языков в ЯЛ, не проводились. Предлагаемая статья призвана в некоторой степени восполнить данный пробел.

Материалом нашего исследования стали единицы ЯЛ, собранные в феврале 2023 г. в столице Монголии городе Улан-Баторе. Сбор материала производился методом фотофиксации вывесок по обеим сторонам одной из центральных улиц – Бага тойруу. В выборку были включены те вывески, которые содержат надписи на языках, отличных от монгольского, и/или письменностях, отличных от кириллицы. Таким образом, в выборку вошли все знаки, кроме тех, которые содержат только одноязычные халха-монгольские кириллические надписи. Всего выборка включает в себя 280 вывесок, которые запечатлены на 250 фотографиях. Следует отметить, что выборка, ограниченная одной центральной улицей, может иметь ряд смещений и не показывать полной картины по представленности и функционированию языков, однако все же позволяет сделать первичные выводы об этих параметрах, которые впоследствии могут и должны уточняться более обширными исследованиями. Заметим также, что методика сбора эмпирического материала на одной из центральных торговых улиц является весьма распространенной [см.: Cenoz, Gorter, 2003; Cenoz, Gorter, 2006; Blackwood, Tufi, 2015], тогда эти улицы становятся своего рода *pars pro toto* ЯЛ всего города или даже всего региона [Gorter, 2018]. Такая методика сбора данных становится особенно оправданной, если ЯЛ региона не становился ранее объектом исследования, как в случае с Монголией вообще и ЯЛ Улан-Батора в частности.

Методология, которая легла в основу данного исследования, базируется на анализе, предложенном П. Бакхаусом [Backhaus, 2007], который включает теоретические наработки других исследователей ЯЛ [см.: Ben-Rafael et al., 2006]. Так, каждому знаку ЯЛ был дан индивидуальный номер (например, БТ001), а затем описаны следующие характеристики: происхождение знака (знаки государственных учреждений или частных заведений [Ibid.]), род заведения (например, заведение общественного питания, салон красоты, университет, школа и т.д.), тип многоязычия знака (одноязычие, дублирующее многоязычие или недублирующее многоязычие), а также расписаны конкретные языки, представленные на знаке. Отдельно учитываются языки названий частных заведений, поскольку именно эти названия являются их «визитными карточками», отражающими коммодификационную ценность того или иного языка.

4. Представленность и функционирование иностранных языков в языковом ландшафте Улан-Батора

Переходя к оценке представленности и функционирования языков, возможно предположить, что два этих параметра, как правило, прямым образом коррелируют друг с другом: чем выше представленность языка, тем шире сферы его функционирования. Из этого следует, что языки, встречающиеся наиболее часто в самых разных сферах, имеют высокую коммодификационную ценность, и наоборот, языки, встречающиеся редко и только в малом количестве сфер, имеют низкую коммодификационную ценность. Для подтверждения этого тезиса следует проанализировать представленность и функционирование языков, которые, с одной стороны, присутствуют на знаках разного происхождения, а с другой – представлены на знаках разных типов учреждений и заведений.

Многоязычие города Улан-Батора на обследованном участке включает в себя 12 иностранных языков, некоторые из них, например английский, японский, китайский, корейский и латынь, представлены как в общеупотребительных для них системах письма, так и в транслитерированном виде в кириллице, латинице и монгольской вертикальной письменности. В количественном отношении они распределяются следующим образом (см. табл. 1). Из таблицы видно, что наиболее представленным иностранным языком является английский, а также корейский и японский, которые значительно уступают английскому в представленности. Остальные языки встречаются лишь в единичных случаях.

Таблица 1

Количественное распределение языков в разных системах письма в ЯЛ Улан-Батора

Язык-источник знака	Система письма	Количество знаков
Английский	латиница	179
	кириллица	21
	монгольское письмо	1
Корейский	хангыль	7
	латиница	7
	кириллица	5
Японский	хирагана	2
	катакана	1
	латиница	3
	кириллица	6
Китайский	иероглифы	2
	латиница	2
	кириллица	1

Русский	кириллица	5
Латынь	латиница	1
	кириллица	1
Испанский	латиница	1
Итальянский	латиница	2
Французский	латиница	2
Санскрит	латиница	2
Узбекский	латиница	2
Турецкий	латиница	3

Кроме количественной оценки иностранных языков в ЯЛ Улан-Батора, необходимо составить общую картину того, на каких знаках по происхождению и по типу многоязычия эти языки встречаются (см. табл. 2). Поскольку фокус при сборе материалов был на знаках, содержащих иностранные языки, вполне логично было ожидать, что бóльшая часть знаков будет принадлежать частным заведениям, а не государственным учреждениям (237 и 43 знака соответственно). Среди знаков частных заведений типы многоязычия распределены неравномерно: больше всего встретилось знаков с недублирующим многоязычием (132), одноязычные знаки немного уступают им в количестве и стоят на втором месте (96), и меньше всего знаков с дублирующим многоязычием (9). Если обратиться к официальным знакам, то в них все устроено противоположным образом: лидирующее место внутри этой группы занимают знаки с дублирующим многоязычием (30), второе место – одноязычные (13), а знаки с недублирующим многоязычием не представлены вообще. Сравнение групп официальных и частных знаков показывает, что владельцы частных заведений в гораздо большей степени (55 % случаев) склонны к сочетанию разных языков и систем письменности на своих вывесках (что выражается в их преимущественно недублирующем типе многоязычия), в то время как государственные учреждения, наоборот, стараются избегать этого и делают упор на дублирующее многоязычие (выбирая его в 70 % случаев). Одинаковой по популярности стратегией для обеих групп является одноязычие: оно прослеживается в 30 % случаев на официальных и в 40 % случаев на частных знаках.

Таблица 2

Распределение знаков по происхождению и типу многоязычия

Знаки/тип многоязычия	Одноязычие	Недублирующее многоязычие	Дублирующее многоязычие	Всего
Официальные	13 (30 %)	0 (0 %)	30 (70 %)	43 (100 %)
Частные	96 (40 %)	132 (55 %)	9 (5 %)	237 (100 %)
Всего	109	132	39	280

Причина такого распределения кроется в особенностях двух рассматриваемых групп знаков. Официальные знаки, размещаемые государственными учреждениями, подчиняются регулированию со стороны местного законодательства в большей степени, чем частные, и, соответственно, отражают государственную языковую политику. Для частных знаков, в свою очередь, характерна бóльшая свобода в выборе языка и способов его представленности (выбора системы письма, шрифта, размера и т.д.) [Ben-Rafael et al., 2006: 10]. Исходя из общего обзора представленности и предпочтений определенных типов многоязычия на знаках, появляется возможность перейти к анализу особенностей представленности и функционирования каждого языка в отдельности.

Английский язык

Английский язык представлен сразу в трех системах письма: традиционной для него латинице, кириллице и монгольском письме. Латиница является самым распространенным способом передачи надписей на английском языке в ЯЛ Улан-Батора: всего на обследованном участке было выявлено 179 случаев ее употребления (напр., “TalkTalkEnglish” (рис. 1), БТ097). Подавляющее количество англоязычных надписей на латинице можно объяснить тем, что английский язык воспринимается, в первую очередь, в связке с характерной для него системой письма.

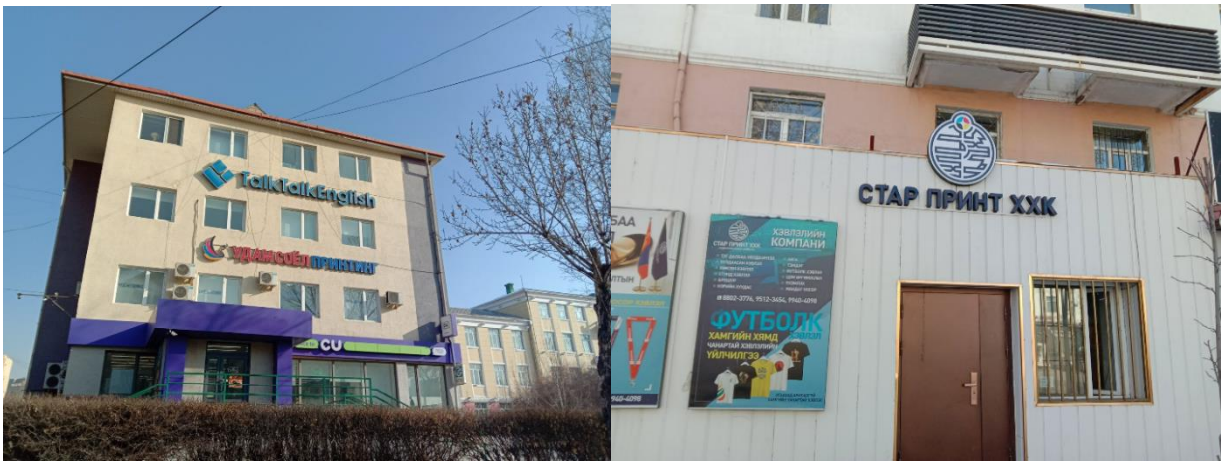

Рис. 1. Примеры использования английского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Гораздо более редким является использование кириллицы: с ней был зафиксирован 21 случай («Удам соёл принтинг» (рис. 1), БТ097). Кириллица чаще всего используется в тех случаях, когда слово уже в какой-то степени адаптировано в монгольский язык и имеет тенденцию восприниматься как свое или же когда есть намерение выделить знак одновременно как из других англоязычных знаков на латинице, так и из монголоязычных знаков на кириллице.

Представление же английских надписей посредством монгольского письма является редким исключением: удалось выявить лишь один случай такого употребления на логотипе компании «Стар принт» (рис. 1, логотип имеет круглую форму, БТ216). Единичное использование монгольского письма для оформления надписи на заведении с английским названием, скорее всего, выполняет сугубо символическую функцию, поскольку не нацелено на передачу какой-либо конкретной информации.

Большинство вывесок и знаков с надписями на английском языке относится к частным заведениям (217 частных и 31 официальный знак). Если официальные знаки, содержащие надписи на английском языке, относятся к образовательным учреждениям (школы, университеты, центры дополнительного образования детей), прочим государственным учреждениям, а также разного рода уличным указателям, то частные знаки с надписями на английском языке представлены гораздо более обширным числом заведений: заведения общественного питания, магазины, салоны красоты, услуги печати, различного рода рекламы, указатели и информационные таблички частных заведений и т.д.

Особый интерес представляют типы многоязычия, по которым оформляются англоязычные частные знаки. Так, надписи на английском языке в большинстве своем не дублируются на других языках, что хорошо представлено в табл. 2. Это говорит о том, что англоязычные надписи, скорее, служат не для предоставления какой-либо информации клиентам, а являются *символическими маркерами* брендирования и оформления частных заведений. В большинстве случаев под это описание попадают названия заведений, которые выполняют функцию их «визитной карточки». Если смотреть на единицы, которые несут на себе информативную нагрузку, например режимы работы, то можно отметить, что дублирование здесь распространено гораздо больше, хотя встречается и достаточное количество подобных одноязычных знаков.

Знаки официальных учреждений, содержащие английский язык, в отличие от частных, дублируются в подавляющем большинстве случаев на халха-монгольский в двух системах письма: в кириллице и монгольском письме. Само присутствие английского языка на такого рода

знаках не требуется законодательством в обязательном порядке, однако есть основания полагать, что в Улан-Баторе существует определенный консенсус относительно использования английского языка на официальных знаках. Лишь в редких случаях они представлены только на английском языке (например, “smoking zone”, БТ120). В этом случае предполагается, что данная надпись будет понятна для целевой аудитории.

Таким образом, широкое использование английского на разных типах знаков и в разных типах организаций подразумевает, что владельцы частных заведений, руководители государственных учреждений и, конечно же, люди, для которых все эти организации работают, осознают ценность и выгоду использования английского языка, обладающего высоким престижем во всем мире. Это позволяет сделать вывод о его высокой коммодификационной ценности для жителей столицы Монголии.

Корейский язык

Другим иностранным языком, представленным в ЯЛ Улан-Батора, является корейский язык. Исходя из полученных данных, его представленность в сравнении с английским оказывается в разы ниже: всего было зафиксировано семь случаев использования хангыля (традиционной корейской письменности), столько же случаев использования латиницы и пять случаев написания корейских надписей на кириллице.

Рис. 2. Примеры использования корейского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Из всех знаков, содержащих корейский язык, лишь один относится к официальным учреждениям (корейско-монгольский информационный центр (рис. 2), БТ132), в то время как 14 знаков относятся к частным. Частные заведения с вывесками и знаками на корейском языке – это чаще всего заведения общественного питания (кафе и рестораны), а также реклама, относящаяся к ним. Помимо этого, встретилась одна частная фармацевтическая компания с вывеской на корейском языке (БТ240).

Поскольку традиционная письменность корейского языка – хангыль – не имеет в Монголии такого же широкого распространения, как латиница или кириллица, все надписи на хангыле дублируются транслитерацией либо на кириллице, либо на латинице. Чаще всего к таким надписям относятся названия заведений, поскольку именно они несут на себе наибольшую символическую нагрузку и именно в интересах самих владельцев способно обеспечить его читаемость для потенциальных посетителей.

В сравнении с английским языком, функционирование корейского сведено до гораздо меньшего круга сфер, из которых главное место занимает сфера общественного питания. Важно отметить, что использование корейского языка в вывесках этих заведений является маркером того, что они связывают себя именно с корейской кухней и культурой. Вышесказанное позволяет указать на то, что коммодификационная ценность корейского языка гораздо ниже, чем английского, и связана именно со сферой общественного питания.

Японский язык

Японский язык на обследованном участке представлен надписями на традиционных разновидностях японского письма – хирагане и катакане (2 и 1 случай соответственно). Кроме того, есть надписи на кириллице и латинице, причем первых оказывается в два раза больше, чем вторых (6 и 3 соответственно). Преобладание кириллических надписей объясняется присутствием в ЯЛ Улан-Батора заимствований из японского языка, например слова «канон», которое происходит от названия японской фирмы “Canon” и обозначает в Монголии заведения, предоставляющие услуги ксерокопирования. В свою очередь, латинизированные японские надписи присутствуют в ЯЛ с той же целью, что и латинизированные корейские: они помогают воспринимать информацию, написанную в традиционных системах письма.

Знаки на японском языке на обследуемой территории встречаются только в частных заведениях. Представленность японского языка ограничивается тремя сферами, из которых абсолютное большинство составляют заведения общественного питания и связанная с ними реклама, а также услуги печати. Единично представлены салоны красоты и салоны автомобильных запчастей для японских машин (рис. 3).

Таким образом, коммодификационная ценность японского языка стоит примерно на одном уровне с корейским, поскольку его использование ограничено малым количеством сфер, услуги заведений которых связаны именно с Японией.

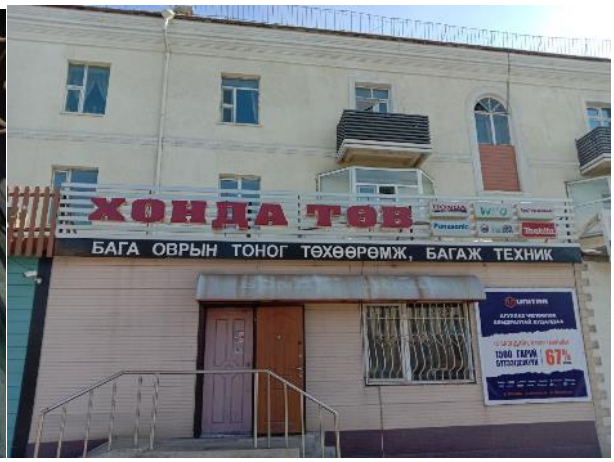

Рис. 3. Примеры использования японского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Китайский и русский языки

Китайский и русский языки рассматриваются в одном разделе, поскольку количество обнаруженных нами знаков на данных языках одинаково. Китайский язык представлен традиционными иероглифами (2 случая), а также надписями на латинице и кириллице (2 и 1 случай соответственно). Иероглифические надписи на китайском языке встречаются на тех знаках, информация которых имеет отношение к Китаю и его культуре, например декоративная арка с надписью «Бээжингийн гудамж» (х-монг. ‘улица Пекинская’), которая дублируется на китайский (БТ117) или же название ресторана “Jiahe” (кит. ‘прекрасный мир’) (БТ247) (см. рис. 4). В обоих случаях следует отметить, что надписи на иероглифах дублируются либо переводом на халха-монгольский, либо транслитерацией на латиницу. Делается это по той же причине, что и для корейских надписей на хангыле или японских надписей на хирагане и катакане – для возможности прочтения надписей и понимания, к чему они относятся.

Рис. 4. Примеры использования китайского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Кроме того, на встретившихся знаках представляется возможным выделить заимствования из китайского в халха-монгольском языке. К таким случаям относятся, например, слова “гоймон” (от кит. 挂面 guà miàn, ‘лапша’) и “хуушуур” (от кит. 火烧 huǒ shāo, ‘жареный чебурек’) (БТ159) (рис. 5).

Рис. 5. Примеры использования русского языка и заимствований из китайского в халха-монгольском языке в языковом ландшафте Улан-Батора

Русский язык на обследуемой территории представлен только кириллическими надписями (5 случаев), которые встречаются на вывесках частных заведений. Как и в случае использования других языков, знаки на русском языке отсылают к тому, что относится к России или же русской культуре. Например, на вывеске магазина «Кубаночка» (БТ152), в котором представлены российские товары одноименного бренда, и название, и тип заведения написаны на русском языке (в других случаях вместо слова «магазин» употребляется соответствующее монгольское слово «дэлгүүр») (рис. 6). Другое встретившееся употребление русского языка – это использование в надписи заимствованного из русского языка слова «пирожки» (БТ159) (рис. 5).

Рис. 6. Пример использования русского языка в языковом ландшафте Улан-Батора

Сравнительно небольшое присутствие китайского языка даже относительно корейского и японского может объясняться сложностью исторических взаимоотношений Монголии и Китая. Можно предположить, что именно этот фактор накладывает отпечаток на незначительное использование китайского языка в ЯЛ Улан-Батора в настоящее время, что выливается в его низкую коммодификационную ценность, несмотря на близкое соседство с Монголией и широкие экономические связи этих двух стран.

Что касается русского языка, то его слабая представленность также является показателем низкой коммодификационной ценности. В условиях постсоциализма Монголия, как и другие социалистические страны, открыла для себя более широкие возможности глобального мира, которые реализуются не через русский, а через английский язык. Следовательно, слабая представленность русского языка в ЯЛ Улан-Батора является вполне закономерной.

Другие языки

Выше было рассмотрено лишь несколько самых представленных языков, встретившихся на различных знаках на обследуемой территории. Остальные языки ввиду их малого присутствия не имеет смысла рассматривать по отдельности, поскольку все они повторяют примерно одни и те же закономерности в плане представленности и функционирования. К таким языкам относятся латынь, испанский, итальянский, французский, санскрит, узбекский, турецкий. Большая часть этих языков представлена в сфере общественного питания и отражает специфику самих заведений (рис. 7): так, итальянское название кофейни “Caffè bene” (БТ062) и написание его на мтальянском языке наиболее вероятно связано со значимостью кофе в

итальянской культур; испанское название ресторана “Torres” (БТ217) говорит о представленности в нем испанской и мексиканской кухонь, а название ресторана “Navat” показывает связь этого заведения с узбекской гастрономической культурой.

Несмотря на то что эти случаи функционально повторяют те же закономерности, по которым представлены и другие языки, стоит указать, что заведения, использующие их, не так распространены в городской среде Улан-Батора, что говорит о низкой коммодификационной ценности всех этих языков в сравнении с английским, корейским и японским языками.

Рис. 7. Итальянский, испанский и узбекский языки в языковом ландшафте Улан-Батора

5. Заключение

Проведенный анализ представленности и функционирования иностранных языков в ЯЛ Улан-Батора показал следующие закономерности: наиболее используемыми языками являются английский, корейский и японский языки. Здесь важно отметить большой разрыв между английским и двумя другими языками, который свидетельствует о крайне высокой коммодификационной ценности английского языка, что подтверждается его высокой представленностью и широким использованием в знаках заведений и учреждений, относящихся к самым разным сферам. Корейский и японский языки, в свою очередь, имеют тоже относительно высокую коммодификационную ценность, поскольку закономерно встречаются на

обследованной территории несколько раз в различных сферах. Остальные языки, в число которых вошли китайский, русский, итальянский, испанский, французский, санскрит, узбекский и турецкий, встречаются спорадически и в крайне малом количестве, поэтому их коммодификационная ценность может обоснованно считаться самой низкой.

Если коммодификационная ценность английского языка очевидна, то ценность корейского и японского, языков двух государств с сильной экономикой и узнаваемой, самобытной культурой, является, скорее, важной особенностью ЯЛ Улан-Батора. Это позволяет говорить о том, что товары и услуги, ассоциированные с этими странами, пользуются достаточно большим спросом у жителей столицы. На этом фоне наблюдается относительно низкая коммодификационная ценность китайского и русского языков, стран –ближайших соседей Монголии, с которыми ее связывают достаточно сильные экономические отношения. Такое положение этих языков говорит о том, что они не так привлекательны для жителей Улан-Батора, как корейский и японский, и соответственно, из их использования в ЯЛ можно извлечь гораздо меньше прибыли.

Одинаково низкая степень присутствия китайского и русского языков в ЯЛ Улан-Батора имеет под собой, однако, неодинаковые экономические, политические и другие основания, точнее отражает когнитивную репрезентацию данных оснований в сознании социальных акторов – создателей соответствующих единиц ЯЛ. Возможно, ЯЛ Улан-Батора на момент сбора материала (февраль 2023 г.) оказался в своего рода точке бифуркации, где в случайно кратковременном равновесии оказались два разнонаправленных процесса: продолжающийся уход русского языка, отражающий постепенное понижение роли России как стратегического партнера Монголии, и когнитивные репрезентации и языковые установки населения Монголии по отношению к китайскому языку. С учетом растущего присутствия китайского бизнеса и политического влияния Китая в Монголии можно было бы предположить бóльшую степень присутствия китайского языка в ЯЛ столицы Монголии – его непосредственного соседа и самого крупного торгового партнера. Тем не менее, как показало наше исследование, этого не происходит. Поскольку мы не проводили специального исследования отношения к языкам населения Монголии, мы можем только предположить с опорой на другие работы, что низкий уровень представленности китайского языка в столице Монголии связан с антикитайскими настроениями монголов [Radchenko, 2018]. Таким образом, в отношении ЯЛ Улан-Батора невозможно сделать вывод об отделении языка от ассоциирующихся с ним носителей, а также о том, что «деньги решают все», как следует из наблюдений ученых за ЯЛ в некоторых других регионах мира (см. раздел 2). Коммодификация языков в ЯЛ Улан-Батора имеет свои границы,

и репрезентация тех или иных языков как символических знаков движима отнюдь не только инструментально-прагматичными, но и неутилитарными, нерациональными мотивами.

Литература

Баранова В., Федорова К. (2020) Видимо-невидимо : Миграция и трансформация языкового ландшафта Санкт-Петербурга // Laboratorium: журнал социальных исследований. № 12 (1). С. 48–80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80.

Дауренбек Н. (2019) Распространение русского языка в Монголии // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. № 1. С. 262–264.

Дырхеева Г.А., Цыбенова Ч.С., Цэрэнчимэд Саранцацрал, Дашдондог Энхбат. (2021) Русский язык в системе образования Монголии : Состояние, динамика, проблемы [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 1 (5). С. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48.

Иванов В.В. (2021) Бурятский язык в языковом ландшафте и языковых практиках в городе Улан-Удэ [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 1 (5). С. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163.

Михайлюкова Н.В. (2013) Тексты городских вывесок как особый речевой жанр: (На материале языка г. Владивостока): автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток. 27 с.

Национальные языки в эпоху глобализации: Россия – Монголия. (2011) М.: Тезаурус.

Павленко А. (2016) Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. № 1. С. 23–32.

Павленко А. (2017) Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 493–514. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-493-514

Пешкова Н.П. (2016) Анализ лингвистического ландшафта города как интегративный метод исследования вербального сознания и состояния языка городского социума // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: Теория и практика. Уфа: РИЦ БашГУ. С. 53–58.

Русский язык в постсоветском мире: Уход и возвращение? Опыт Монголии. (2012) Мат. Междунар. науч.-практической конф. Улан-Батор, 15–16. 09. 2010 / Сост., отв. ред. С. Панарин. Улан-Батор: Монгольский государственный университет науки и технологии. С. 11–14.

Томтогтох Г. (2015) Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. № 4 (18). С. 208–213.

Хамфри К. (2012) Русский язык как средство взаимопонимания между Монголией и Европой в XX – начале XXI века // Русский язык в постсоветском мире : Уход и возвращение? Опыт Монголии. Мат. Междунар. науч.-практической конф. Улан-Батор, 15–16. 09. 2010 / Сост., отв. ред. С. Панарин. Улан-Батор: Монгольский государственный университет науки и технологии. С. 11–14.

Хилханов Д. Л. Хилханова Э.В. (2021) Феномен культурной дистанции в современных условиях : (Языковые и религиозные факторы) // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. № 3 (39). С. 56–67. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

Хилханова Э.В. (2022а) Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 148–162.

Хилханова Э.В. (2022б) Экономика языка и многоязычие : Опыт исследования в Татарстане // Научный результат : Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 8. № 2. С. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4

Цэрэнчимэд Саранцацрал. (2019) Языковая политика и языковая ситуация по иностранным языкам в современной Монголии // Языки в полиэтническом государстве : Развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция. Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск, 1–4 июля 2019 г. : Доклады и сообщения / Отв. Г.А. Дырхеева, А.Н. Биткеева, С.В. Кириленко, Б.Д. Цыренов; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Институт языкознания РАН, Научный центр «Восточная Европа» (GiZo) Гиссенского университета им. Юстуса Либига. Улан-Удэ.

Эрдэнэмаам С. (2014) О положении русского языка в Монголии и об интерферентных ошибках, допускаемых студентами-монголами // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. № 3. С. 138–143. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/ 2226-3365.1403.14.

Эрдэнэмаам С. (2006) Русский язык и образ России в современном монгольском обществе // Русский язык и культура в системе образования Монголии: Сб. науч.-методической конф. Улан-Батор. С. 330–338.

Backhaus, P. (2007) Linguistic Landscape : A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio : Multilingual Matters (136). New York; Ontario; Clevalon.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., Trumper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space : The case of Israel. Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Pp. 7–30.

Blackwood, R., Tufi, S. (2015) The Linguistic Landscape of the Mediterranean : French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Chambers, J.K. (2000) Sociolinguistic uses of Subjective Evaluation Tests // Einstellungsforschung in der Soziolinguistik und Nachbardisziplinen = Studies in language attitudes / Szilvia Deminger… (Hrsg.). Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien: Lang. Pp. 73–83.

Cenoz, J. and D. Gorter. (2006). “Linguistic Landscape and Minority Languages” // International Journal of Multilingualism. No. 3 (1). Pp. 67–80. https://doi.org/10.1080/ 14790710 608668386.

Cenoz, J. and Gorter, D. (2003) The linguistic landscape of Erregezainen // Escolta Real. Paper presented at the Third Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism, September 2003, Tralee, Ireland.

Duchêne, A. and M. Heller (Eds.). (2012) Language in Late Capitalism : Pride and Profit. New York: Routledge.

Ferguson, J., Sidorova, L. (2018) What language advertises : Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // Language Policy. T. 17. №. 1. Pp. 23–54.

Gorter, D. (2018) Methods and techniques for linguistic landscape research : About definitions, core issues and technological innovations // Expanding the Linguistic Landscape : Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource / M. Pütz, N. Mundt (Eds). Bristol: Multilingual Matter. Pp. 38–57. DOI 10.21832/9781788922166-005.

Hakala, H. (2013) “Almost as annoying as the Yank; better accent, though” : Attitudes and Conceptions of Finnish Students toward Accents of English. http://www.helsinki.fi/englanti/elfa/ ProGradu_Henrik_Hakala.pdf. Access date: 03.06.2023.

Muth, S. (2017) Русский язык за рубежом : Взгляд на язык сквозь призму коммодификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. № 3. С. 463–492. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492.

Pavlenko, A. (2017) Russian-friendly : How Russian became a commodity in Europe and beyond // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 20 (4). Pp. 385–403. DOI: 10.1080/13670050.2015.1115001.

Radchenko, S. (2018). Sino-Russian Competition in Mongolia // International Relations and Asia’s Northern Tier. Asan-Palgrave Macmillan Series / G. Rozman, S. Radchenko (Eds.). Palgrave, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-10-3144-1_7

Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A. (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // Russian Journal of Linguistics. No. 21 (3). Pp. 620–634. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.

Ryazanova-Clarke, L., Muth, S. (2015). The commodification of Russian around the world // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Special issue. Pp. 1–4.

References

Baranova, V., Fedorova, K. (2020) Vidimo-nevidimo : Migracija i transformacija jazykovogo landshafta Sankt-Peterburga [Growing visibility : Migration and transformations in Saint Petersburg's linguistic landscape // Laboratorium : Journal of Social Research. No. 12 (1). Pp. 48–80. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-1-48-80. (In Russ.)

Daurenbek, N. (2019) Rasprostranenie russkogo jazyka v Mongolii [The spread of the Russian language in Mongolia] // Filosofskie, sociologicheskie i psihologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovanija [Philosophical, sociological and psychological-pedagogical problems of modern education]. No. 1. Pp.. 262–264. (In Russ.)

Dyrkheeva, G.A., Tsybenova, Ch.S., Cerenchimed, S., Dashdondog, E. (2021). Russkij jazyk v sisteme obrazovanija Mongolii : Sostojanie, dinamika, problemy [Russian in Mongolian education system : State, dynamics, problems] // Sociolinguistics. No. 1 (5) [online]. Pp. 31–48. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-31-48. (In Russ.)

Ivanov, V.V. (2021) Burjatskij jazyk v jazykovom landshafte i jazykovyh praktikah v gorode Ulan-Ude [The Buryat language in the linguistic landscape and language practices in Ulan-Ude] // Sociolinguistics. No. 1 (5) [online]. Pp. 147–163. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-1-5-147-163. (In Russ.)

Mikhajljukova, N.V. (2013) Teksty gorodskih vyvesok kak osobyj rechevoj zhanr : (Na materiale jazyka g. Vladivostoka): avtoref. dis. … kand. filol. nauk [Texts of city signs as a special speech genre (based on the material of the language of Vladivostok): PhD thesis, summary]. Vladivostok. 27 p. (In Russ.)

Nacional'nye jazyki v epokhu globalizaci i: Rossija – Mongolija (2011) [National languages in the Era of Globalization: Russia – Mongolia]. M.: Tezaurus. (In Russ.)

Pavlenko, A. (2016) Russkij jazyk kak lingva franka v zarubezhnoj sfere obsluzhivanija [Russian as a lingua franca in the global service industry] // Mir russkogo slova [The world of the Russian word]. No. 1. Pp. 23–32. (In Russ.)

Pavlenko, A. (2017). Yazykovye landshafty i drugie sotsiolingvisticheskie metody issledovaniya russkogo yazyka za rubezhom [Linguistic Landscape and other Sociolinguistic Methods in the Study of Russian Language Abroad] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Lingvistika [Russian Journal of Linguistics]. No. 21 (3). Pp. 493–514. DOI 10.22363/2312- 9182-2017-21-2-493-514. (In Russ.)

Peshkova, N.P. (2016) Analiz lingvisticheskogo landshafta goroda kak integrativnyj metod issledovanija verbal'nogo soznanija i sostojanija jazyka gorodskogo sociuma [Analysis of the linguistic landscape of the city as an integrative method of studying verbal consciousness and the state of the language of urban society] // Aktual'nye problemy russkoj i sopostavitel'noj filologii : Teorija i praktika [Actual problems of Russian and comparative philology : Theory and practice]. Ufa: RIC BashGU. Pp. 53–58. (In Russ.)

Russkij jazyk v postsovetskom mire: Ukhod i vozvrashhenie? Opyt Mongolii. (2012) Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The Russian language in the post-Soviet world : Departure and return? The experience of Mongolia. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ulaanbaatar, 15–16.09.2010 / Ed. by S. Panarin. Ulaanbaatar: Mongol'skij gosudarstvennyj universitet nauki i tehnologii. Pp. 11–14. (In Russ.)

Tomtogtokh, G. (2015) Russkij jazyk v sociokul'turnom prostranstve sovremennoj Mongolii [Russian Russian in the socio-cultural space of modern Mongolia] // Lingvistika i mezhkul'turnaja

kommunikacija [Linguistics and intercultural communication]. Iss.№ 4 (18). Pp. 208–213. (In Russ.)

Humphrey, K. (2012) Russkij jazyk kak sredstvo vzaimoponimanija mezhdu Mongoliej i Evropoj v XX – nachale XXI veka [Russian language as a means of mutual understanding between Mongolia and Europe in the XX – early XXI century] // Russkij jazyk v postsovetskom mire : Ukhod i vozvrashhenie? Opyt Mongolii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The Russian language in the post-Soviet world: Departure and return? The experience of Mongolia. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ulaanbatar, 15–16. 09. 2010 / Ed. by S. Panarin. Ulaanbaatar: Mongol'skij gosudarstvennyj universitet nauki i tehnologii. Pp. 11–14. (In Russ.)

Khilkhanov, D. L. Khilkhanova, E.V. (2021) Fenomen kul'turnoj distancii v sovremennyh uslovijah : (Jazykovye i religioznye faktory) [The phenomenon of cultural distance in modern conditions : (Linguistic and religious factors)] // Vestnik MGPU. Serija: Filosofskie nauki [Vestnik Moscow city university. Series Philosophical science]. No. 3 (39). Pp. 56–67. DOI 10.25688/2078-9238.2021.39.3.06.

Khilkhanova, E. V. (2022a) Jazykovaja ustanovka i jazykovaja ideologija v zapadnoj i rossijskoj nauke: o razgranichenii ponjatij [Language attitudes and language ideologies in Western and Russian scholarship: the differentiation of concepts]. Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)

Khilkhanova, E. V. (2022b). Ekonomika jazyka i mnogojazychie : Opyt issledovanija v Tatarstane [Language economy and multilingualism : The case of Tatarstan] // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki [Research Result : Theoretical and Applied Linguistics]. No. 8 (2). Pp. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4 (In Russ.)

Cjerjenchimjed Sarancacral (2019). Jazykovaja politika i jazykovaja situacija po inostrannym jazykam v sovremennoj Mongolii [Language policy and language situation in foreign languages in modern Mongolia] // Jazyki v polijetnicheskom gosudarstve : Razvitie, planirovanie, prognozirovanie. Mezhdunarodnaja konferencija (Respublika Burjatija, Ulan-Udje ; Gorjachinsk, 1–4 ijulja 2019 g.) : Doklady i soobshhenija [Languages in a multiethnic state: development, planning, forecasting. International Conference (Republic of Buryatia, Ulan-Ude–Goryachinsk, July 1–4, 2019): Reports and messages] / Ed. by G.A. Dyrheeva, A.N. Bitkeeva, S.V. Kirilenko, B.D. Tsyrenov; Institut mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN, Institut jazykoznanija RAN, Nauchnyj centr «Vostochnaja Evropa» (GiZo) Gissenskogo universiteta im. Justusa Libiga. Ulan-Ude. (In Russ.)

Erdenemam, S. (2014) About the status of the Russian language in Mongolia and interferential mistakes made by Mongolian students // Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin. Vol. 4. No. 3. Pp. 138–143. DOI: http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.14 (In Russ.)

Erdenemam, S. (2006) Russkij jazyk i obraz Rossii v sovremennom mongol'skom obshhestve [Russian language and the image of Russia in modern Mongolian society] // Russkij jazyk i kul'tura v sisteme obrazovanija Mongolii : Sbornik nauchno-metodicheskoj konferencii [Russian language and culture in the education system of Mongolia: Collection of scientific and methodological conference]. Ulaanbaatar. Pp. 33–338.

Backhaus, P. (2007) Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio. Multilingual Matters (136). New York ; Ontario ; Clevalon.

Ben-Rafael, E., Shohamy, E., Hasan Amara, M., Trumper-Hecht, N. (2006) Linguistic landscape as symbolic construction of the public space: The case of Israel. Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism. Pp. 7–30.

Blackwood, R., Tufi, S. (2015) The Linguistic Landscape of the Mediterranean : French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Chambers, J.K. (2000) Sociolinguistic uses of Subjective Evaluation Tests // Einstellungsforschung in der Soziolinguistik und Nachbardisziplinen = Studies in language attitudes / Szilvia Deminger…

(Hrsg.). Frankfurt am Main ; Berlin ; Bern ; Bruxelles ; New York ; Oxford ; Wien: Lang. Pp. 73–83.

Cenoz, J. and D. Gorter. (2006). "Linguistic Landscape and Minority Languages" // International Journal of Multilingualism. No. 3 (1). Pp. 67–80. https://doi.org/10.1080/ 1479071060 8668386.

Cenoz, J. and Gorter, D. (2003) The linguistic landscape of Erregezainen // Escolta Real. Paper presented at the Third Conference on Third Language Acquisition and Trilingualism, September 2003, Tralee, Ireland.

Duchêne, A. and M. Heller (Eds.). (2012). Language in Late Capitalism : Pride and Profit. New York: Routledge.

Ferguson, J., Sidorova, L. (2018) What language advertises : Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // Language Policy. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54.

Gorter, D. (2018) Methods and techniques for linguistic landscape research : About definitions, core issues and technological innovations // Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource / M. Pütz, N. Mundt (Eds). Bristol: Multilingual Matter. Pp. 38-57. DOI 10.21832/9781788922166-005.

Hakala, H. (2013) "Almost as annoying as the Yank; better accent, though" : Attitudes and Conceptions of Finnish Students toward Accents of English. http://www.helsinki.fi /englanti/elfa/ ProGradu_Henrik_Hakala.pdf. Access date: 03.06.2023.

Muth, S. (2017). Russkiy yazyk za rubezhom : Vzglyad na yazyk skvoz' prizmu kommodifikatsii [Russian Language Abroad : Viewing Language through the Lens of Commodification] // Russian Journal of Linguistics. No. 21 (3). Pp. 463–492.DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492. (In Russ.)

Pavlenko, A. (2017) Russian-friendly : How Russian became a commodity in Europe and beyond // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. No. 20 (4). Pp. 385–403. DOI: 10.1080/13670050.2015.1115001.

Viimaranta, H., Protassova, E., Mustajoki, A. (2017) Aspects of Commodification of Russian in Finland // Russian Journal of Linguistics. No. 21 (3). Pp. 620–634. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-3-620-634.

Ryazanova-Clarke, L., Muth, S. (2015). The commodification of Russian around the world // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. Special iss. Pp. 1–4

Примечание

Статья написана при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта № 21-512-12002 ННИО_а «Методы прогнозирования и будущие сценарии развития языковой политики (на примере многоязычной Российской Федерации)»

The reported study was funded by RFBR and DFG, project number № 21-512-12002 ННИО_a "Prognostic methods and future scenarios in language policy – multicultural Russia as an example"

Благодарности

Авторы благодарят за помощь в переводе вывесок на корейском и китайском языках Дашибылову Татьяну Булатовну (корейский язык) и Ошорову Туяну Зоригтуевну (китайский язык).

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Иванов Вячеслав Валерьевич – младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: vvivanov@iling-ran.ru

Для цитирования: *Хилханова Э.В., Иванов В.В.* Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2023. № 2 (14) С. 129–153. DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153

For citation: *Khilkhanova, E.V., Ivanov, V.V.* The commodification of languages and linguistic landscape of the capital of Mongolia [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 129–153. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951–2-14-129-153

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

УДК 81'272 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-154-173

ЯЗЫКОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В КНР

Ма Лина
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Российская Федерация

В основе данной статьи лежит анализ соответствующих положений Конституции КНР, Закона о национальной районной автономии КНР, а также отдельных положений о языке и письменности различных автономных районов Китая. Проведен анализ языкового законодательства в отношении китайских национальных меньшинств с диахронической и синхронической точек зрения как на государственном, так и на местном уровнях. Результат исследования показывает, что в настоящее время существуют определенные различия в языковом законодательстве КНР в районах компактного проживания национальных меньшинств. На данный момент законодательство в северных районах Китая в местах компактного проживания национальных меньшинств (например, уйгуров, монголов, тибетцев и т.д.) более разработано по сравнению с южными регионами.

Ключевые слова: *КНР, языки национальных меньшинств, языковая политика, языковое законодательство, Конституция КНР, Закон о национальной районной автономии КНР*

LANGUAGE LEGISLATION IN RELATION TO NATIONAL MINORITIES IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Ma Lina
Lomonosov Moscow State University,Russian Federation

The article is based on the analysis of the relevant provisions of the Constitution of the People's Republic of China, the Law on the National Regional Autonomy of the People's Republic of China, as well as individual provisions on the language and writing system in various autonomous regions of China. The analysis of the language legislation in relation to Chinese national minorities is carried out from the diachronic and synchronic points of view, both at the state and local levels. The result of the study shows that at present there are certain differences in the language legislation of the People's Republic of China in the areas of compact residence of national minorities. At the moment, legislation in the northern regions of China in places where national minorities reside compactly (for example, Uighurs, Mongols, Tibetans, etc.) is more developed than in the southern regions.

Keywords*: People's Republic of China, languages of national minorities, language policy, language legislation, Constitution of the People's Republic of China, Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy*

1. Введение

Языковое законодательство является неотъемлемой частью национально-языковой политики государства; развитие языкового законодательства особенно важно и значимо для государств с

многонациональным, многоязычным и многоконфессиональным составом населения в целях успешного регулирования национально-языковых проблем [Орешкина, 2021: 125].

Китай является многонациональной и многоязычной страной, в которой проживает 56 национальностей (из которых 55 относятся к национальным меньшинствам) и функционирует 73 различных языка [Ван Чэнь, 2020: 11]. 30 национальностей обладают своей письменностью, при этом существует 55 видов письменности, из которых в настоящее время используется 26 [Там же]. Возникновение данной ситуации в основном обусловлено сложностью языковой ситуации среди национальных меньшинств. Языки большинства национальностей являются бесписьменными, однако некоторые этносы используют два или более языка и письменности, например, этнос цзинпо (景颇族) использует 4 языка, уйгуры (裕固族) – 2 языка; мяо (苗族) используют 5 письменностей, дайцы (傣族) – 4, а монголы (蒙古族) – 2 [Ли Цзиньфан, 2005: 30]. Хуэй (回族) не имеют своего языка и письменности, используют китайский язык и иероглифы. С развитием глобализации, а также в связи с широким распространением общегосударственного китайского языка и взаимодействием между языками различных этносов, некоторые языки национальных меньшинств и письменности больше не используются [Хуан Синь, 2013: 65].

На данный момент в Китайской Народной Республике учреждено 155 административных единиц национальной автономии, включая 5 автономных районов, 30 автономных округов и 120 автономных уездов. Доля населения национальных меньшинств составляет 8,9 % от общей численности населения Китая [Перепись, 2020], а общая площадь административных единиц национальной автономии составляет 64 % от общей площади территории Китая [Ван Чэнь, 2020: 11].

2. Языковое законодательство в отношении языков национальных меньшинств Китая

Языковое законодательство реализуется в отдельных статьях Конституции, в специальных законах о языке (языках), подзаконных актах, указах, постановлениях, распоряжениях, приказах, государственных программах и других нормативно-правовых документах, в которых определяются правовой (юридический) статус языков, порядок и сферы использования языков в обществе, механизмы защиты языковых прав народа и личности, меры по сохранению, защите и поддержке всех языков государства [Орешкина, 2021: 125]. К концу 2020 г. в Китае было принято более двух тысяч действующих законов, нормативно-правовых актов и документов, касающихся языков и письменностей в национальных районах. В данной статье основное внимание уделяется анализу соответствующих положений Конституции КНР, Закона КНР «О национальной районной автономии» («中华人民共和国民族区域自治法») и отдельных

положений о языке и письменности, принятых в различных автономных районах национальных меньшинств.

Конституция

Во многих странах государственный или официальный язык, как правило, устанавливается через конституцию или иные законы. Согласно статистике, из 142 конституций, принятых в мире, в 79 конституциях (55,6 %) установлен государственный или официальный язык [Ван Чэнь, 2020: 11]. В статье 53 «Общей программы народного политического консультативного совета Китая» (далее – Общая программа 1949 г.), которая имела временный конституционный характер накануне образования КНР в 1949 г., было заявлено: «Все народы обладают свободой использовать и развивать свои языки и письменность, сохранять или изменять свои обычаи и вероисповедание» [Общая программа, 1949]. Каждая последующая конституция также содержала данную статью (Табл.1).

Таблица 1

Основные положения о языках и письменности национальных меньшинств в Общей программе 1949 г. и последующих конституциях КНР

Название	Основные положения
Общая программа 1949 г.	Все национальности равноправны (Гл. 6, Ст. 53). Каждая национальность пользуется свободой развития своего языка и письменности (там же).
Конституция 1954 г.	Все национальности равноправны (Гл. 1, Ст. 3; Гл. 6. Ст. 50). Каждый этнос пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев (Гл. 1, Ст. 3)
Конституция 1975 г.	Все этносы равноправны (Гл. 1, Ст. 4; Гл. 6 Ст. 50). Каждый этнос пользуется свободой использования своего языка и письменности (Гл. 1, Ст. 4)
Конституция 1978 г.	Все этносы равноправны (Гл. 1, Ст. 4) Каждый этнос пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев (Гл. 1, Ст. 4)
Конституция 1982 г.	

Таблица 1 демонстрирует, что в целом наблюдается незначительное изменение в положениях Конституции, относящихся к языкам и письменности национальных меньшинств. В Общей программе 1949 г. и в последующих редакциях Конституции четко указано, что все этносы КНР обладают равными правами. Равноправие является фундаментальным правом национальных меньшинств, а равенство в области языка и письменности является логическим следствием.

В Конституции КНР происходили некоторые изменения в отношении языков и письменности национальных меньшинств. Наиболее заметное изменение было зафиксировано в Конституции 1975 г., где слово «развитие» было исключено, осталось только «использование». Кроме того, положение «свобода сохранения или изменения собственных нравов и обычаев» было также удалено. Эти изменения были связаны с особым периодом в истории Китая –

«Культурной революцией». В это время произошли значительные изменения в политической обстановке страны, возникло неверное представление о «бесполезности письменностей национальных меньшинств» [Дай Цинся, 2007: 5], и развитие языкового законодательства практически остановилось. Однако в 1978 г. с принятием 3-й Конституции, было восстановлено содержание, касающееся языков и письменности национальных меньшинств. Тем не менее из-за исторического контекста того времени, Конституция 1978 г. сохраняла влияние «Культурной революции» и имела некоторые недостатки. Впоследствии, в 1982 г., была принята 4-я Конституция, которая унаследовала и развила основные принципы Конституции 1954 г. и включала значительное количество дополнений в отношении языковых прав национальных меньшинств (см. Табл. 2). Все это отражает развитие языкового законодательства Китая в новом историческом периоде.

Таблица 2

Частные положения о правах на использование языков и письменности среди национальных меньшинств в Общей программе 1949 г. и последующих редакциях Конституции КНР

Название	Частные положения о правах на использование языков и письменности
Общая программа 1949 г.	Нет
Конституция 1954 г.	Органы самоуправления автономных районов, автономных округов и автономных уездов при исполнении своих функций пользуются одним или несколькими языками и письменностью, распространенными среди национальностей данной местности （Гл.2, Ст. 71). Граждане всех национальностей имеют право пользоваться в процессе судопроизводства своим родным языком и письменностью. Для сторон, которые не владеют языком и письменностью, распространенными в данной местности, народный суд должен организовать перевод（Гл.2, Ст. 77） В районах, где национальные меньшинства проживают компактно, или в районах, где проживает много национальностей, народные суды обязаны вести судебный процесс на распространенном в данной местности языке и публиковать приговоры, решения, объявления и другие документы на распространенной в данной местности письменности（Гл.2, Ст. 77）
Конституция 1975 г.	Нет
Конституция 1978 г.	Органы самоуправления в районах национальной автономии при осуществлении своих полномочий пользуются одним или несколькими языками и письменностью, распространенными в районах национальной автономии（Гл.2, Ст. 39）.
Конституция 1982 г.	Органы самоуправления в районах национальной автономии при осуществлении своих полномочий в соответствии с нормами и правилами об автономии пользуются одним или несколькими языками и письменностью, распространенными в районах национальной автономии（Гл.3, Ст. 121). Граждане всех национальностей имеют право пользоваться в суде своим родным языком и письменностью. Народный суд и народная прокуратура должны обеспечить перевод для участников судебного процесса, не владеющих языком и письменностью данной местности (Гл.3, Ст. 134). В районах компактного проживания национальных меньшинств или проживания многих национальностей судопроизводство ведется на общепринятом в данном местности языке; обвинительные заключения, приговоры, решения и иные документы оформляются на одном или нескольких распространенных в данной местности языках, исходя из практических нужд (Там же).

Языковое право представляет собой важную тему в языковом законодательстве. Регулирование языковых прав обычно осуществляется через два основных аспекта: планирование языкового статуса и защита языковых прав.

Анализируя данные Таблицы 2, можно заметить, что в Конституции КНР особое внимание уделяется *гарантиям прав на использование родного языка* и *языковым правам в сфере судопроизводства* для национальных меньшинств. Путунхуа является общегосударственным языком Китая, применяемым на территории всего государства, и одновременно выполняет функцию языка межэтнического общения в районах, где проживают различные этносы.

Го Юсюй указывает, что в Конституции Китая (включая Конституцию 1954, 1978 и 1982 гг.) отражается тот факт, что путунхуа и языки национальных меньшинств, используемые в национальных автономных районах, имеют сходный статус официальных языков [Го Юсюй, 2009: 237]. В Конституцию 1954 г. впервые были включены права национальных меньшинств на их использование в Китае. Однако в связи с последовавшей Культурной революцией, эти права были удалены из Конституции в 1975 г. В 1978 г. было восстановлено положение, что органы самоуправления в районах национальной автономии при осуществлении своих полномочий пользуются одним или несколькими языками и письменностью, распространенными в районах национальной автономии [Конституция, 1978]. В Конституциях 1954 и 1982 гг. было определено, что «граждане всех национальностей имеют право использовать свой национальный язык и письменность в судебных разбирательствах» и имеют право на перевод [Конституция, 1954, 1982]. Эти положения признают индивида как субъекта языковых прав, обеспечивая свободу выбора языка и гарантируя право граждан на использование родного языка, а также обеспечивая справедливость в судебных процессах. Тем не менее в судебной практике зачастую возникают трудности с использованием языка национальных меньшинств. Например, отсутствие соответствующих переводов законов на национальные языки, а также недостаточное развитие юридической терминологии на этих языках создают значительные трудности для судей в их практическом применении. Более того, переводы законов не обладают той же юридической силой, что и на китайском языке, отсутствует также соответствующая система правовых переводов, способная решать возникающие проблемы на практике.

Закон «О национальной районной автономии КНР»

Вэй Дан отмечает, что в ходе подготовки Закона КНР «Об общегосударственном языке и письменности» («中华人民共和国国家通用语言文字法») основными объектами его применения являлись как путунхуа и стандартные китайские иероглифы, так и языки национальных меньшинств Китая. Однако, в связи со сложностью и особенностями языков национальных

меньшинств, было принято решение , что данный закон будет направлен только на общеупотребительный язык и письменность, а использование языка и письменности национальных меньшинств будет обозначено при внесении изменений в Законе КНР «О национальной районной автономии» [Вэй Дань, 2010: 38].

Закон КНР «О национальной районной автономии» является фундаментальным законодательным актом, направленным на реализацию системы национального автономного управления в Китае, в соответствии с положениями, предусмотренными Конституцией [Ли Хунцзе, Ма Лия, 2008: 70]. По сравнению с Конституцией, которая представляет собой общие рамки для защиты языковых прав, Закон КНР «О национальной районной автономии» предоставляет более детальные принципы и положения, непосредственно применимые к автономным районам компактного проживания национальных меньшинств.

В Законе КНР «О национальной районной автономии» содержатся положения о языке и письменности национальных меньшинств в нескольких статьях (10, 21, 37, 38, 47, 49 и 53). В данных статьях регулируются языковые права, использование официального языка, язык обучения и изучения, а также меры по защите и развитию языков и письменности национальных меньшинств. Кроме того, закон гарантирует использование языков и письменности национальных меньшинств в судебном процессе, обеспечивая соответствующие гарантии и права их носителей.

В Статье 10 данного закона утверждается, что каждая национальность пользуется свободой использования и развития своего языка и письменности, аналогично Статье 4 и Статье 19 Конституции, а также Статье 8 Закона КНР «О национальной районной автономии».

В исследовании Бая Шуи подчеркивается, что, хотя языковое законодательство Китая и отражает важность свободы использования и развития языков национальных меньшинств, но при этом отсутствуют какие-либо положения, которые признали бы языки национальных меньшинств официальными в соответствующих районах, в отличие от общегосударственного языка (путунхуа) [Бай Шуи, 2009: 76]. Статья 10 определяет и субъект, ответственный за исполнение этого положения, ссылаясь на Статью 4 Конституции. Однако возникают вопросы относительно того, как органы самоуправления национальных автономий обеспечивают надлежащую процедурную защиту прав народностей на использование и развитие их языка. Организационный принцип демократического централизма является основой системы национального районного самоуправления.

С одной стороны, органы самоуправления имеют право самостоятельно принимать решения или вносить изменения в решения вышестоящих органов, с другой стороны, в рамках данной системы, они тоже подчиняются определенному принципу. Они обязаны учитывать

интересы государства и получать одобрение и согласие вышестоящих органов, что может привести к непредсказуемым результатам в ходе юридических процедур [Ли Хунцзе, Ма Лия, 2008: 83].

Статья 21 аналогична Статье 121 Конституции в отношении планирования языкового статуса, где акцентируется официальный статус языков и письменности национальных меньшинств в национальных автономиях, согласно Бай Шуи. Однако следует отметить, что данное положение не является юридически обязательным, а представляет собой общее определение области применения языков национальных меньшинств. Оно относится к «одному или нескольким языкам и письменностям, распространенным в районах национальной автономии» [Бай Шуи, 2009: 76].

Статьи 36 и 37 уделяют особое внимание развитию двуязычного образования, что не упоминается в Конституции, и одновременно представляют основные принципы разработки языкового законодательства для отдельных положений о языке и письменности в районах национальной автономии.

Таким образом, «Конституция КНР» и Закон КНР «О национальной районной автономии» устанавливают принципиальные нормы использования языка и письменности национальных меньшинств на национальном уровне, признают и подтверждают права национальных меньшинств на использование своего языка и отмечают важность развития этих языков.

Отдельные положения о языке и письменности в районах национальной автономии

Закон КНР «О национальной районной автономии» является ключевым законом в национальных районах, охватывающим широкий спектр вопросов, связанных с национальными меньшинствами. Язык и письменность являются лишь одним аспектом этого закона, содержащего только основополагающие положения. Даже в случае будущих поправок в рамках Закона не предполагается установление более детальных нормативных актов. В связи с этим множество других важных аспектов, касающихся использования языка и письменности национальных меньшинств, по-прежнему требуют разработки специальных законов для регулирования этих вопросов. Следовательно, отдельные положения о языке и письменности играют значимую роль в национальных автономных районах [Вэй Дань, 2010: 38].

Статья, представленная в настоящем выпуске журнала, основывается на поиске в базе данных национальных законов и нормативных актов, а также использует базу данных Бэйдафабао (北大法宝) Пекинского университета и официальные сайты администраций национальных автономных районов, где были опубликованы действующие законы,

нормативные акты и правила, касающиеся языка национальных меньшинств. До 31 декабря 2022 г. было собрано 27 отдельных положений (см. Табл. 3). В данной работе проанализированы особенности этих отдельных положений о языке и письменности национальных меньшинств с точки зрения пространственно-временного распределения и содержания.

1. Структура «Положений о работе в области языка и письменности».

Отдельные положения в основном представлены в виде «Положений о работе в области языка и письменности», регулирующих языковую и письменную сферу, и преимущественно охватывают один или два основных языка, используемых национальными меньшинствами в определенном районе. Такие положения обычно принимаются Собранием народных представителей автономного района, автономного округа или автономного уезда. В них рассматриваются вопросы, связанные со статусом языка, языковым равенством и областью использования языка.

На данный момент действует 27 «Положений о работе в области языка и письменности». На уровне автономных районов и провинций существует 4 положения, на уровне автономных округов имеется 13 положений, а на уровне автономных уездов насчитывается 10 положений.

С точки зрения содержания, «Положения о работе в области языка и письменности» включают в себя основные аспекты, такие как использование общегосударственного языка и языков национальных меньшинств, перевод на языки национальных меньшинств, языковое обучение, финансовые вложения, защита прав и интересов этносов и другие аспекты. Например, Положения в автономных районах в отношении языков различных национальных меньшинств содержат информацию о переводе на соответствующие этнические языки. Услуги по переводу в основном охватывают сферы юстиции, администрации, науки, образования, культуры и сферу услуг. В 19 из 27 положений содержатся четкие нормы относительно «судебного перевода». Например, «Положение о работе в области языка и письменности национальных меньшинств в провинции Юньнань» определяет, что для лиц, не владеющих китайским или тибетским языком, должны предоставляться услуги перевода в судебных процессах. Стоит отметить, что в отношении распределения прав и обязанностей, связанных с этническими языками, соответствующие нормы уделяют большое внимание статусу ответственного органа правительства. В положениях о национальных языках Китая часто упоминаются такие термины, как «государство» (частотность употреления слова – 201), «автономный уезд» (частотность слова – 392), «автономный округ» (частотность слова – 301), «органы самоуправления» (частотность слова – 160), «народное правительство» (частотность слова – 144), «организация» (частотность слова – 152), «государственный орган» (частотность слова – 129), «орган власти»

(частотность слова – 109). (Данные получены из собственно созданного языкового корпуса на основе текстов «Положений о работе в области языка и письменности».)

2. Пространственно-временное распределение «Положений о работе в области языка и письменности».

Распределение «Положений о работе в области языка и письменности» неравномерно по времени вступления в силу. Первое положение появилось в 1987 г. в Тибетском автономном районе. После принятия в 1984 г. Закона КНР «О национальной районной автономии» национальные автономные районы начали разрабатывать свои положения. В период с 1990-х по 2000-е годы было выпущено наибольшее количество положений – 19, что составляет 70 % от общего числа Положений. До 2000 г. было принято 19 положений, а после 2000 г. – 8. Эти данные позволяют сделать вывод о необходимости уделения большего внимания и усилий для повышения эффективности положений. Хотя 15 положений (что составляет 56 %) и были подвергнуты редактированию, с тех пор прошло довольно продолжительное время, и только 3 положения были пересмотрены за последние пять лет. Это может указывать на недостаточную регулярность процесса обновления положений, что, в свою очередь, может привести к присутствию устаревших или неактуальных данных в значительной части положений. Поэтому важно активизировать процесс обновления положений с целью поддержания их актуальности и соответствия современным потребностям общества.

Территориальное распределение Положений тоже неравномерно. В настоящее время основная концентрация наблюдается на севере Китая. В частности, в провинции Цинхай приняты 6 положений, в провинции Сычуань – 5, в автономном районе Синьцзян – 4; значительная концентрация положений наблюдается на каждом уровне – в автономных районах, автономных округах и автономных уездах.

С точки зрения отношения к языкам, наибольшее количество положений, всего 11, относится к тибетскому языку. Они преимущественно распространены в Тибетском автономном районе, провинции Цинхай, Ганьсу и Сычуань, особенно на уровне автономных округов. На втором месте находится монгольский язык, для которого было принято 8 положений. Они имеют широкое распространение и охватывают такие районы, как Синьцзян, Цзилинь, Внутренняя Монголия, Ганьсу и Ляонин. Основная доля этих положений принята на уровне автономных уездов. Такое распределение в основном обусловлено историческими причинами.

У северных национальных меньшинств Китая имеется длительная история и развитая структура языка, что обеспечивает им значительное влияние. В истории этих этносов существовали различные формы государственного устройства, а также были созданы единые и широко признаваемые языки, письменность и политическая система. Благодаря сохранению

исторических традиций и относительным политическим и языковым сходствам, северные национальные меньшинства находятся в более благоприятном положении в отношении прав, предусмотренных Конституцией и Законом КНР «О национальной районной автономии», особенно в области языковых прав. Соответствующие права северных национальных меньшинств получают более полноценную защиту и реализацию.

В отличие от северных, южные национальные меньшинства (за исключением периода южно-китайской династии Наньчжао и Дали) не имели исторических государственных образований. Кроме того, южные национальные меньшинства проживают на разрозненных территориях, и между языками и диалектами различных этносов существуют значительные различия. В результате, в социальной, политической и других областях возможности использования языков южных национальных меньшинств значительно ограничены по сравнению с северными [My Шихуа, 2008: 116].

«Положения о работе в области языка и письменности» в основном охватывают восемь языков: монгольский（蒙古语, тибетский（藏语, уйгурский（维吾尔语, казахский（哈萨克语, корейский（朝鲜语, чжуанский（壮语, язык и（彝语）и сибо/сибинский (锡伯语). Среди них первые семь являются языками, перевод на которые предусмотрен на важных собраниях, таких как ВСНП (Всекитайское собрание народных представителей КНР), НПКСК (Народный политический консультативный совет Китая) и Всекитайский съезд КПК (Коммунистической партии Китая) и другие. Одновременно, в соответствии с индексом языковой витальности ЮНЕСКО, эти семь языков являются наиболее функционально развитыми и жизнеспособными этническими языками на территории Китая [Хуан Синь, 2013: 72].

Таблица 3

Положения о работе в области языка и письменности КНР

№	Название	Адм. уровень	Адм. единица	Язык	Год публикации	Год внесения изменений

1	Положение по вопросам обучения, использования и развития тибетского языка и письменности в Тибетском автономном районе	Автономный район	Тибетский автономный район	Тибетский	1987	2019
2	Положение о работе в области языка и письменности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе	Автономный район	Синьцзян-Уйгурский автономный район	Уйгурский	1993	2015
3	Положение о работе в области этнических языков и письменности в Гуанси-Чжуанском автономнном районе	Автономный район	Гуанси-Чжуанский автономный район	Чжуанский	2018	
4	Положение о работе в области этнических языков и письменности в провинции Юньнань	Провинция	Аровинция Юньнань		2013	
5	Положение о работе в области корейского языка и письменности в Яньбянь-Корейском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цзилинь	Корейский	1988	2017
6	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Хайнань-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цинхай	Тибетский	1989	2007
7	Положение о работе в областях монгольского и тибетского языков и письменностей в Хайси-Монгольско-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цинхай	Монгольски й, тибетский	1990	2008
8	Положение о работе в области языка и письменности в Ляншань-Ийском автономном округе	Автономный округ	Провинция Сычуань	И	1992	2009
9	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Голог-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цинхай	Тибетский	1993	2009
10	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Хуаннань-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цинхай	Тибетский	1993	2007

11	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Хайбэй-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цинхай	Тибетский	1994	2004
12	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Юйшу-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Цинхай	Тибетский	1994	2020
13	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Ганьнань-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Ганьсу	Тибетский	1996	
14	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Гардзе-Тибетском автономном округе	Автономный округ	Провинция Сычуань	Тибетский	2015	
15	Положение о работе в области языка и письменности в Баянгол-Монгольском автономном округе	Автономный район	Синьцзян-Уйгурский автономный район	Монгольский, уйгурский	2005	
16	Положение о работе в области языка и письменности в Боро-Тала-Монгольском автономном округе	Автономный район	Синьцзян-Уйгурский автономный район	Монгольский, уйгурский	2017	
17	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Нгава-Тибетско-Цянском автономном округе	Автономный округ	Провинция Сычуань	Тибетский	2018	
18	Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Фусинь-Монгольском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Ляонин	Монгольский	1989	
19	Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Дурбэд-Монгольском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Хэйлунцзян	Монгольский	1991	2010
20	Положение о работе в области языка и письменности в Мабянь-Иском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Сычуань	И	1994	2019
21	Положение о работе в области языка и письменности в Эбянь-Иском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Сычуань	И	1995	2015
22	Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Субэй-Монгольском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Ганьсу	Монгольский	1996	

23	Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Цянь-Горлос-Монгольском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Цзилинь	Монгольский	1996	2017
24	Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Харачин-Цзои-Монгольском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Ляонин	Монгольский	1998	2016
25	Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Тяньчжу-Тибетском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Ганьсу	Тибетский	1999	
26	Положение о работе в области казахского языка и письменности в Аксай-Казахском автономном уезде	Автономный уезд	Провинция Ганьсу	Казахский	2000	
27	Положение об охране в области сибинского языка и письменности в Чабчало-Сибском автономном уезде	Автономный уезд	Синьцзян-Уйгурский автономный район	Сибинский	2016	

3. Заключение

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что система языкового законодательства в отношении языков и письменности национальных меньшинств в Китае основывается на принципах, закрепленных в Конституции КНР, а также в Законе КНР «О национальной районной автономии». Кроме того, она формируется на основе «Положений о работе в области языка и письменности», касающихся использования языков, принятых в различных национальных автономных районах. Однако в современной системе языкового законодательства в отношении национальных меньшинств все еще присутствует спорный структурный вопрос. В 2001 г. был принят национальный закон КНР «Об общегосударственном языке и письменности», который регулирует только нормы использования общегосударственного языка (путунхуа) и письменности (стандартизованных иероглифов), при этом до сих пор не был принят закон, касающийся остальных языков и письменности, включая языки национальных меньшинств Китая, а также жестовый язык, шрифт Брайля и иностранные языки.

Литература

Бай Шуи (2009) Новэй «Сами юйяньфа» юй Чжунго шаошуминьцзу юйянь чжэнцэ дэ бицзяо фэньси [Сравнительный анализ «Закона о саамском языке» в Норвегии и языковой

политики в отношении национальных меньшинств в Китае] // Шэньян шифань дасюе сюебао. № 4. С. 75–79.

Ван Чэнь (2020) Цзиньибу гуаньчэ шиши гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа чжулао : Чжунхуа миньцзу гунтунти иши – се цзай «Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя тунъюн юйянь вэньцзыфа» баньбу 20 чжоунянь чжицзи [Дальнейшая реализация Закона КНР об общегосударственном языке и письменности для консолидации сознания единой китайской нации – по случаю 20-летия введения Закона КНР об общегосударственном языке и письменности] // Чжунго миньцзу. № 11. С. 10–13.

Вэй Дань (2010) Юйянь вэньцзы фачжи цзяньшэ – вого юйянь гуйхуадэ чжуняо шицзянь. [Строительство правовой системы языка и письменности – важная практика языкового планирования в нашей стране] // Бэйхуа дасюе сюебао. № 3. С. 31–41.

Го Юсюй (2009) Юйянь цюаньли хэ шаошуминцзу юйянь цюаньли баочжан яньцзю. [Исследование гарантии прав на язык и прав меньшинств на язык] // Пекин: Чжунян минцзу дасюе.

Дай Цинся (2007) Чжунго миньцзу юйвэнь чжэнцэ гайшу, цзай Ма Лия дэн бянь «Чжунго миньцзу юйвэнь чжэнцэ юй фалюй шупин» [Историческое развитие языковой политики и языкового законодательства в отношении национальных меньшинств, в книге «Обзор языковой политики и языкового законодательства в отношении национальных меньшинств в Китае» / Под ред. Ма Лия, Сунь Хункая, Ли Сюляни, Чжоу Юна, Дай Цинся)] // Миньцзу чубаньшэ. С. 1–16.

Закон о национальной районной автономии КНР (2001) (中华人民共和国民族区域自治法) [Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY2MGQzZjAyNjc%3D

Конституция Китайской Народной Республики (1954). [Электронный ресурс] URL: http://law.pkulaw.com/chinalaw/089435da920a5457bdfb.html

Конституция Китайской Народной Республики (1975). [Электронный ресурс] URL: http://law.pkulaw.com/chinalaw/b9b88ee12f460b95bdfb.html

Конституция Китайской Народной Республики (1978). [Электронный ресурс] URL: http://law.pkulaw.com/chinalaw/c8492c76a860aeb0bdfb.html

Конституция Китайской Народной Республики (1982). [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.htm

Ли Хунцзе, Ма Лия (2008) Шаошуминьцзу юйянь шиюн юй вэньхуа цзяоюй фачжань: чжэнчжи хэ фалюй де гоцзи бицзяо [Использование языков меньшинств и культурное развитие: международное сравнение политики и законодательства] // Пекин: Чжунян минцу дасюе чубаньшэ.

Ли Цзиньфан (2005) Чжунго шаошуминьцзу юй шиюн хэ фачжань цзыцзи дэ юйянь вэньцзы дэ цюаньли [Китайские национальные меньшинства имеют право на использование и развитие собственного языка и письменности] // Жэньцюань. С. 30-33.

Му Шихуа (2008) Лунь наньбэй чаи гэцзюй чжун дэ чжунго шаошуминьцзу юйянь вэньцзы баочжан [Проблемы защиты прав языка и письменности национальных меньшинств в южном и северном Китая] // Чжунян миньцзу дасюе чубаньшэ. С. 116–137.

Общая программа НПКСК 1949 (中国人民政治协商会议共同纲领)[Электронный ресурс] URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ARTI1513309181327976.shtml

Орешкина М.В. (2021) Языковое законодательство [Электронный ресурс] // Социолингвистика. № 4 (8).С. 125–139. DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-125-139

Перепись населения КНР за 2020 г. [Электронный ресурс] URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0305&sj=2022

Положение о работе в области казахского языка и письменности в Аксай-Казахском автономном уезде (2000)（阿克塞哈萨克族自治县哈萨克语言文字工作条例）[Электронный ресурс]

URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2 MTI3Nzc5MzAx NjEyODBiMzAwYTRjMzQ%3D

Положение о работе в области корейского языка и письменности в Яньбянь-Корейском автономном округе (2017)（延边朝鲜族自治州朝鲜语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1Yjk2MTZkZmE1MTAx NjE2ZWMw NmJhOTAwZjQ%3D

Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Дурбэд-Монгольском автономном уезде (2010)（杜尔伯特蒙古族自治县蒙古语言工作条例）[электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5 MzAxNjEyOD gyOGQ2ZDNiODM%3D

Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Субэй-Монгольском автономном уезде (1996)（肃北蒙古族自治县蒙古语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5Mz AxNjEyODA5 OTlkMDRiNmQ%3D

Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Фусинь-Монгольском автономном уезде (1989)（阜新蒙古族自治县蒙古语文工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEy ODA0NTIzZjQ1ZWU%3D

Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Харачин-Цзои-Монгольском автономном уезде (1998)（喀喇沁左翼蒙古族自治县蒙古语文工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3N zc5MzAxNjEyODc3MTZiZTM1MDQ%3D

Положение о работе в области монгольского языка и письменности в Цянь-Горлос-Монгольском автономном уезде (1996)（前郭尔罗斯蒙古族自治县蒙古语言文字工作条例）[электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI 3Nzc5MzAxNjEyN2U1ZWNhMDI1MDk%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Ганьнань-Тибетском автономном округе (1996)（甘南藏族自治州藏语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5Mz AxNjEyODAz OTQzYTQ1NDE%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Гардзе-Тибетском автономном округе (2015)（甘孜藏族自治州藏族语言文字条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5Mz AxNjEyODIzZWM0YjY2MTU%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Голог-Тибетском автономном округе (2009)（果洛藏族自治州藏语言文字工作条例）Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5Mz AxNjEyODYz NDQwOTIyNGQ%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Нгава-Тибетско-Цянском автономном округе (2018)（阿坝藏族羌族自治州藏语言文字条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1YmI2NGZhODMxMzAxNjU 2YjE0ODZlNjA4MzQ%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Тяньчжу-Тибетском автономном уезде (1999)（天祝藏族自治县藏语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAx NjEyODA3ZTQwODQ5YzU%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Хайбэй-Тибетском автономном округе (2004)（海北藏族自治州藏语言文字工作条例）[Электронный

ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODYy ZTRlODIxZWY%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Хайнань-Тибетском автономном округе (2007)（海南藏族自治州藏语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODY5 OTM1NzI 4MmM%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Хуаннань-Тибетском автономном округе (2007)（黄南藏族自治州藏语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyN2VmYz NkOTJmOTA%3D

Положение о работе в области тибетского языка и письменности в Юйшу-Тибетском автономном округе (2020)（玉树藏族自治州藏语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE3MzZiYjE5ZDAxNzQwZjhh NjA4YzU5ZTc%3D

Положение о работе в области этнических языков и письменности в Гуанси-Чжуанском автономном районе (2018)（广西壮族自治区少数民族语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1YmE2MjAwNzE1YTA xNjRlOTMwMzAzOTA4MTg%3D

Положение о работе в области этнических языков и письменности в провинции. Юньнань (2013)（云南省少数民族语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL:https:// flk.npc.gov.cn/ detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyN2Q2OWJmNjE1OTI

Положение о работе в области языка и письменности в Баянгол-Монгольском автономном округе (2005)（巴音郭楞蒙古自治州语言文字管理条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODIzN2JhYjY1OTU%3D

Положение о работе в области языка и письменности в Боро-Тала-Монгольском автономном округе (2017)（博尔塔拉蒙古自治州语言文字工作管理条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3ZTliMWVjODAxN2VhNDgyODY1YjZkMzk%3D

Положение о работе в области языка и письменности в Синьцзян-Уйгурском. автономном районе (2015)（新疆维吾尔自治区语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODg3ODk1NzNlZTk%3D

Положение о работе в области языка и письменности народности и в Ляншань-Ийском. автономном округе (2009)（ 凉山彝族自治州彝族语言文字工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk. npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODg0NGExMTNjNzU%3D

Положение о работе в области языка и письменности народонсти и в Мабянь-Иском автономном уезде (2014)（马边彝族自治县彝族语言文字条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/ detail2.html?MmM5MGU1Yjk2YzEyOGI0YzAxNmQwNDU3YzA5NDIwZDI%3D

Положение о работе в области языка и письменности народности и в Эбянь-Иском автономном. уезде (1995)（峨边彝族自治县彝族语言文字条例）[электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov. cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODRhMWVmNjA5MDk%3D

Положение о работе в областях монгольского и тибетского языков и. письменностей в Хайси-Монгольско-Тибетском автономном округе (2008)（海西蒙古族藏族自治州蒙古族藏族语

文工作条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODYzMTNkZDIyMjA%3D

Положение об охране в области сибинского языка и письменности в Чапчал-Сибоском автономном уезде (2016)（察布查尔锡伯自治县锡伯语言文字保护条例）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODI2MGU3ZDY4ODg%3D

Положение по вопросам обучения, использования и развития тибетского языка и. письменности в Тибетском автономном районе (2019)（西藏自治区学习、使用和发展藏语文的规定）[Электронный ресурс] URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html? ZmY4MDgwODE2ZWE3MTlkNzAxNmVhYjgzZDAwNTE5MmQ%3D

Хуан Синь (2013) Шаошуминьцзу юйянь вэньцзы шиюн цинкуан дяоча шуяо. [Обзор исследования по использованию языков и письменности меньшинств] // Миньцзу фаньи. №. 3. С. 64–78.

References

Bai Shuyi (2009) Nuowei Sami yuyanfa yu Zhongguo shaoshuminzu yuyan zhengce de bijiao fenxi [A Comparative Analysis of the Norwegian Sámi Language Act and China's Minority Language Policy] //Shenyang shifan daxue xuebao. No. 4. Pp. 75–79. (In Chin.)

Common Program of the Chinese People's Political Consultative Conference (1949) (Electronic resource) URL: http://www.cppcc.gov.cn/2011/12/16/ARTI1513309181327976.shtml

Constitution of the People's Republic of China (1954) (Electronic resource) (In Chin.) URL: http://law.pkulaw.com/chinalaw/089435da920a5457bdfb.html

Constitution of the People's Republic of China (1975) (Electronic resource) (In Chin.) URL: http://law.pkulaw.com/chinalaw/b9b88ee12f460b95bdfb.html

Constitution of the People's Republic of China (1978) (Electronic resource) (In Chin.) URL: http://law.pkulaw.com/chinalaw/c8492c76a860aeb0bdfb.html

Constitution of the People's Republic of China (1982) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2004/content_62714.html

Dai Qingxia (2007) Zhongguo minzu yuwen zhengce gaishu, zai Maliya deng bian "Zhongguo minzu yuwen zhengce yu falv shuping" [Historical developments in policy and law on minority language, in Maliya et al., Review of Policy and Law on Linguistic Minorities in China] // Minzu chubanshe. Pp. 1–16. (In Chin.)

Guo Youxu (2009) Yuyan quanli he shaoshuminzu yuyan quanli baozhang yanjiu [Study on. language rights and guarantees of minority language rights] // Beijing, Zhong yang min zu da xue. (In Chin.)

Huang Xing (2013) Shaoshuminzu yuyan wenzi shiyong qingkuang diaocha shuyao [Ranking of the Chinese Ethnic Language in Terms of Their Vitality] // Minzu fanyi. No. 3. Pp. 64–78. (In Chin.)

Law of the People's Republic of China on Regional National Autonomy (2001) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2. html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY2MGQzZjAyNjc%3D

Li Hongjie, Ma Liya (2008) Shaoshuminzu yuyan shiyong yu wenhua jiaoyu fazhan: Zhengzhi he falv de guoji bijiao [Minority Language Use and Cultural Development: International Comparison of Policy and Law] // Beijing, Zhongyang minzu daxue chubanshe. (In Chin.)

Li Jinfang (2005) Zhongguo shaoshuminzu you shiyong he fazhan ziji yuyan wenzi de quanli [Ethnic groups in China have the right to use and develop their own spoken and written languages] // Renquan. Pp. 30–33. (In Chin.)

Mu Shihua (2008) Lun nanbei chayi gejuzhong de zhongguo shaoshumunzu yuyan wenzi baozhang. wenti [Issues on Protection of Minority language Rights in the South and North China] // Zhongyang minzu daxue chubanshe. Pp. 116–137. (In Chin.)

Oreshkina, M.V. Language legislation [online] //Sociolinguistics. 2021. No. 4 (8). Pp.125–139. DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-125-139 (In Russ.)

PRC Census 2020. URL: https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0305&sj=2022

Provisions of the Tibet Autonomous Region on the Study, Use and Development of the Spoken and Written Tibetan Language (2019) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE2ZWE3MTlkNzAxNmVhYjgzZDAwNTE5MmQ%3D

Regulations on Kazakh Language Work in Aksay Kazakh Autonomous County (2000) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODBiMzAwYTRjMzQ%3D

Regulations on Korean Language Work in Yanbian Korean Autonomous Prefecture (2017) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1Yjk2MTZkZmE1MTAxNjE2ZWMwNmJhOTAwZjQ%3D

Regulations on Mongolian Language Work in Dulbert Mongolian Autonomous County (2010) (Electronic resource) (In Chin.) URL:https://flk.npc.gov.cn/ detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODgyOGQ2ZDNiODM%3D

Regulations on Mongolian Language Work in Subei Mongol Autonomous County (1996) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAy OGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODA5OTlkMDRiNmQ%3D

Regulations on Mongolian Language Work in Fuxin Mongol Autonomous County (1989) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODA0NTIzZjQ1ZWU%3D

Regulations on Mongolian Language Work in Harqin Left Mongol autonomous county (1998) (Electronic resource) (In Chin.) URL:https:// flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODc3MTZiZTM1MDQ%3D

Regulations on Mongolian Language Work in Qianguoerluosi Mongol Autonomous County (1996) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/ detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyN2U1ZWNhMDI1MDk%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Gannan Tibetan Autonomous Prefecture (1996) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODAzOTQzYTQ1NDE%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Garze Tibetan Autonomous Prefecture (2015) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODIzZWM0YjY2MTU%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Golog Tibetan Autonomous Prefecture (2009) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODYzNDQwOTIyNGQ%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Aba Tibetan and Qiang Autonomous Prefecture (2018) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1YmI2NGZhODMxMzAxNjU2YjE0ODZlNjA4MzQ%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Tianzhu Tibetan Autonomous County (1999) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAy OGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODA3ZTQwODQ5YzU%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Haibei Tibetan Autonomous Prefecture (2004) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODYyZTRlODIxZWY%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Hainan Tibetan Autonomous Prefecture (2007) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAy OGFiY2M2MTI3Nzc 5MzAxNjEyODY5OTM1NzI4MmM%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Huangnan Tibetan Autonomous Prefecture (2007) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M 2MTI3Nzc5MzAxNjEyN2VmYzNkOTJmOTA%3D

Regulations on Tibetan Language Work in Yushu Tibetan Autonomous Prefecture (2020) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgwODE3 MzZiYjE5ZDAxNzQwZjhhNjA4YzU5ZTc%3D

Regulations on Minority Language Work in Guangxi Zhuang Autonomous Region (2018) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1Ym E2MjAwNzE1YTAxNjRlOTMw MzAzOTA4MTg%3D

Regulations on Minority Language Work in Yunnan Province (2013) (Electronic resource) (In Chin.) URL:https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyN2Q2OWJm NjE1OTI

Regulations on Language Work in Bayinguoleng Mongol Autonomous Prefecture (2005) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2 MTI3Nzc5MzAxNjEyODIzN2JhYjY1OTU%3D

Regulations on Language Work in Boro-Tala-Mongol Autonomous Prefecture (2017) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3 ZTliMWVjODAxN2VhNDgyODY1YjZkMzk%3D

Regulations on Language Work of Xinjiang Uygur Autonomous Region (2015) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEy ODg3ODk1NzNlZTk%3D

Regulations on Yi Language Work in Liangshan Yi Autonomous Prefecture (2009) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5 MzAxNjEyODg0NGExMTNjNzU%3D

Regulations on Yi Language Work in Mabian Yi Autonomous County (1994) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MGU1Yjk2YzEyOGI0YzAxNmQw NDU3YzA5NDIwZDI%3D

Regulations on Yi Language Work in Ebian Yi Autonomous County (1995) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEy ODRhMWVmNjA5MDk%3D

Regulations on Mongolian and Tibetan Language Work in Haixi Mongol and Tibetan Autonomous Prefecture (2008) (Electronic resource) (In Chin.) URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html? NDAyOGFiY2M2MTI3Nzc5MzAxNjEyODYz MTNkZDIyMjA%3D

Regulations on the Protection of the Sibe Language Work in Qapqal Xibe Autonomous County (2016) (Electronic resource) (In Chin.) URL:https://flk.npc.gov.cn/ detail2.html?NDAyOGFiY2M 2MTI3Nzc5MzAxNjEyODI2MGU3ZDY4ODg%3D

Wang Chen (2020) Jinyibu guanche shishi guojia tongyong yuyan wenzifa zhulao zhonghuaminzu. gongtongti yishi xiezai “Zhonghua renmin gongheguo guojia tongyong yuyan wenzi fa» banbu 20 zhounian zhiji” [Further Implementing the Law of the People's Republic of China on the National Language and Script to Consolidate the Consciousness of the Unified Chinese Nation - Written on the Occasion of the 20th Anniversary of the Introduction of the Law of the People's Republic of China on the National Language and Script] // Zhongguo minzu. No. 11. Pp.10–13. (In Chin.)

Wei Dan (2010) Yuyan wenzi fazhijianshe – woguo yuyan guihua de zhongyao shijian [Language. and Legal Construction – An Important Practice of Language Planning in China] // Beihua daxue xuebao. No. 3. Pp. 31–41. (In Chin.)

Ма Лина – аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Эл. адрес: malinadeyouxiang@mail.ru

Для цитирования: *Ма Лина*. Языковое законодательство в отношении национальных меньшинств в КНР [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 154–173 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-154-173

For citation: *Ma Lina.* Language legislation in relation to national minorities in the People's Republic of China [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 154–173. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-154-173

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

CRITICS AND REVIEWS

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-174-176

Рецензия

Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова В.А. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан, 2022. 160 с.

Рецензируемая коллективная монография, с одной стороны, укоренена в традиционной социолингвистической парадигме, с другой – носит междисциплинарный и интегративный характер, объединяя подходы и методы не только социолингвистики, но и дискурсного анализа и психолингвистики. Работ, которые изучают специфику региональной языковой политики или особенности национального (этнического) сознания, в России достаточно много. При этом исследований, где сочетались бы вышеупомянутые методологические подходы и методические приемы, явно недостаточно, и монография Т.Г. Боргояковой, А.В. Гусейновой и В.А. Покояковой восполняет этот пробел.

Руководитель проведенного и поддержанного грантом РФФИ исследования Т.Г. Боргоякова является известным социолингвистом, а авторский коллектив уже на протяжении многих лет изучает меняющуюся языковую ситуацию в республиках Южной Сибири (РЮС) – Туве, Хакасии и Алтае, что отражено в ряде публикаций как монографических, так и журнальных. Рецензируемая монография построена на обширном репрезентативном материале, преимущественно на данных социолингвистических и психолингвистических опросов, проведенных в 2020–2022 гг. с участием более 4000 респондентов. Пул респондентов составлен с учетом территориальных, этнических и возрастных параметров и охватывает три республики Южной Сибири с проживающими там наиболее крупными этническими группами (русские, алтайцы, тувинцы, хакасы) и коренными малочисленными народами (кумандинцы, теленгиты, тубалары, челканцы – в Республике Алтай, тувинцы-тоджинцы – в Республике Тува, шорцы – в Республике Хакасия). Как справедливо отмечают авторы, категория языков этих групп часто остается без внимания, т.к. большинство исследований по языковой политике в РЮС посвящено языкам титульных этносов во взаимодействии с русским языком.

Монография состоит из трех глав и двух приложений. Первая глава затрагивает разные аспекты языковой политики, в том числе концептуально-теоретические, правовые,

этнодемографические, проблемы функционирования языков и их витальности. Следует отметить, что наряду с анализом научного (социолингвистического), законодательного, институционального и медийного дискурсов в первой главе присутствует раздел, посвященный субъектам языковой политики в Республике Тува, в нем отражены как активное участие общественности республики «в обсуждении проблем и угроз в сохранении и развитии тувинского языка», так и «готовность власти к учету их рекомендаций» (с. 27). Этот раздел вносит вклад в приращение научного знания о недостаточно изученной категории субъектности, степени ее актуализированности в регионах РФ и характере взаимодействия региональных властей с гражданским сообществом.

Во второй главе рассматривается ряд важных социальных факторов, влияющих на состояние миноритарных языков или (в некоторых случаях) являющихся их следствием: языковая лояльность, языковое поведение, языковые установки, фактор урбанизации и этнической идентичности. Авторы делают ряд интересных выводов и наблюдений в отношении данных факторов и их последствий. К таковым, на наш взгляд, относятся: наличие среди жителей Тувы, Хакасии и Алтая *топоса вины* за утрату языка (вина при этом возлагается на самих носителей миноритарных языков, что авторы считают не только несправедливым, но и контрпродуктивным); разрыв между позитивными установками по отношению к родным языкам и реальным языковым поведением; крайне слабый уровень языковой поддержки языков коренных малочисленных народов (КМН) РЮС по сравнению с государственными языками; неоднозначность статуса языков КМН РЮС – челканского, кумандинского, теленгитского и тубаларского. Их интерпретация как отдельных языков (отраженная в классификации языков России Института языкознания РАН и разделяемая авторами монографии) поддерживается не всеми учеными и представителями данных субэтносов, видящими в этом подрыв единства алтайского народа и единого литературного языка.

Третья глава посвящена вопросам языка и идентичности в РЮС в психолингвистическом аспекте. Авторами выявлена высокая степень нейтрального восприятия всех языков РЮС русскими, хакасскими, тувинскими и алтайскими респондентами (80 % от всех реакций). Что касается идентичности, установлен ее двухуровневый характер (общероссийская и этнорегиональная), при этом Россия ассоциируется преимущественно с русскими, а РЮС – с титульными народами.

Хотелось бы отметить большую плотность текста. Многие темы и дисциплинарные области представлены достаточно компактно. Это является скорее достоинством работы, хотя иногда возникает желание прочитать о некоторых сюжетах более подробно. В частности, особый интерес вызывают дискуссии на тему языков и языковой политики в электронных СМИ и

социальных сетях. Несмотря на существуещее мнение, что онлайн-коммуникация практически не имеет последствий для реального политического контекста, многие исследователи доказывают, что именно технологии и алгоритмы, развивающиеся в веб-среде, позволяют разрушать стереотипы, расширять аудиторию политической деятельности, создавать новые форматы, вовлекающие гражданское общество в политические процессы [см.: Пильгун, Габдрахманова, 2020].

В целом рецензируемая монография дает полный, многоаспектный срез современного состояния языков Южной Сибири и рефлексии жителей региона на предмет языков и их носителей. Можно было бы пожелать коллективу авторов в будущих исследованиях обратить внимание и на другие методы (помимо социолингвистического опроса и ассоциативного эксперимента), например интервью, нарративный анализ (в первую очередь лингвистические биографии). Применение таких методов сделало бы уже используемый авторами триангуляционный подход еще более многомерным, предоставив доступ к причинам и контекстам тех или иных ответов, оценок и позиций респондентов.

Э.В. Хилханова,

Институт языкознания РАН

Литература

Пильгун, М. А., Габдрахманова Н. Т. Предиктивная аналитика конфликтов: Восприятие мигрантов жителями г. Москвы // Медиалингвистика: Материалы IV междунар. науч. конференции. Санкт-Петербург, 09–12 ноября 2020 года. Вып. 7. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2020. С. 172–175.

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1
Эл. адрес: erzhen133@mail.ru

Для цитирования: Хилханова Э.В [Рецензия] *Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова В.А.* Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан, 2022. [Электронный ресурс]. // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 174–176 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-174-176

For citation: Khilkhanova, E.V. [Review] *Borgoyakova T.G., Guseinova A.V., Pokoyakova V.A.* Languages of Southern Siberia in the dynamics of social context [online].// Sociolinguistics, 2023. No. 2 (14). Pp.174–176 (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-174-176

УДК 811.133.1’28 DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-177-182

Рецензия

Ретинская Т.И. Региональный вариант французского языка: Социолингвистический и лингвостилистический анализ: Уч. пособие. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. 161 с.

Одной из приоритетных задач современного языкознания является изучение богатства и самобытности национального языка, его ресурсов и потенций, различных форм его существования, и в том числе региолектов. В последние годы активно развиваются науки, в сфере внимания которых находится жизнь регионов (быт, культура, ценности, социальная структура, взаимоотношения жителей, проявляемые в языковом пространстве): филологическая и лингвистическая регионалистика, лингвистическое краеведение, исследования по языку писателей, творчество которых раскрывает материальную и духовную культуру определенной территории на каком-либо временном срезе.

Познание особенностей территориальных вариантов национального языка актуально как для исследователей языка в целом, прежде всего лингвистов, регионоведов, так и тех, кто только приступает к глубокому, целенаправленному изучению языка: бакалавров, магистрантов, аспирантов.

Учебное пособие Т.И. Ретинской реализует оба эти направления в изучении языка – собственно исследовательское и учебно-ориентированное.

Как свидетельствует название пособия, оно посвящено описанию территориального варианта французского языка. Статус учебного пособия задает определенный вектор структуры и отбора материала книги. Вполне оправданным и даже необходимым является изложение в начале книги теоретических сведений – позиций автора по таким важным для дальнейшего описания вопросам, как:

– регионализация французского языка в трудах зарубежных и отечественных лингвистов;

– территориальный вариант национального языка и его социолингвистический статус;

– понятие *регионализмов* и их типология;

– понятие *семантических доминант* и др.

Поскольку любой региолект в значительной мере обусловлен экстралингвистическими факторами, очень важно, как справедливо замечает Т.И. Ретинская, при комплексном подходе к его изучению знание научных трудов различного характера: исторических, этнографических, источниковедческих, лексикографических, собственно лингвистических. Особое внимание при этом следует уделять работам регионоведческого характера, историографическим изданиям.

В учебном пособии Т.И. Ретинская демонстрирует именно такой подход: опора на серьезные и многоплановые исследования обеспечивает достоверность авторских выводов.

Конечно же, добротность описания регионолекта во многом зависит от богатства и репрезентативности фактического материала, от новизны материальной базы исследования. Именно поэтому в книге уделяется значительное внимание методологии выявления, изучения и последующего лексикографирования регионального лексического фонда: работа с источниками, полевые эксперименты, обращение к художественным текстам – произведениям писателей, хорошо знающих уклад и обычаи жителей определенной территории, точно отражающим речь носителей регионолекта.

Важно подчеркнуть, что для сбора и проверки языковых фактов Т.И. Ретинская привлекает самые разнообразные источники:

– лексикографические издания: разные по типам словари национального языка, в том числе, что особенно значимо, словари региональные;

– лингвистические атласы;

– материалы полевых исследований;

– этнографические источники;

– периодические издания;

– тексты художественных произведений.

Перечень источников свидетельствует, с одной стороны, о репрезентативности источниковедческой базы, с другой – показывает начинающим исследователям языка, что́ может и должно служить основой сбора и анализа материала.

Объектом детального описания в книге являются два территориальных варианта французского языка: шампанский и арденнский, имеющие, как и все диалекты одного языка, немало общего, но и значительно отличающиеся друг от друга, что проявляется ярче всего в особенностях их словарных составов.

Т.И. Ретинская убедительно показывает, что в составе территориальных диалектов значительное место традиционно занимают лексические единицы и устойчивые словосочетания, связанные с трудовой деятельностью носителей говоров, отражающие социально-экономическое развитие региона. Как правило, именно такие номинативные единицы играют важную роль в создании лингвистического ландшафта определенной территории. Необходимость номинации предметов, орудий и продуктов труда, процессов трудовой деятельности, а также ее субъектов способствует появлению большого числа регионально ограниченных номинативных единиц, что мы наблюдаем в исследовании Т.И. Ретинской, раскрывающем общее и различное в лексиконе двух регионолектов.

В каждом регионе доминирующие виды трудовой деятельности обусловлены географическими условиями, положением края, что стимулирует развитие определенных групп лексики и фразеологии. Так, в шампанском регионе самым представительным и детально дифференцированным оказывается семантическое поле «Виноградарство», в арденнском регионе – «Лесоводство».

В то же время семантическое поле «Животноводство» представлено в обоих изучаемых вариантах языка. Структура этого поля во многом совпадает в шампанском и арденнском регионах: автором демонстрируется общность регионорецептивных концептов: «Породы», «Воспроизводство», «Выпас», «Корма» и др. (с. 30). Однако лексический состав данных концептов различен, что объясняется экстралингвистчиескими факторами, а именно особенностями направлений животноводства – овцеводство в департаментах Шампани, скотоводство в департаментах Арденны. Автор учебного пособия показывает на богатом лексическом материале, какие именно семантические доминанты и семантические микрополя и в какой мере представлены в указанных регионах.

Т.И. Ретинская уделяет особое внимание лексико-семантическим группам единиц, которые отличаются значительной наполненностью в разных регионах и не зависят от социально-экономических и географических особенностей. Это, в первую очередь, классифицирующие и характеризующие наименования человека – оценочные субстантивы, называющие лицо по отношению к труду. Этот критерий номинации особенно важен, поскольку представляет собой проявление человеческой личности, характера, моральных установок. Всегда пользовался симпатией, вызывал уважение человек усердный, старательный, любящий и умеющий трудиться долго и без устали. Отклонения от веками складывающейся общественной нормы были очень заметны и всегда осуждались обществом, отрицательное отношение к труду негативно сказывалось на общих результатах, благополучии, достатке семьи, коллектива. Объектом осуждения, как отмечает Т.И. Ретинская, в шампанском регионе был неумелый работник, лентяй, человек, на которого нельзя положиться, занимающийся бесполезным делом и др. (с. 31–32).

В составе различных территориальных диалектов, наряду с оценочными агентивами, широко представлена и лексика, связанная с отражением окружающего быта. В книге выделено несколько микрополей с семантической доминантой «Ведение домашнего хозяйства», преобладающими среди них являются группы наименований: «Жилые постройки», «Мебель», «Предметы домашнего обихода», «Приготовление пищи» и др.

Следует отметить четкость и наглядность в описании регионального материала, чему способствует системное представление его в многочисленных таблицах (с. 33, 37, 39 и др.).

Вполне справедливо замечание Т.И. Ретинской, что «по семантическим доминантам региональных вариантов национального языка можно непосредственно судить о приоритетах картины мира их носителей» (с. 34).

Наряду с социолингвистическим направлением изучения региональных вариантов французского языка особое внимание в книге уделяется *лингвостилистическому аспекту* региональной лексики, исследуются особенности регионализмов в художественных текстах французских писателей XX – начала XXI вв., устанавливается информационный потенциал регионализмов.

Важно отметить, что в последнее время, наряду с традиционными источниками описания регионального языкового материала, и в российской лингвистике все большее развитие получает привлечение текстов художественных произведений, отражающих языковые особенности определенного региона. Творения мастеров слова, хорошо знавших родные говоры, является ценнейшей, а иногда и единственной базой сведений о диалектных системах прошлого. «…Данные художественных текстов реалистического характера при их генетической соотносительности с определенной диалектной базой могут быть не менее надежными, чем диалектологические», – писал в свое время С.И. Котков, основоположник лингвистического источниковедения как особого направления в изучении языка (*Котков С.И.* Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI–XVIII веков. М., 1970. с. 91).

Т.И. Ретинская описывает особенности введения регионализмов в ткань художественных произведений, способы семантизации и инкорпорации региональных лексем, место, роль и функционирование таких единиц в речи героев и в авторской речи.

Интересным представляется замечание автора, что при характеристике регионализмов в художественном произведении важным является критерий концентрации региональных единиц в тексте (с. 39), дифференциация регионализмов по степени употребительности: высокой, средней, малой. Действительно, все это свидетельствует о своеобразии идиостиля писателя, самобытности его творческого почерка.

Установленные средства текстуального пояснения лексем во многом можно считать универсальными и применять к анализу лексики любого художественного произведения региональной тематики (с. 40–41).

Особого внимания и бесспорно положительной оценки заслуживают главы, посвященные *витальности* регионального слова. Проблема витальности регионализмов и в целом регионолектов, когда многое изменяется в языке, быстрыми темпами появляется новое и уходит в прошлое традиционное, безусловно, является очень актуальной в современной лингвистической регионалистике.

Хочется обратить внимание на замечание автора книги, что сохранению регионализмов способствует появление в структуре их лексического значения дополнительной семы, передающей положительную или отрицательную оценку объекта номинации. Это один из путей развития лексического значения диалектного слова, продлевающий ему жизнь и обеспечивающий его долголетие. Такое же явление мы наблюдаем и в живых народных говорах орловского края. Немало лексических единиц, приобретая оценочный компонент значения, повышают активность употребления в речи диалектоносителей.

Т.И. Ретинской предложены две модели изучения жизнестойкости регионолекта, базирующиеся либо на сборе и анализе регионолексикографических данных, либо на систематизации и интерпретации диалектных слов, введенных в произведения региональных писателей-журналистов. Конечно же, эти два направления изучения регионального лексического фонда дополняют друг друга и позволяют выявить с высокой долей вероятности стабильные регионализмы, что, в свою очередь, даст ценные сведения о степени сохранности изучаемых регионолектов. Комплексный анализ репрезентативной, строго отобранной лексики и словарного фонда арденнского регионолекта позволил автору установить экстра- и интралингвистические факторы, способствующие сохранению диалекта (с. 90–91). В абсолютном большинстве перечисленные факторы относятся не только к описанному арденнскому регионолекту, но и другим региональным вариантам языка.

Сама установка автора книги на исследование витальности регионализмов является, на наш взгляд, очень перспективной, подобная модель исследования применима и к изучению территориальных диалектов русского языка.

Думаем, что полученные выводы будут небезынтересны и тем, кто занимается изучением как русских народных говоров, так и социальных диалектов русского языка.

Книга содержит приложение – глоссарий регионализмов из произведений шампанских и арденнских писателей и журналистов. Словарь включает в себя более 1700 регионализмов, извлеченных из текстов произведений пятнадцати авторов. Каждая словарная статья имеет строго определенную информативную структуру: вокабулу – заглавное слово, указание на частеречную принадлежность, указание на источник/источники, где зафиксирована представленная лексическая единица, толкование.

Большая подготовительная работа по созданию словаря, включающая проверку значений лексических единиц по различным региональным словарям и лингвистическим атласам, беседы с информантами в полевых условиях, не вызывают сомнения в достоверности лексикографированных единиц. Наличие списка условных сокращений, графическая четкость оформления данного словаря делает его удобным в использовании.

Свежесть и новизна представленного материала, несомненно, будут по достоинству оценены лингвистами, исследователями социальных и территориальных диалектов, лексикографами, литературоведами. Наблюдения и выводы автора, содержащиеся в семи главах книги, представляют интерес для ученых, занимающихся изучением лингвокультурного пространства отдельных территориальных диалектов, региональной лексики и фразеологии, а также изучением авторского идиостиля.

Как учебное пособие работа Т.И. Ретинской «Региональный вариант французского языка: социолингвистический и лингвостилистический анализ» будет полезна и вузовским преподавателям, и обучающимся – студентам, бакалаврам, магистрантам, аспирантам – при изучении и усвоении социолингвистических, лингвосоциологических и лингвокультурологических дисциплин.

Т.В. Бахвалова,

А.Р. Попова

Орловский государственный университет

имени И.С. Тургенева

Бахвалова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95
Эл. адрес: btv-orel@yandex.ru
Попова Анна Ростиславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
Адрес: 302026, Россия, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95
Эл. адрес: studioaa2001@yandex.ru

Для цитирования: *Бахвалова Т.В., Попова А.Р.* [Рецензия] *Ретинская Т.И.* Региональный вариант французского языка : Социолингвистический и лингвостилистический анализ : Уч. пособие. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. 161 с. [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2023. № 2 (14). С. 177–182. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-177-182

For citation: *Bakhvalova, T.V., Popova, A.R.* [Review] *Retinskaya T.I.* Regional variant of French: Sociolinguistic and linguo-stylistic analysis. Orel: Orel State University, 2021. 161 p. [online] // Sociolinguistics. 2023. No. 2 (14). Pp. 177–182. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-177-182

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Основные требования

1. Материалы представляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно наличие сопроводительных документов:

2.1. Сведения об авторе статьи в отдельном файле (на отдельной странице), включающих фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языках.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Минимальный объем статьи – 0,8 п.л. (32 000 знаков с пробелами), максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

✓ Индексы УДК и ББК.

✓ Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).

✓ Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты.

✓ Аннотация на русском и английском языках.

✓ 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).

✓ Текст статьи.

✓ Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с действующим ГОСТом, и на английском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале (References).

✓ При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

– Заглавия научных статей должны быть информативными.

– В заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения.

– В переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

– Указание фамилии, имени, отчества автора (авторов) кириллическим и латинским шрифтами. На латиницу фамилия, имя и отчество автора переводятся через систему транслитерации. Рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru.

– Указание ученого звания и ученой степени на русском и английском языках.

– Предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора. Все адресные сведения, кроме наименования улицы, должны быть представлены на английском языке. Наименование улицы транслитерируется.

Образец

Иванов Иван Иванович − доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН

socioling@mail.ru

Большой Кисловский пер., 1/1, 125009, г. Москва, Российская Федерация

Ivanov Ivan Ivanovich − Doctor of Philology, Professor, Senior researcher of the Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences

socioling@mail.ru

Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенное содержание и результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется в электронном формате на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: ***Введение***, ***Методика***, ***Результаты и обсуждение***, ***Выводы***.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате

– Материал должен быть представлен в формате Microsoft Word (2000–2007) с расширением *.rtf.

– Шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал – 1,5.

– Поля страницы – по 2 см с каждой стороны.

– Имя файла должно быть набрано латиницей и содержать фамилию автора (например: Ivanova.rtf).

Требования к оформлению текста

– Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.

– Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).

– Использование разрядки как способа выделения не допускается.

– Переносы не допускаются.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на ***пристатейный список литературы*** приводятся ***в квадратных скобках***, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов два или три, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке ***в круглых скобках*** приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (***при этом сокращения должны быть указаны в списке источников***).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **ЛИТЕРАТУРА**, не нумеруется и составляется ***в алфавитном порядке***. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. ***Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно.***

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia). Источники и словари оформляются

отдельным списком по алфавиту (с указанием принятых сокращений) в соответствии с требованиями, которые предъявляются к оформлению списка литературы.

Источник в списке литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

– ФИО автора;

– год издания работы в скобках (только цифры);

– заглавие работы;

– название журнала или сборника курсивом (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;

– выходные данные, исключая год: для журнала – номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции – город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

Если даются ссылки на работы одного автора, которые изданы в один год, то используются буквенные индексы (a, b, c и т. д.). Например: 2014a, 2014b.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, указание на электронную форму публикации – [Электронный ресурс], полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), дата обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии. № 1 (61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения // Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) / Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Образец оформления в REFERENCES

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **REFERENCES,** составляется ***в порядке полностью идентичном Списку литературы.*** References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

– Авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация)/название источника на другом языке (в оригинале) [перевод названия источника на английский язык – парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык] // Транслитерированное название журнала, 2019. Vol. 7. No. 2. Pp. 34–40.

Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika, Mikhalchenko, VidaYu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Issue 2. Iazykoznanie. Pp. 6–23. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Статья из электронного журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals] // The New Research of Tuva. No. 3 [online]. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.)

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation] // Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan. Pp. 9–12. (In Russ.)

Здесь приведено полное описание конференции вместе с транслитерированным и переведенным на английский язык названием статьи. Основная часть (кроме авторов) включает: название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия). Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov [Language policy in the context of present-day language processes] / Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p. (In Russ.)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources]. Available at: http://www.scribd. com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 2 (14)

2023

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 30.10.2023 | Published 30.10.2023
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 23.75 | Format 60x84/8. Printed sheets 23.75

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1